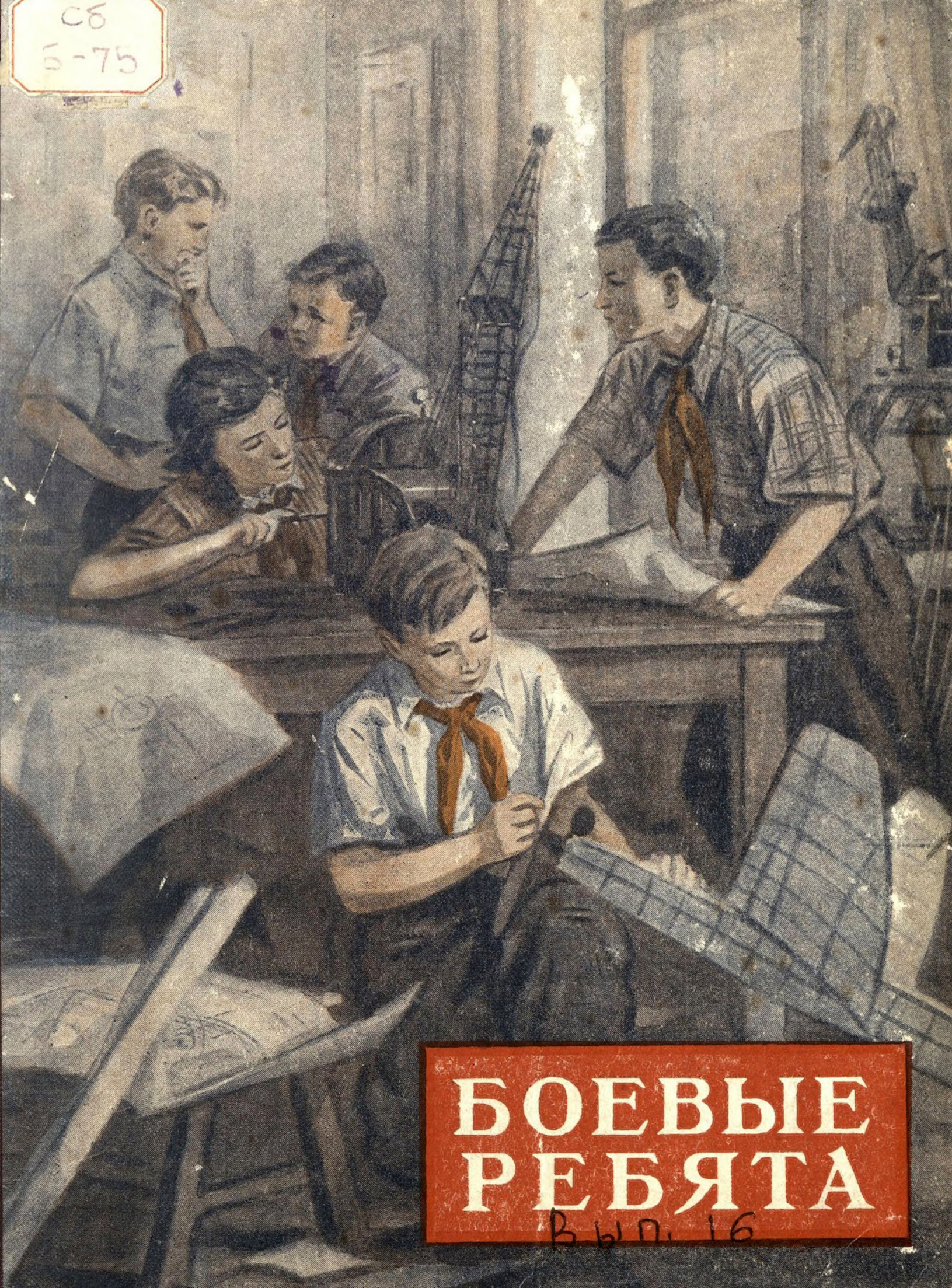
СБ
Б-75



БОЕВЫЕ РЕБЯТА

Вып. 16

С8
Б75

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

ВЫПУСК
ШЕСТНАДЦАТЫЙ

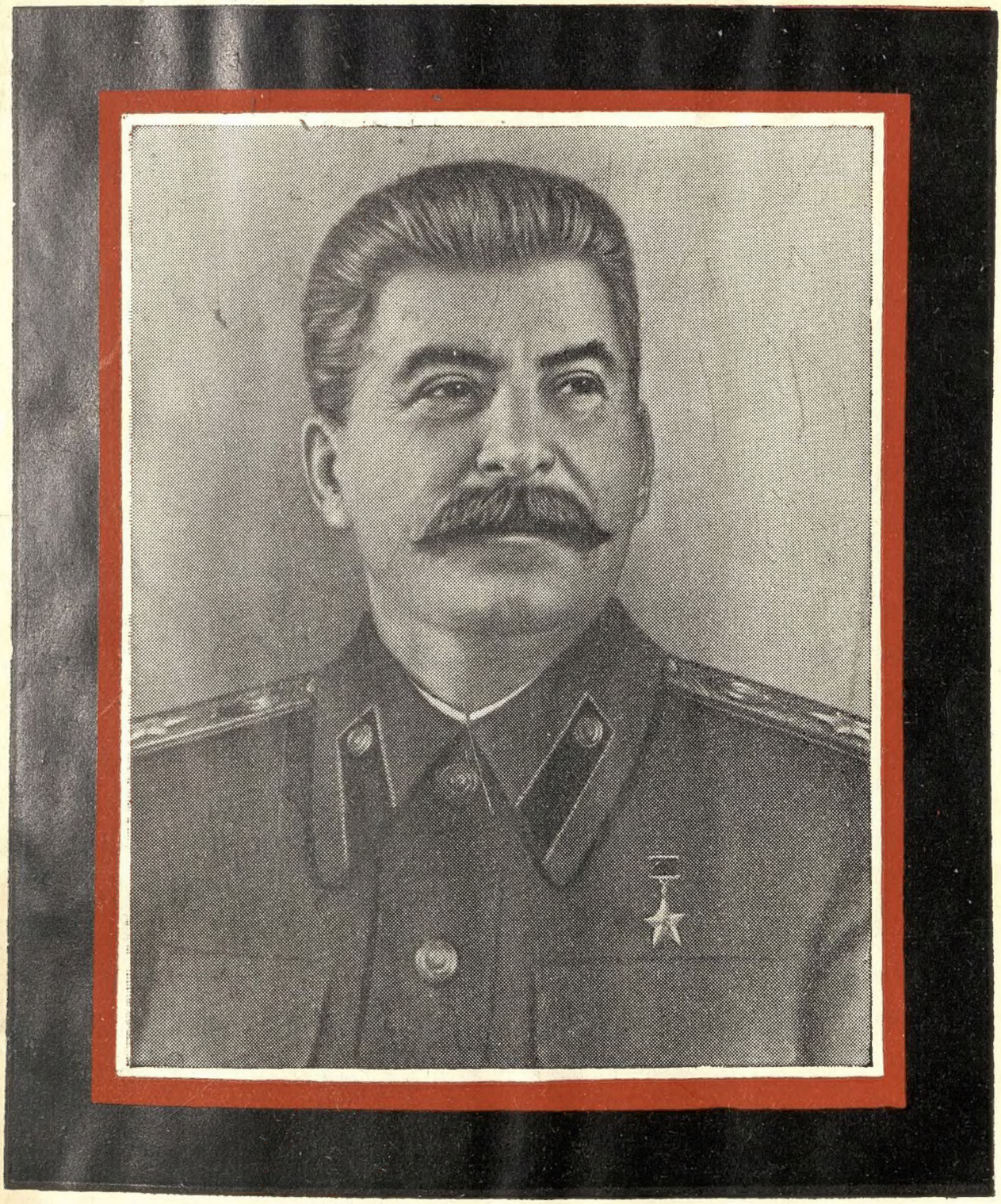
г823412

Детская Центральная Библиотека
г. Свердловск

Свердловское
Книжное Издательство
1953

5 марта в 9 час. 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался Председатель Совета Министров Союза ССР и Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

Бессмертное имя СТАЛИНА всегда будет жить в сердцах советского народа и всего прогрессивного человечества.



Детская Центральная Библиотека
г. Свердловск

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР И ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Ко всем членам партии, ко всем трудящимся Советского Союза

Дорогие товарищи и друзья!

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР с чувством великой скорби извещают партию и всех трудящихся Советского Союза, что 5 марта в 9 час. 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался Председатель Совета Министров Союза ССР и Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

Перестало биться сердце соратника и гениального продолжателя дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа — Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА.

Имя СТАЛИНА — бесконечно дорого для нашей партии, для советского народа, для трудящихся всего мира. Вместе с Лениным товарищ СТАЛИН создал могучую партию коммунистов, воспитал и закалил ее; вместе с Лениным товарищ

СТАЛИН был вдохновителем и вождем Великой Октябрьской социалистической революции, основателем первого в мире социалистического государства. Продолжая бессмертное дело Ленина, товарищ СТАЛИН привел советский народ к всемирно-исторической победе социализма в нашей стране. Товарищ СТАЛИН привел нашу страну к победе над фашизмом во второй мировой войне, что коренным образом изменило всю международную обстановку. Товарищ СТАЛИН вооружил партию и весь народ великой и ясной программой строительства коммунизма в СССР.

Смерть товарища СТАЛИНА, отдавшего всю свою жизнь беззаветному служению великому делу коммунизма, является тягчайшей утратой для партии, трудящихся Советской страны и всего мира.

Весть о кончине товарища СТАЛИНА глубокой болью отзовется в сердцах рабочих, колхозников, интеллигентов и всех трудящихся нашей Родины, в сердцах воинов нашей доблестной Армии и Военно-Морского Флота, в сердцах миллионов трудящихся во всех странах мира.

В эти скорбные дни все народы нашей страны еще теснее сплачиваются в великой братской семье под испытанным руководством Коммунистической партии, созданной и воспитанной Лениным и Сталиным.

Советский народ питает безраздельное доверие и проникнут горячей любовью к своей родной Коммунистической партии, так как он знает, что высшим законом всей деятельности партии является служение интересам народа.

Рабочие, колхозники, советские интеллигенты, все трудящиеся нашей страны неуклонно следуют политике, выработанной нашей партией, отвечающей жизненным интересам трудящихся, направленной на дальнейшее усиление могущества нашей социалистической Родины. Правильность этой политики

Коммунистической партии проверена десятилетиями борьбы, она привела трудящихся Советской страны к историческим победам социализма. Вдохновляемые этой политикой народы Советского Союза под руководством партии уверенно идут вперед к новым успехам коммунистического строительства в нашей стране.

Трудящиеся нашей страны знают, что дальнейшее улучшение материального благосостояния всех слоев населения — рабочих, колхозников, интеллигентов, максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества всегда являлось и является предметом особой заботы Коммунистической партии и Советского Правительства.

Советский народ знает, что обороноспособность и могущество Советского государства растут и крепнут, что партия всемерно укрепляет Советскую Армию, Военно-Морской Флот и органы разведки с тем, чтобы постоянно повышать нашу готовность к сокрушительному отпору любому агрессору.

Внешней политикой Коммунистической партии и Правительства Советского Союза являлась и является незыблемая политика сохранения и упрочения мира, борьбы против подготовки и развязывания новой войны, политика международного сотрудничества и развития деловых связей со всеми странами.

Народы Советского Союза, верные знамени пролетарского интернационализма, укрепляют и развивают братскую дружбу с великим китайским народом, с трудящимися всех стран народной демократии, дружественные связи с трудящимися капиталистических и колониальных стран, борющимися за дело мира, демократии и социализма.

Дорогие товарищи и друзья!

Великой направляющей, руководящей силой советского народа в борьбе за построение коммунизма является наша

Коммунистическая партия. Стальное единство и монолитная сплоченность рядов партии — главное условие ее силы и могущества. Наша задача — как зеницу ока хранить единство партии, воспитывать коммунистов как активных политических бойцов за проведение в жизнь политики и решений партии, еще более укреплять связи партии со всеми трудящимися, с рабочими, колхозниками, интеллигенцией, ибо в этой неразрывной связи с народом — сила и непобедимость нашей партии.

Партия видит одну из своих важнейших задач в том, чтобы воспитывать коммунистов и всех трудящихся в духе высокой политической бдительности, в духе непримиримости и твердости в борьбе с внутренними и внешними врагами.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров Союза ССР и Президиум Верховного Совета СССР, обращаясь в эти скорбные дни к партии и народу, выражают твердую уверенность в том, что партия и все трудящиеся нашей Родины еще теснее сплотятся вокруг Центрального Комитета и Советского Правительства, мобилизуют все свои силы и творческую энергию на великое дело построения коммунизма в нашей стране.

Бессмертное имя СТАЛИНА всегда будет жить в сердцах советского народа и всего прогрессивного человечества.

Да здравствует великое, всепобеждающее учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина!

Да здравствует наша могучая социалистическая Родина!

Да здравствует наш героический советский народ!

Да здравствует великая Коммунистическая партия Советского Союза!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СОВЕТ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР

5 марта 1953 года

ДЕТИ ПРОЩАЮТСЯ С ВОЖДЁМ

Как недавно это было... Май. Праздничная Красная площадь. Весенний ветер треплет полотнища алых флагов. Демонстранты с песнями проходят мимо Мавзолея. Там, на трибуне, среди своих соратников Сталин. Спокойный, полный глубокой думы и затаённой улыбки взор.

— Сталин! Сталин! — кричат люди. И смех, счастье, нежность во взглядах.

Тогда, в этот счастливый день, на трибуну поднялась маленькая школьница. Как горячо, как гулко билось сердце в груди, когда, замирая от любви и восторга, она протянула Иосифу Виссарионовичу цветы!

— От детей, — сказала она.

Девочка прижалась к плечу Иосифа Виссарионовича, его сильному, отцовскому плечу, и близко посмотрела в родные глаза. Сталин всё понял и обнял девочку. Вместе с ней он мысленно обнял детей всей Советской страны — юное племя, которое так щедро любил.

Три дня и три ночи развевает ветер траурные флаги на улицах Москвы. Колонный зал Дома союзов. Вот от группы детей отделяется девочка. Она крепко закусила губу, чтобы удержать рыдания, теснящие грудь. Девочка положила цветы к гробу Иосифа Виссарионовича Сталина.

— От детей, — чуть слышно шепчет она. И смотрит, смотрит в родное лицо.

Недвижим Сталин. Не поднимутся руки обнять девочку, как тогда... Сомкнуты веки. Покойно лицо.

И девочка тихо сходит со ступенек постамента. Горем сжато детское сердце: Сталина нет.

Сталин жив! Он живёт во всех великих народных делах. Поднимаются коммунистические стройки. Весна взломает льды, растопит снега, и заплещутся волны сталинских рек и морей. Зазеленеют по стране сталинские молодые леса. Солнце горячим ливнем хлынет в окна сталинских школ, и сильней заалеют на груди у пионеров алые галстуки.

«К борьбе за дело Ленина — Сталина будьте готовы!» Звучат клятвы в тысячах пионерских отрядов:

«Всегда готовы!»

М. Прилежаева

И БУДЕТ ВЕЧНО ЖИТЬ ТОВАРИЩ СТАЛИН

Никто не в силах до конца поверить, —
Ведь так безмерно велика беда, —
Что тот, чью жизнь веками не измерить,
Не улыбнется больше никогда.

Товарищ Сталин! Горе сердцем встретив,
Словами чувств людских не передашь.
Единственный на всём бескрайнем свете,
Как надо нам услышать голос Ваш!

И если бы исполнилось желанье:
Чтоб хоть на миг остались Вы в строю,
Любой из нас Вам отдал бы дыханье
И кровь свою. И жизнь свою.

Ушёл отец, сердца наполнив болью,
Не скажет больше слова никому.
Но гений свой, свою стальную волю
Оставил он народу своему.

Мы шли за ним среди грозовых вёсен.
Он был без сна и отдыха в Кремле

С тех пор, как клятву Ленину принёс он
И Лениным остался на земле.

Он нам открыл, он к нам приблизил дали.
И нет пути прекрасней и прямей.
И будет вечно жить товарищ Сталин
В делах его могучих сыновей.

Лев Ошанин

СЛОВО КОРЕЙЦА

Он болен тяжело... Три этих слова
впились нам в сердце остриём своим,
с великой болью мы внимали им
и каждый миг прислушивались снова
к ударам сердца самого родного —
прерывистым, слабеющим, глухим.
Великий вождь, мы в этот час печали
испили чашу горя до конца.
И, обливаясь кровью, замирали
Тобою закалённые сердца.
Ты умер. Солнца свет померк над нами,
Но и скорбя, мы не лишились сил.
Ещё сильней в руках мы сжали знамя,
которое народам ты вручил.
Нет, ты не сломленных бедой разящей
людей оставил в этот горький час.
Ты, вождь, ушёл от нас, как разводящий,
по боевым постам расставив нас.
Ты не умолк. Твоим словам мы внемлем,
пред нами твой отцовский добрый взгляд...
В моей стране цеха, уйдя под землю,
Ещё сильней, ещё грозней гудят.

Ещё трудолюбивей и упорней
на пашнях кровью политой земли
крестьяне в борозды бросают зёрна,
чтоб зёрна те победою взошли.
И над Пхеньяном гордо знамя реет,
которое озарено Тобой.
В моей родной несломленной Корее
идут герои в справедливый бой.

Се Ман Ир

Перевёл с корейского Н. Гребнев

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Третий день в распахнутые двери
вся Москва, весь мир
всё шли и шли.
Третий день пытались мы поверить
в смерть его. И не смогли.
Тихие оркестры отзвучали.
Стоны горя сдержаны в груди.
Эта ночь прощанья и печали
кончилась.
Бессмертье впереди.

Лев Ошанин

ПОЛКОВОДЕЦ КОММУНИЗМА

Как поверить в страшных слов значенье?!
Горе в них, несчастье и беда.
Замерли в печали, в горестном волненье
Наши сёла, наши города.
Не стереть с лица слезы горючей,
Слова утешенья не найти...
Всё б отдать, чтоб смерть была минучей,
Чтобы повернуть её с пути!
Добрые, хорошие закрылись
Сталина родимого глаза...
Флаги низко, низко наклонились,
Взгляд закрыла горькая слеза!
Замерла страна на полуслове,
Только снег за окнами летит...
Вся страна, народ у изголовья
В карауле траурном стоит.
Вся страна — и взрослые, и дети,
Партия и юный комсомол,
Все, кого в грядущие столетья
Полководец Коммунизма вёл!
Мы стоим — пусть слёзы наши льются!
И сегодня как всегда сильны

Дети Партии, солдаты революции,
Сталина великого сыны!
В трудный час, в суровую годину,
Помня мудрый сталинский завет —
Мы в стальной сплоченности едины,
И сплочённей нас на целом свете нет!
Спи, родной наш, наш отец любимый, —
В сердце боль, как море, глубока!..
Мы в рядах стоим неколебимо —
Сталин с нами! С нами — на века!

Анатолий Софронов

ИСПОЛНИМ СТАЛИНСКИЙ ЗАВЕТ

Мы знаем — к человеку непреложно
Приходит смерть, когда настанет час.
И всё ж представить было невозможно,
Что Сталина не будет среди нас.

И горько нам, и нет нигде предела,
Нет скорби человеческой конца,
Что умер он, — земля осиротела, —
Народ лишился друга и отца.

Всё, что в народе счастьем называлось
Его руками было нам дано.
И сколько б слёз о нём ни проливалось,
Его нельзя оплакать всё равно.

И пусть рыданий мы сдержать не в силе,
В гробу Вождя увидев своего, —
Но если бы мы руки опустили,
То недостойны были бы его.

И пусть в печали нас нельзя утешить,
Но он, Учитель, нас учил всегда:

Не падать духом, голову не вешать,
Какая б ни нагрянула беда.

Нет, даже в скорби мы не безоружны —
Сыны народа, Сталина сыны:
Мы твёрдо помним, что нам делать нужно,
Какой вершины мы достичь должны!

И мы клянёмся партии сегодня,
Что в нашем сердце колебаний нет,
Что мы на труд готовы и на подвиг,
Что мы исполним Сталинский завет!

Михаил Исаковский

23342

Областной Центральной Библиотеки
г. Свердловск

ГЕОРГИНЫ

К. Махров

Рисунки В. Васильева

Конец августа был дождливым. Но первого сентября, словно нарочно для начала учебного года, ветер разогнал облака, и солнце, обрадовавшись тому, что наконец-то можно добраться до земли, хлынуло золотыми потоками.

Просторный класс залит солнцем. В классе шумно. Ребята, загорелые, довольные, радостные, расспрашивают друг друга, показывают фотокарточки, коллекции, гербарии.

В углу, около последней парты, человек пять ребят: Петя Осокин, Лена Коргуева, Тима Ершов... Они о чём-то тихо говорят, изредка посматривая на дверь; вид у всех заговорщицкий.

Прозвенел звонок, и в класс вошла Валентина Александровна, молодая, в светлом летнем платье.

— Здрав-ствуй-те, Ва-лен-ти-на Алек-сан-дров-на!—весело приветствовали её ребята, вставши со своих мест.

— Здравствуйте, ребята... Ну, что ж... Начнём новый учебный год, — для вас уже шестой...

Для неё самой этот день был началом второго года учительской деятельности.

— Сейчас я познакомлю вас с программой наших занятий в шестом классе...

С задней парты поднялся Тима Ершов и попросил слова. Он достал из-под парты что-то большое, завёрнутое в бумагу и, видимо, лёгкое, и направился к учительскому столику. Здесь он снял бумагу, и все увидели букет свежих пылающих георгинов.

— Это мы... вам, Валентина Александровна, — сказал он, волнуясь. — Поздравляем вас с новым учебным годом!

— Ребята, да зачем это... — растерялась Валентина Александровна от неожиданности. — Вот вы какие, право... Не надо...

Георгины были поставлены в банку с водой и красовались на столе.

Валентина Александровна начала объяснять первую тему: виды культурных растений, выращивание их человеком, их значение в нашей жизни. Ребята внимательно слушали, и это радовало учительницу. И Петя Осокин, остроглазый чернявенький крепыш, и Боря Скворцов, живой мальчик, с умными, горячими глазами, и Лена Коргуева, самая прилежная, всегда строгая к себе и товарищам девочка, — все слушали учительницу.

Валентина Александровна, всё более увлекаясь, говорила о картофеле, о капусте, показывала таблицы и рисунки.

И вдруг, в тот момент, когда она повернулась к доске и

хотела что-то написать, по классу пролетела бумажная галка и стукнулась о доску.

— Кто бросил? — спросила учительница, глядя на ребят полными недоумения глазами. Ведь всё так хорошо шло на уроке...

Класс молчал.

— Значит, никто? Галка сама влетела в окно?

Валентина Александровна положила мел и подошла к столу.

— Если бы вы знали...— начала она тихо.— Мне хотелось передать вам как можно больше...

— Боря, — обернувшись к Боре Соколову, сказала Лена Коргуева, — может быть, это ты сделал? Скажи нам...

— Не я... — вспыхнул Боря. — Вот всегда... Всё на меня...

— Так кто же? — спросил Тима Ершов.

— Я хотела бы, чтобы виновник признался сам, — проговорила Валентина Александровна.

— Правильно, — согласился с учительницей Петя Осокин. — Пусть признается сам... Ребята, кто пустил галку? В первый день... Ну... Это просто нехорошо.

— А что за это будет? — спросила тоненьким голоском Валя Коркина, русоволосая круглолицая девочка.

— Ничего! — удивилась Валентина Александровна. — Открытое признание своей вины для меня означает то, что этот человек больше никогда ничего плохого не сделает.

Прозвенел звонок.

— Мне жаль, ребята, — сказала учительница, — из-за этой галки я не закончила объяснение материала. Так я прошу вас, останьтесь после уроков на несколько минут. А цветы — унесите, не возьму их.

На лицах ребят отразилось недоумение, и стыд, и неверие... Она, Валентина Александровна, их воспитательница, которую они все так любят, отказывается от их подарка? Нет, это невозможно...

Валентина Александровна ушла.

В классе поднялся шум.

— Кто пустил галку? Сознайтесь сейчас же, — требовал Петя Осокин.

— Я так слушала, так слушала... — говорила Валя Коркина. — И вдруг... — Ну да, он всем помешал!

— И обидел Валентину Александровну, — добавил Тима Ершов. — Просто непонятно: зачем он это сделал? Кому это надо?

— Может быть, они — или он — хотел показаться героем? — сказал Алик Груздев и, подойдя к Боре Скворцову, который, насупившись, сидел за партой, спросил его:

— Помнишь, вы с Тимой спорили о геройстве? Он говорил, что герой — это тот, кто сделал что-нибудь очень хорошее, очень нужное. А ты говорил, что героем можно назвать любого, кто вообще сделает что-либо исключительное? Говорил? Говорил. Скажи, сейчас ты назвал бы этого галкоброса героем?

— Не знаю... Нет, — косо поглядел на Алика Боря Скворцов. — Почему ты именно меня спрашиваешь?

Поднялся спор о героизме.

— Ладно, ребята, что там рассуждать, — сказал Петя Осокин,— виновник не найден, виновник не признаётся. Что же делать?

Валя Коркина с возмущением потребовала:

— Наказать.

Ребята засмеялись: кого же наказывать?

— Всё равно нужно наказать, — настаивала на своём Валя. — Он очень обидел Валентину Александровну. Мы все её любим. Она была у нас в лагере воспитателем... Порядок в её отряде, то есть у нас, был лучше всех, сколько раз начальник лагеря отмечал наш отряд.

Петя Осокин рассказал о том, что в лагере они часто ходили с Валентиной Александровной в лес, нашли много редких растений, составили гербарий. Всё собранное хранится сейчас у самого заядлого ботаника, Бори Скворцова, который был во всех ботанических делах первым помощником Валентины Александровны. Завтра он принесёт гербарий в школу.

— А почему сегодня не принёс?

— Не успел разложить по коробочкам, — хмуро ответил Боря.

— Ребята, у меня есть предложение, — сказал Петя Осокин.— Давайте напишем на доске наш протест: «Мы все против хулиганского поступка. Валентина Александровна, извините нас...»

— А за что извините? — спросил Тима.

— Как за что? Известно... За то, что мы не виноваты,— твёрдо ответил Петя.

Ребята дружно засмеялись. Петя смотрел на всех непонимающими глазами: что они хохочут?

— Ты что же, хочешь, чтобы мы были виноваты?

Только тут Петя сообразил, что сказал не то, и засмеялся.

— В общем, ребята, — сказал он, — напишем так: «Извините нас», и — точка. Валентина Александровна прочтёт и поймёт. Согласны? Подписываться пусть будет только тот, кто галку не бросал.

— Верно! Верно! Вот это на самом деле — мудро!

Во всём этом разговоре не принимала участие одна Лена Коргуева. Она сидела за партой и что-то чертила на обложке тетради.

Петя Осокин написал на доске извинение. Но подписаться под ним все не успели, вошла Валентина Александровна.

— Кто дежурный? — спросила она. — Петя Осокин? Прошу тебя, Петя: возьми георгины и убери их отсюда. Я же говорила вам: букет мне не нужен.

Петя поднялся и вынес из класса цветы. Валентина Александровна стояла, отвернувшись к окну.

— Ребята, — сказала она, когда Петя вернулся, — вы встретили меня цветами... А потом... Мне эти цветы, если бы я взяла их домой, каждую минуту говорили бы, что среди вас есть кто-то неискренний. Сначала он дарит цветы, потом делает тебе гадость.

— Да он же ещё и трусишка! — прозвенел возмущённый голос Лены Коргуевой. Это было первое, что она сказала по поводу всей этой истории. В глазах её сверкали гневные искорки.

— Я не хочу больше говорить об этом, начнём урок.

— Валентина Александровна, — срывающимся от волнения голосом сказала Валя Коркина. — Мы... Прочтите на доске...

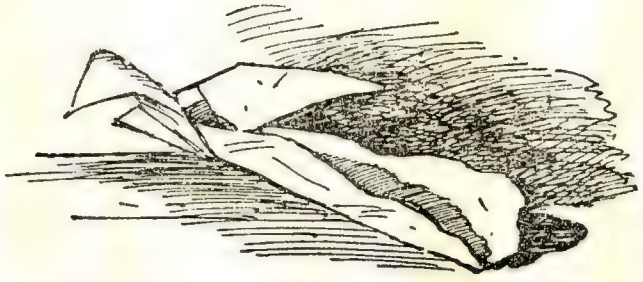
Валентина Александровна прочла.

— Что ж, это хорошо... Тот, кто провинился, видит, как относится класс к его поступку. Я уверена, что он никогда не сделает впредь ничего дурного.

Она принялась объяснять. И тут поднялся Боря Скворцов:

— Валентина Александровна... простите... И все ребята... Это я... галку-то...

Из школы вышли все вместе: Валентина Александровна и гурьба весёлых ребят. В одной руке Валентина Александровна несла портфель с книгами, в другой — большой букет пламенных георгинов.



БУДЕМ ЗНАКОМЫ

И. Пешкова *Рисунки В. Васильева*

Началось всё с политинформации, на которой секретарь комсомольской организации 7 «б» Аннушка Гвоздева делала сообщение о пятилетнем плане.

— Ребята, — сказала она в конце, — а что, если мы на эту тему вечер проведём? Как вы считаете?

Потом она подумала, что выразилась неточно, и, переспросив: «У кого какие мнения?» — так, как это принято у взрослых, озабоченно посмотрела на ребят. Выступая, Аннушка всегда старалась немного хмуриться, чтобы казаться солиднее. И, видно, потому, что говорила она спокойно, не торопясь, всё делала чинно, без лишней суеты, она и вправду казалась старше и серьёзнее своих одноклассников.

Мнение оказалось общим: предложение поддержать. Торжественную часть поручить Гвоздевой, самодеятельность — лучшим талантам 7 «б».

Не прошло и недели, как подготовка к вечеру была уже в полном разгаре. Высокая, худенькая Валя Николаенко, общепризнанная будущая артистка, знала напамять почти всю свою роль в новой пьесе. На совесть старались чтецы, надоедая всем «поисками жестов». Каждый день собирались спевки классного хора, который, по словам Зойки Неверовой, самой бойкой и непоседливой семиклассницы, обязательно должен был спеть не на «хор», а на «пять». Словом, всё шло своим чередом, и вдруг...

Всю перемену Аннушка где-то пропадала, потом прибежала в класс к самому звонку и возбуждённо зашептала Неверовой.

— Зоя, останься после уроков. Обязательно. Слышишь? Я...

Она хотела было объяснить, в чём дело, но в класс уже входил учитель.

— Ты потом сама увидишь, — шепнула она, садясь за парту. — Вот оставайся.

На уроке на Зою было смешно смотреть. Уж очень ей нетерпелось узнать, что случилось. Поэтому она всё время старалась подсунуть Аннушке умоляющую записку: «Ну скажи, что? Ну скажи!»

Думая о своём, Зоя смотрела на физика Ивана Петровича с таким отсутствующим выражением, что тот, наконец, спросил:

— Что с вами, Неверова? Вам непонятно?

Зоя, смутившись, пробормотала: «Нет, почему же, я всё понимаю» — и перестала подсовывать записку.

Прозвенел звонок.

— Не расходитесь, ребята, — крикнула Аннушка, когда вокруг гулко захлопали крышками парт. — Вот слушайте: я не буду на вечере делать доклад, который мне поручили. И знаете почему?..

Зойка даже не успела ничего возразить, только брови её удивлённо взметнулись, а большие серые глаза от неожиданности раскрылись широко-широко.

— Давайте лучше...

Когда Аннушка закончила, Неверова даже подпрыгнула от удовольствия.

— Нет, это, правда, здорово: пригласить на торжественную часть самых лучших, самых знаменитых людей города! Пусть расскажут о своих делах, планах... Вот только кого?

Кого? Этот вопрос обсуждали горячо и всесторонне. Во время урока немецкого языка учительница Гертруда Петровна сказала даже, что за второй партой идёт какой-то митинг, хотя мальчики и старались перешёптываться незаметно.

— А я вам говорю: на машиностроительном Петряков самый известный, — доказывал на перемене Саша Вечкин, коренастый мальчик в спортивной курточке.— Ведь ваш Серебрин что? — Просто токарь-универсал. Опыт у него, сноровка, вот и всё. А Павел Петряков ещё и рационализатор. Он, знаете, какой резец придумал? Вот, смотрите.

Саша встал к доске и решительно начал что-то вычерчивать: когда дело доходило до чертежей, у Вечкина конкурентов не находилось. Всем давно было известно, что в будущем он хотел стать инженером и уже сейчас, по словам учителя черчения, начинал «удивлять мир».

— А мы хотим актрису, — наступала Зоя, — Фёдорову. Ту, что к нам из Москвы прислали. Она так последний раз играла, что это просто... Это...

— Это только такие восторженные личности, как ты, могут ею восхищаться, — оборвал Неверову Костя Шмелёв.

Внешне Костя ничем особенным среди других не выделялся: небольшого роста, подвижный, бойкий... Правда, он один в классе умел шевелить ушами и складывать язык «улиткой». Но это были второстепенные приметы. Зато характер! Характером Шмелёв был на редкость упрям и несговорчив. Если ребята хвалили что-либо, Костя считал это не стоящим внимания. Ругали, — он, наоборот, восхищался.

— Она в спектакле рассказывает о своём изобретении, а сама, наверняка, и станка в глаза не видела... Я знаю, кто её к нам на вечер тянет. Валька! Похвастаться перед артисткой хочет...

Покраснев от возмущения, так что веснушки на её лице стали совсем незаметными, Зоя промолчала. Нельзя же снова ссориться с Костей, если они только вчера помирились. Да и Валя, пожалуй, тоже не обратила бы внимания. Она вообще говорит, что Костя несерьёзный человек, и называет его скептиком. Не стоит расстраиваться из-за пустяков. Тоже, ценитель нашёлся!

Она собрала книги и, пренебрежительно пожав плечами, вышла из класса. Пусть говорит, что хочет — ещё видно будет, чья возьмёт.

Наконец, через два дня Аннушка сказала, что спорить хватит. Комсомольское бюро уже решило, кого пригласить. Будут, действительно, самые лучшие, самые достойные. Только кто — это пока секрет. Сюрприз, так сказать. Вот придёт вечер, тогда и...

И вот наступило заветное 15 число. Можно было представить, с каким нетерпением его ожидали! Да тут ещё Костя ходил и портил всем настроение, уверяя, что, например, Петряков сегодня никак не придёт, потому что уехал в командировку, а у Серебрина по графику в это время смена. Что даже Фёдорова заболела и что... Словом, он просто не представляет, кто будет. Пригласят, наверное, кого-нибудь, лишь бы только вечер не сорвать.

Хотя начало было назначено в семь вечера, все были в сборе уже к половине седьмого. Тётя Наташа, школьная гардеробщица, была, правда, почему-то недовольна этим и назвала семиклассников «неугомонными». Но на её ворчание, конечно, некогда было обращать внимание. Как же можно было приходить точно к началу, если ещё до торжественной части станет известно, кто приглашён. Ведь гости, наверняка, соберутся заранее, не появятся же они минута в минуту!

«Кулисы» волновались по-своему.

— Петя, пожалуйста, не маши руками, как будто у тебя под носом комары летают, — ещё раз напутствовала Валя своего партнёра по пьесе Петю Чубукова.— И книжкой не сильно хлопай, а то прошлый раз из-за твоего удара чуть переплёт не оторвался... Понял?

До семи оставались считанные минуты, и тут, как нарочно, что-то случилось с занавесом: не расходится в стороны — и баста.

Пришёл Саша Вечкин, внимательно осмотрел его и сказал, что занавес неправильно механизирован и нужно изменить конструкцию регулирующих блоков.

Но на этот раз Вечкина слушать не стали.

— Конструкцию? — закричало сразу несколько голосов. — Да ты с ума сошёл, Сашка! Есть время этим заниматься! Пускай кто-нибудь полезет и руками его раздвинет. Идёт?

С занавесом быстро расправились, и в зале прозвенели звонки: два длинных, один — покороче. Было даже похоже, что это по радио специально очень громко проверяют время.

Семь часов...

Аннушка вышла на сцену в своём обычном коричневом платье с белым нарядным передником и проговорила, как всегда, звонко и чётко.

— Итак, начинаем, ребята! Сейчас я познакомлю вас с нашими дорогими гостями!

Когда же после аплодисментов в зале снова наступила тишина, лицо её приняло лукавое и заговорщицкое выражение.

— Слово предоставляется доктору медицинских наук, профессору...

Кажется, в 7 «б» никого ещё не ждали с таким нетерпением и любопытством, как этого профессора. Таких гостей у семиклассников ещё не было.

И вдруг на сцену вышел... Сергей Иванов. Да, да — не какой-нибудь там знаменитый учёный, а Серёжка Иванов, их одноклассник, о котором все пока знали, что он выдумщик и мечтатель.

— Тише, ребята, — улыбнулась Аннушка. При этом ямочки на её щеках стали такими глубокими, как будто кто нарочно вдавил их кончиком отточенного карандаша. — Никакой

ошибки здесь нет. Это и есть профессор-доктор, которого мы сегодня ждали, — повернулась она к покрасневшему Иванову.

— Наш Сергей Михайлович Иванов через 15 лет... Давайте, помечтаем сегодня, друзья! Заглянем в наше завтра, будущее каждого из нас через три пятилетки! Разве вы не верите в то, что через пятнадцать лет Сергей станет доктором наук, самым знаменитым человеком в нашем городе?

Нет, в это, конечно, трудно было не поверить. Серёжка важно поднялся на трибуну, сначала посмотрел в зал поверх очков, затем не спеша протёр их, пригладил волосы, ершисто торчащие в стороны, и, ни капельки не смущаясь, начал говорить о своей докторской диссертации «Секрет долголетия человека». При этом «профессор» не просто рассказывал о своих планах. Оказалось, у него есть даже эскизы приборов, с помощью которых, по его мнению, можно будет делать самые сложные операции в области сердца и мозга.

— И мы добьёмся того, что срок человеческой жизни совсем скоро увеличится до ста — ста двадцати лет,— говорил Серёжа, и лицо у него было такое вдохновенное,такое прекрасное...

— Конечно! Выдумать всё можно, — пробормотал было Костя, сидевший рядом с Неверовой. Но Зоя только сердито толкнула его локтем и горячо захлопала Иванову, когда, окончив, тот неуклюже раскланивался с трибуны.

Следующий «гость», капитан межпланетного корабля, Галина Васильевна Чернова, или попросту, ученица 7 «б» Галка—«пулемёт» говорила совсем так, как на уроке геометрии при доказательстве теорем: быстро, без остановки. И мел в руках Галки, когда она чертила устройство своего корабля, крошился точно так же, как у доски в классе. При других обстоятельствах над Черновой обязательно подшутили бы за это. Не оставили бы в покое и её большой розовый бант, который совсем несолидно прыгал на голове «капитана». Но сейчас они совсем никого не занимали. Шутка ли — летать на самый Марс!

И вдруг получилось так, что захотелось высказаться чуть ли не всему 7 «б», и вместо трёх докладчиков на сцену поднималось всё больше и больше «знаменитых».

Оказалось, что в классе есть свои изобретатели, писатели, архитекторы... И каждому из них аплодировали так долго и бурно, что из стакана, к которому так и не притронулись докладчики, чуть-чуть не расплескалась вода.

Валя Николаенко, заслушавшись, выдвинулась из-за кулис, совсем забыв про свой театральный костюм. И всем стало видно, что глаза у неё такие же блестящие и яркие, какие бывают у актрисы Фёдоровой на спектакле.

Только Косте никак не хотелось признать себя побеждённым. Сказать правду, ему вечер тоже понравился. Но сознаться в этом Неверовой у него не было никакого желания. Чего доброго, передаст потом девчонкам, а те и рады. Не избавиться тогда Шмелёву от их ехидства...

— Как же, станет она садоводом, — пробовал было он поддеть Тасю Петренко, которая собиралась разводить сады в Средней Азии. — Там ведь скорпионы и тарантулы. А она, знаешь, как пауков боится!

Но Зоя не на шутку рассердилась.

— Да ну тебя, Костя, — вспылила она. — Пауки... Ты и вправду какой-то... скептик. Сам же потом напросишься на её яблоки!

Зоя вскочила и убежала в другой конец зала.

Через минуту Костя услышал оттуда её голос.

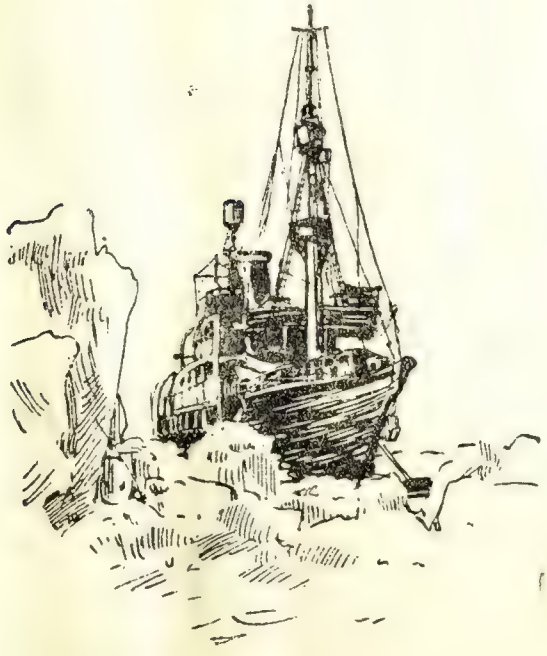
— Ребята! Объявляется вальс. Кого же мне пригласить из вас... самого знаменитого?..

Наш класс

Евгений Фейерабенд *Рисунки Е. Гилёвой*

Мы утром все приходим в класс,
И он, и я, и ты.
Одни учебники у нас
И разные мечты.
Петров мечтает быть врачом,
А Иванов — ботаником.
Фролову холод нипочём,
И будет он полярником.
Он хоть сейчас на ледокол
Готов пойти в матросы.
И сам бы судно он повёл
Сквозь белые торосы.
Полярной ночи темнота
Да частые зарницы...
Но чтоб сбылась его мечта,
Придётся поучиться.
Мы каждый день приходим в класс,

Чтоб всё узнать сполна.
Мечты различные у нас,
А Родина одна.
И тридцать школьников-друзей,
И ты, и он, и я,
Все одинаково мы ей
Родные сыновья.
Но миллионам сыновей
И миллионам дочерей
Немало надо знать,
Чтоб доброй матери своей
Помощниками стать.
В больших и малых городах,
В колхозных сёлах, на полях,
В лесах, в степях, и на морях,
В её борьбе, в её трудах,
Во всех её делах!



Осень

Евгений Фейерабенд *Рисунки Е. Гилёвой*

Осень всё вокруг листвой засыпала,
Раздевая на зиму сады.
А потом пороша ночью выпала
И ледком подёрнулись пруды.

На рябинах, будто клочья пламени,
Гроздья ягод, стаи снегирей.
Школьники, морозцем разрумянены,
Пробежали к школе — «кто быстрей?»

И, весёлым шумом привлечённое,
Из-за туч, закрывших небосвод,

Кое-как проглянет солнце сонное
И, ребят увидев, подмигнёт.

Дети с ним хорошие приятели,
Многие ещё сейчас черны.
Но теперь у школьников занятия,
А у солнца — отпуск до весны.

Дворец счастья

Е. Медякова *Рисунки Е. Гилёвой*

Галя Лобанова выписывала на страничку школьной тетради:

«Приваловский дом... занимал собою вершину горы и представлялся издали чем-то вроде старинного кремля. Несколько громадных белых зданий с колоннами, бельведерами, балконами и какими-то старинной формы куполами, выходили главным фасадом на небольшую площадь, а великолепными воротами, в форме триумфальной арки, на Нагорную улицу... За главным зданием, спускаясь по Нагорной улице, тянулся целый ряд каменных пристроек, тоже украшенных колоннами, лепными карнизами и арабесками. Сквозные железные ворота открывали вид на широкий двор, со всех сторон окружённый службами, конюшнями, великолепной оранжереей. Это был целый замок в помещичьем вкусе; позади зеленел старинный сад, занимавший своими аллеями весь спуск горы».

Роскошный дом, подаренный золотопромышленником Гуляевым своей дочери, жене заводчика Привалова (рассказы-

вает в романе «Приваловские миллионы» Мамин-Сибиряк), недолго изумлял екатеринбуржцев. Растратив многомиллионное состояние, Привалов умер, наследники его разорились, и дом пришёл в упадок.

В это время он «...представлял собою великолепную развалину: карнизы обвалились, крыша проржавела и отстала во многих местах от стропил целыми полосами; массивные колонны давно облупились, и сквозь отставшую штукатурку выглядывали обсыпавшиеся кирпичи; половина дома стояла незанятой и печально смотрела своими почерневшими окнами без рам и стёкол».

Галя закрыла роман.

Всё это было давно-давно, более ста лет тому назад. А сейчас совсем другой жизнью живёт старинный дом-дворец, созданный по проекту неизвестного архитектора руками уральских рабочих-строителей.

Галя представила себе Дворец пионеров: отделанный тагильским мрамором вестибюль, просторные залы и фойе со сверкающей гладью паркета; чудесную роспись комнат-сказок. На стенах одной лучшие мастера Палеха изобразили великого русского поэта А. С. Пушкина и героев его сказок: Царевну-Лебедь, тридцать три богатыря, Черномора, золотую рыбку и даже учёного кота, который «сказки говорит». А на стенах соседней комнаты зеленеют чудесные уральские горы; из раскрывшейся скалы появляется суровая и справедливая Хозяйка Медной горы и открывает сокровища подземного царства пытливому и трудолюбивому мастеру Даниле; пляшет вокруг костра неуёмная Огневушка-Поскакушка и уносит богатырь Айлып свою невесту Золотой Волос...

Ещё малышами приходят сюда мальчики и девочки, слушают сказки Пушкина и чудесные сказы Бажова; веселятся в светлом зале вокруг новогодней елки; смотрят спектакли кукольного театра.

Идут годы, растут ребята. И настанет день, когда вся пионерская организация школы приходит на сбор в уютный и праздничный зал Дворца... Приходят и школьники, которых дружина принимает в свои ряды.

Волнуясь, повторяют они вслед за вожатой слова торжественного обещания, чтобы помнить их всю жизнь. И когда на груди у каждого заалеет пионерский галстук, они ответят на призыв: «К борьбе за дело Ленина — Сталина будьте готовы!» — «Всегда готовы!» — и поднимут руки в первом пионерском салюте. Каждый запомнит эту торжественную минуту, когда он почувствовал себя полноправным членом дружной пионерской семьи.

Тысячи пионеров и школьников Свердловска бывают в Дворце на концертах, на спектаклях, поставленных драматическим коллективом.

Но Дворец не только место весёлого отдыха. Здесь ребята развивают свои способности и дарования. В кабинетах и лабораториях Дворца, направляемые умелыми педагогами, школьники умножают свои знания, углубляют их, познают мир, учатся управлять природой.

Юные натуралисты изучают законы мичуринской биологии и выращивают необыкновенные растения.

Юные географы собираются за круглым столом в кабинете, где за стёклами витрин лежат образцы различных минералов, а в шкафах — редкие книги по географии и геологии. Горячо обсуждают они итоги летних походов на Северный Урал, на сказочную Азов-гору. В тренировочных походах юные туристы приобретают силу, выносливость, закаляют своё здоровье.

А в это время юные техники в кабинетах и лабораториях создают различные модели, макеты и механизмы. Самые лучшие из этих работ собраны в большой комнате со скромной надписью «Отдел занимательной техники».

Войдите в неё, и вам покажется, что вы попали в музей.

Какие чудесные вещи находятся тут! Здесь можно увидеть сложнейшую машину, похожую на изящную игрушку, и рядом — игрушку, действие которой основано на законе физики.

Многие работы — замечательная иллюстрация к истории русской науки и техники. Мы встретим здесь исторические модели: телеграф Якоби, свечу Яблочкова, лампочку Лодыгина,

грозоотметчик изобретателя радио А. С. Попова, копию самолёта Можайского. Смелой дугой перекинулся деревянный необычайной конструкции мост, проект которого принадлежит изобретателю восемнадцатого века Кулибину.

В стеклянном ларце стоит на рельсах забавный паровоз с длинной трубой и маленьким тендером: это модель паровоза уральских изобретателей девятнадцатого века отца и сына Черепановых.

А другие модели и макеты отражают могучую передовую технику нашей Отчизны. Вот модель шагающего экскаватора ЭШ-$^{14}/_{65}$. Его сделали по чертежам Уралмашзавода члены слесарно-механического кружка, которым руководил В. А. Мартьянов. Прежде чем приступить к постройке экскаватора, юные механики слушали специальную лекцию, которую прочитал им один из создателей шагающего гиганта — конструктор Д. И. Ясенев. Около двадцати школьников самостоятельно изготовляли части экскаватора: одни делали части кузова, другие — детали стрелы. Ранней весной 1952 года экскаватор был готов. Но юные строители не чувствовали удовлетворения: перед ними стояла неподвижная модель прекрасной машины. После горячих обсуждений было решено «оживить» модель. И хотя это было нелёгкое дело, через десять дней механизмы экскаватора опускали ковш, поднимали его, поворачивали корпус сложной машины на 360 градусов. Экскаватор ожил!

А дальше мы видим построенные ребятами движущуюся модель электротрактора, высокочастотную плавильную печь, транспортёр с автоматической остановкой мотора, завод серной кислоты. Даже огромный макет плотины и здания гидроэлектростанции встретим мы здесь.

Среди замечательных работ, собранных в этой комнате, вы не сразу обратите внимание на окно в стене. «Окно» задёрнуто плотной шторой, сделанной из узких деревянных реек.

Нажмём кнопку на стене, и штора с лёгким шумом уползает вверх.

Забудьте всё окружающее и вообразите на миг, что мы находимся... в кабине межпланетного корабля. За окном — тём-

ное, бархатно-синее небо. Как золотая пыль, рассыпаны по нему звёзды. Они образуют знакомые вам созвездия.

На фоне звёздного неба медленно вращается земной шар. Синеют океаны и моря, материки светятся ровным оранжево-красным светом.

А когда мы налюбуемся этим чудесным зрелищем — нажмём вновь кнопку на стене, и плотная штора, опустившись, наглухо закроет окно «межпланетного корабля».

Много труда положили на постройку этой модели юные энергетики Слава Бахтилин, Юра Масалкин и Слава Азанов: сделали макет земного шара, в синий цвет покрасили моря, а материки покрыли особой светящейся краской. Невидимая зрителям половина земного шара подвергается действию яркого электрического света, а когда поворачивается к нам, поверхность материков излучает необыкновенный свет.

На большом диске тёмнокоричневого цвета чёткая надпись:

Слава Сталину!

Включается электромотор, и диск начинает вращаться с огромной скоростью. Слова на диске сливаются в неясные белые полосы. Включается прожектор с газосветной лампой. В этой лампе светится узкая трубка, наполненная газом неоном. В розовато-лиловом свете лампы диск как будто сразу останавливается. Отчётливо выделяются слова, болтики, которыми укреплён диск, видна даже резьба на болтиках.

Может быть, диск действительно остановился?

Выключаем прожектор и видим, что диск попрежнему вращается со скоростью около тысячи оборотов в минуту.

В течение трёх с половиной месяцев Виктор Супрун и Владимир Фелоник строили свой чудесный прибор. Прибор этот очень ценен. Называется он строботрон. С помощью строботрона можно рассматривать в мнимо неподвижном состоянии предметы, которые на самом деле вращаются с колоссальной скоростью.

В день авиации семиклассница Галя Лобанова была в Парке культуры и отдыха. Впервые в жизни увидела она близко настоящий самолёт. Лётчик в кителе с голубыми петлицами

рассказывал, как управляют аэропланом. На передвижной выставке Галя просмотрела портреты и плакаты, рассказывающие о великих русских учёных и изобретателях, работавших в области авиации.

Какое это увлекательное дело — не только летать, но и создавать чудесные летающие машины!

Тогда и родилась мечта Гали — стать авиаконструктором.

Галя пришла в Дворец пионеров и несмело открыла дверь кабинета авиамоделирования. Но заведующий кабинетом Евгений Васильевич Волков так приветливо встретил её и так интересно рассказал о работе авиамоделистов, что Галя загорелась ещё больше.

Комната, в которой занимались авиамоделисты, была необычной. Под потолком на тонкой нитке парил большой, похожий на серебряную рыбу, дирижабль, качались сотни авиамоделей. Галя ещё не разбиралась в их типах, но некоторые показались ей невероятно сложными. Не верилось, что она научится делать такие вот модели с широким размахом крыльев, блестящим пропеллером и даже моторчиком.

На занятиях кружка Галя Лобанова встретилась с ученицей и подругой Ниной Комаровой. Прилежно работали девочки. Сначала они делали парашюты, бумажные самолётики, потом взялись за схематические модели планёров. Как далеко было от этих лёгких игрушек, состоящих только из деревянного стержня и крыльев, до настоящего самолёта! Но модели летали! Они были первой ступенькой к осуществлению мечты.

Рядом мальчики мастерили комнатные модели. Эти модели почти ничего не весят, некоторые из них уравновешиваются на весах двухграммовой гирькой. Но сколько кропотливого труда нужно затратить, чтобы сделать каркас корпуса из соломки, оклеить крылья радужной, прозрачной, как мыльный пузырь, микроплёнкой и отрегулировать модель, чтобы она хорошо летала.

Евгений Васильевич, опытный руководитель, всегда был готов помочь своим ученикам. Он в годы войны работал на ре-

монте боевых самолётов Советской Армии. А сейчас он растит будущих авиаконструкторов и инженеров.

Внимательно присматривался Евгений Васильевич к работе девочек. Нина Комарова,— весёлая, смешливая, с задорной ямочкой на щеке, работала быстро и уверенно. Галя Лобанова, смуглая, тёмноволосая, с серьёзным взглядом, чуть медленнее, но каждую деталь отделывала с большой тщательностью. Сначала девочки не умели обращаться с инструментами. Но вскоре появились и умение и сноровка: они научились работать рубанком, лобзиком, пилой. Подруги обогнали многих мальчиков и за год прошли двухгодичную программу. Сколько радости было, когда они перешли к постройке фюзеляжных моделей, имеющих объёмный корпус!

Весной девочки сдали нормы на значок «Авиамоделист СССР». А через месяц отлично закончили седьмой класс.

Итог работы юных авиамоделистов подводится каждый год в начале лета. Областные состязания 1952 года проходили в середине июня.

Двадцать команд авиамоделистов из четырнадцати городов нашей области съехались на Свердловский аэродром.

Замечательное зрелище представляло собой поле аэродрома в день начала соревнования. Сто пять участников привезли сто пятьдесят шесть моделей. Маленькие самолёты и планёры были выстроены в ряд, за ними встали юные конструкторы. Модели были самых различных размеров, конструкций, цветов: белые, синие, красные, голубые. Тщательностью и красотой отделки выделялись модели команд Свердловска и Алапаевска.

Внимание гостей и участников соревнований привлекла оригинальная модель «кольцеплана» нижнесалдинского юного моделиста Козлова и модель гидросамолёта, сделанная членом кружка Молотовской станции юных техников Муратом Бикметовым.

Замечательные модели представили и конструкторы Дворца пионеров. Все любовались полутораметровым размахом крыльев модели — копии советского самолёта, построен-

ной Борисом Двоскиным. На модели был установлен компрессорный мотор [1]. Она заняла первое место по своей группе и установила два областных рекорда: по высоте и продолжительности полёта. В неё было залито горючее на два часа. Модель поднялась на высоту 1370 метров и продержалась в воздухе 3 часа 14 минут.

Гидросамолёт Мурата Бикметова летел 35 минут 48 секунд и исчез в облаках. Только через пять дней его нашли в 18 километрах от места старта. Но и за время, пока модель была видима, она в 3½ раза превысила прежний областной рекорд по продолжительности полёта.

Но самые интересные приключения произошли с моделью Славы Яковлева. Слава занимался в авиамодельном кабинете Дворца пионеров два года.

Долго и тщательно работал он над фюзеляжной моделью с механическим двигателем.

---

[1] Мотор, работающий без зажигания.

На соревнованиях модель быстро набрала высоту (горючего в ней было часа на три: 850 граммов). Настоящие лётчики, следили за полётом модели. Уже 23 минуты она находилась в воздухе. Но вот высокие кучевые облака закрыли её...

Рано утром колхозники артели имени Куйбышева, Покровского района, косили сено. Вдруг к ним на луг спустилась модель. Колхозники подняли её. На крыле обнаружили наклейку с адресом.

Сейчас же по телефону сообщили о находке, и она была доставлена на место.

Славина модель продержалась в воздухе двенадцать часов десять минут, превысив более чем вдвое мировые рекорды.

В этом году Слава Яковлев, ученик 7-го класса школы № 2, работает над большой моделью самолёта с реактивным двигателем. Рядом трудятся над новыми моделями его товарищи: Борис Двоскин, братья Владимир и Александр Суятины. Нина Комарова и Галя Лобанова строят уже модели с бензиновыми моторчиками.

Ослепительно яркий свет заливает комнату. На стенах — портреты великих учёных-физиков, на столах и подоконниках — различные приборы, начатые работы. Огромный распределительный щит с рядами рубильников отличает эту комнату от других. Здесь ребята имеют дело с электричеством.

— Будь осторожен с электрическим током,— постоянно предупреждает своих воспитанников инженер-энергетик Георгий Александрович Шминке.

Пятнадцать лет тому назад Георгий Александрович был первым организатором отдела техники Дворца пионеров. Сейчас он занят научной работой в области электрофизиологии, пишет книги на эту тему. А свободные часы отдаёт руководству юными энергетиками.

Лучший помощник Георгия Александровича — восьмиклассник Валентин Сушков. Его работы — результат большого, творческого труда.

Вот действующая модель высокочастотной плавильной печи. Послушные юному конструктору токи высокой частоты нагревают металл в маленьком фарфоровом тигле. Частота тока измеряется шестью миллионами периодов в секунду. Металл в тигле плавится, становится жидким, а медный провод, по которому струится быстро меняющийся ток, едва теплеет.

За электронное реле-автомат, печатающий фотоснимки, Валентин Сушков награждён дипломом II степени на Всесоюзной радиовыставке.

Приятно наблюдать за работой Вали Сушкова. Перехватив свои чёрные волосы алюминиевой проволочкой, чтобы упрямый чуб не лез в глаза, он уверенно и точно собирает мельчайшие детали новой модели, умело паяет, сверлит. Он ещё школьник, но уже обладает умением и сноровкой рабочего.

В прошлом году Валентин хотел, окончив семилетку, пойти работать на завод. Много раз беседовал с ним «по душам» Георгий Александрович. Он убеждал Валентина, что нашей промышленности нужны культурные, образованные рабочие и для многих специальностей уже мало семилетнего образования. Осенью Валентин стал учиться в восьмом классе.

Слава Бахтилин начал ходить в кружок маленьким бойким шестиклассником. А теперь он уже девятиклассник, высокий юноша с живыми, умными глазами. Его последняя работа — мультивибратор тоже отмечена почётной наградой — дипломом II степени на Всесоюзной радиовыставке.

Юра Масалкин с группой новичков конструирует магнитный сепаратор, который будет сортировать медные и железные опилки. Другие «энергетики» строят новые сложные модели.

Георгий Бодров уже сделал большой ящик со стеклянной стенкой. Скоро в ящике заплещется вода. На дне «моря» будет лежать «затонувшее» судно а когда начнёт работать компрессорная станция, в понтоны, подведённые под «затонувшее» судно, потечёт сжатый воздух, и на глазах у всех судно начнёт всплывать.

Юные энергетики мечтают создать «Электроход»—корабль,

снабжённый батарейным хозяйством. И самое чудесное будет заключаться вот в чём:

...С берега через радиопередатчик будет отдана команда. Приёмник на корабле примет эту команду, и судно послушно выполнит её.

Над такой моделью стоит поработать!

В женской школе Эльмаша № 67 не было радиоузла. А сколько интересных дел можно провести в радиофицированной школе. Радиогазета, беседы учителей, выступления учащихся...

Группа десятиклассниц этой школы решила своими силами построить радиоузел. Организатором и вдохновителем была Софа Гринберг, энергичная девушка.

Десять учениц пришли к заведующему радиолабораторией Дворца Борису Михайловичу Грамолину.

— Мы хотим познакомиться с радиотехникой и, если возможно, собрать радиоузел для нашей школы,— чуть смущаясь, сказала Софа.

Борис Михайлович, отзывчивый, увлекающийся радиотехникой человек, живо откликнулся на просьбу школьниц. Он создал для них специальный кружок. Занимались юные радиолюбительницы с усердием. Узнавали, как происходит передача и приём, почему радиоприёмник не принимает все волны сразу. На практических занятиях они мотали катушки для детекторных приёмников, монтировали их, пилили, паяли.

Сколько волнений было у каждой, когда детекторный приёмник был уже собран. Казалось невероятным, что эта простая конструкция, состоящая из картонной катушки с намотанным на неё проводом, нескольких штепсельных гнёзд и детектора, способна с помощью антенны и заземления уловить в окружающем нас эфире невидимую радиоволну и заставить её звучать в наушниках.

Представьте себе: вот только что перед вами лежала молчаливая монтажная радиосхема, тускло поблескивающая витками проводов. Вы надеваете наушники, остриём пружинки детектора касаетесь в разных точках кристалла. И вдруг откуда-то издалёка возникает пленительная музыка. Она становит-

ся громче, и вы узнаёте чудесный вальс Чайковского. Нет, это надо пережить самому!

Настойчиво работали десятиклассницы школы № 67. И когда кто-нибудь из девушек, запутавшись в сложных схемах, готов был отступить, маленькая, но непреклонная Софа поддерживала её своей энергией.

Во втором полугодии девушки взялись за монтаж усилителя — основной части радиоузла. Большую товарищескую помощь в монтаже оказал им восьмиклассник эльмашевской школы № 66, опытный радиолюбитель Боря Невьянцев.

Весной радиоузел школы № 67 начал работать.

Радиолюбительницы, строившие узел, окончив школу, разъехались по различным вузам. Но с осени на смену им пришли ученицы восьмого класса Лиля Лобанова, Таня Карпушина и другие.

Многие юные радиолюбители занимаются в радиолаборатории Дворца пионеров по нескольку лет. Они конструируют здесь сложные приёмники и радиоаппаратуру. Со своими работами участвуют на городских, областных и Всесоюзных выставках.

Весной на Всесоюзной радиовыставке дипломами II степени были отмечены работы Владислава Демидова, Владимира Мещенко, Бориса Невьянцева и начинающих радиолюбителей, собравших 80 детекторных приёмников для колхозного села.

Все эти работы: большая, прекрасно звучащая радиола, и изящный радиоприёмник на миниатюрных, «пальчиковых» лампах, учебные радиосхемы и приёмники, работающие на всех волнах, говорят о том, что ребята нашей страны способны создавать замечательные вещи, способны осваивать передовую советскую технику.

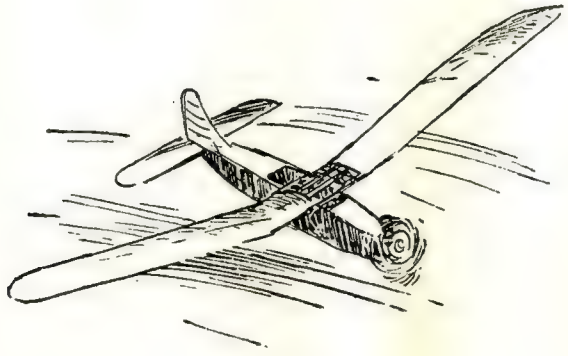
Занимаясь в кружках Дворца, ребята на практике применяют знания, полученные в классе, углубляют их.

Опыт и трудовые навыки, приобретённые в кружках, юные техники несут в свои школы. Юный радиолюбитель Роберт Тетерин руководит кружком в своей девятой школе. Авиамоделисты Надя Теплякова и Борис Двоскин уже второй год работают в школах инструкторами авиамодельных кружков.

Есть хорошая русская пословица: долг платежом красен. Школа даёт ребятам путёвку во Дворец пионеров. Школа подтверждает, что они хорошо учатся и занятия в кружке не помешают их учебе. И когда они под руководством опытных педагогов Дворца наберутся в его хорошо оборудованных кабинетах и лабораториях знаний, опыта, умения, — их долг передать хоть часть приобретённых ими богатств своим товарищам и друзьям, младшим ученикам.

Большое счастье держите в своих руках вы, ребята. Это счастье недоступно детям трудящихся в странах, где у власти стоит капитал.

Это счастье — свободно выбрать в жизни самое интересное, самое замечательное дело и творить, создавать для себя, для товарищей, для народа.



Вожатый звена

Евгений Великанов *Рисунки Е. Гилёвой*

Кисть заката окна красит,
В нашей школе тишина.
В этот вечер
В пятом классе
Сбор чётвертого звена.
О его делах Володя,
Наш вожак,
Отчёт даёт.
Пред глазами вновь проходит
В четверть часа целый год.
Вот идём звеном в поход
В лес, на снежные полянки,
Где гуляет ветер лишь.
Быстро с гор несутся санки,
Раздаётся пенье лыж.
Вот вечернею порою,
Покатавшись на катке,

Для села приёмник строим
В школьном радиокружке.
О стране, походах дальних
В круг садимся мы читать.
Книги, чтоб помочь читальне,
Учимся переплетать.
Всё кипит в руках умелых,
Но всего важней для нас —
Это школа, это класс.
Отставали мы вначале,
Пробирали нас не зря.
Двойки, тройки получали,
Откровенно говоря.
А потом всем коллективом
Мы порядок навели:
Пристыдили нерадивых,
Отстающим помогли.
И в звене плохих отметок
Не бывало с той поры.
Вспоминается нам лето,
Пионерские костры.
Вот идём сажать деревья,
Вот играем в городки,
Всем звеном гостим в деревне,
Собираем колоски.
Но в любых делах —
В походе,
И в учёбе, и в игре,—
Всем пример вожак Володя:
И звену и детворе.
Все его ребята знают:
Славный друг он, скромен, прост,
Никогда не задирает
Пред товарищами нос.
Все мы сходимся на том,
Что Володю снова нужно
Нам оставить вожаком.

Поднимаем руки дружно...
Сколько дел нас ожидает.
По душе Володя нам.
Знаем мы, что оправдает
Он доверие звена.

ПОДАРОК

Н. Тимофеева *Рисунки Е. Гилёвой*

1

Жёлтая кнопка звонка весело поблескивает на солнце. Попробуй, дотянись до неё!

Мила высоко поднимает руку, хочет коснуться жёлтой пуговки, но дверь легко подаётся вперёд.

В прихожей светло и пусто. На полу — обрывки серой обёрточной бумаги, какие-то шнурки, гвозди и большой высокий ящик. Мила с любопытством осматривает его. Она даже взбирается на стул, чтобы заглянуть внутрь ящика, и слышит весёлый, спокойный голос:

— Уже из школы?.. А мы тебя и не ждали...

Повернувшись на стуле, Мила встречается взглядом с лукавыми, всё понимающими папиными глазами. В коридоре стоит и мама. Лицо у неё розовое, сияющее и такое молодое-молодое и красивое, словно уже настали майские праздники и мама приготовилась встречать гостей.

— Ах, Милочка, какой тебя ждёт подарок...

Мила не слышала, что ещё сказала мама. Она бросилась в комнату и застыла в изумлении.

У стены, как раз под картиной с мишками в лесу, стоял большой чёрный предмет. Лучи солнца падали на его блестящую поверхность, на изогнутые ножки, на беленькие клавиши.

— Пианино!

Мила запрыгала от радости и бросилась папе на шею: как же сумел он, добрый, хороший, угадать самое её большое желание?

Папа весело засмеялся, подбросил дочку до потолка и легко опустил на пол. Для папы это нетрудно. Он работает на заводе сталеваром и потому такой сильный...

Мила подошла к пианино и тронула пальцем белую пластинку-клавишу. Клавиша оказалась гладкой и холодной. Она глубоко ушла вниз, а в комнате раздался удивительно нежный и приятный звук.

— А ну, сыграй что-нибудь! — сказала мама и посмотрела на Милину сестру Зину, тоненькую смуглолицую девочку с умными серыми глазами.

Не было ничего удивительного в том, что мама сказала так. Зине уже двенадцать лет, и она учится в музыкальной школе. Удобно устроившись на стуле, Зина опустила руки на клавиши, и по комнате понеслись весёлые, радостные звуки.

Папа открыл верхнюю крышку пианино и поднял Милу, чтобы она могла видеть, что там, внутри...

На мягком малиновом сукне лежали продолговатые деревянные молоточки. Когда Зина нажимала клавиши, молоточки прыгали вверх, задевали струны, и струны звенели, очень красиво звенели, всё равно что маленькие серебряные колокольчики.

— Это «Жаворонок» Чайковского,— сказала Зина, явно гордясь тем, что её игру все слушают. — А хотите вальс сыграю?

Звуки снова наполнили комнату, и казалось, где-то далеко-далеко плещутся о берег волны, и разбиваются о камни, и снова бегут в море.

Миле стало немножко грустно, и она тихонечко вздохнула про себя: вот бы научиться так играть! День и ночь сидела бы Мила у пианино... Счастливица эта Зина! Недавно в школьном

концерте выступала и учится только на пятёрки. А какие у сестры прекрасные косы! Вообще все девочки из пятого «Б» носят косы: и Зинина подруга Вика, и Лиля Славина, и Соня Колобова... А Мила, как и все третьеклашки, ничего-ничего не умеет... И внешность у неё самая обычная: пухлые щёки, нос пуговкой и нелепо торчащие во все стороны кудряшки. Сколько ни вытягивай эти смешные светлые завитушки, они не становятся длиннее, и нужно очень долго ждать, пока волосы отрастут и можно будет заплетать их в косы.

Конечно, завидовать кому-нибудь — последнее дело! Но Мила вовсе и не завидовала Зине. Она только очень хотела походить на сестру и очень любила музыку.

«Всё равно научусь играть на пианино!» Вздохнув в последний раз, Мила достала из картонной коробки с кукольным имуществом мягкую шерстяную тряпочку и осторожно коснулась ею крышки пианино. Крышка засверкала ярче, и в комнате стало ещё светлее.

...И на другой день, и на следующий в квартире было весело и шумно. Смотреть пианино приходили папины и мамины знакомые, Милины и Зинины подруги, а соседский Вовка без конца водил своих приятелей.

Трогать клавиши Вовкиным друзьям было строго запрещено, и, остановившись на почтительном расстоянии от пианино, они робко шмыгали носами и, восхищённые, молчали. Сам Вовка ожесточённо грыз ногти и, не переставая, твердил:

— Вот это да!.. Вот это я понимаю!..

Слова эти означали высшую степень Вовкиного восхищения, и в эту минуту Мила великодушно простила соседу все те мелкие огорчения и обиды, которые терпела от него ежедневно.

Больше всего понравилась ребятам резная крышка пианино. На крышке был изображён силуэт здания с башенками и колоннами. Верхушка здания заканчивалась длинным остроконечным стержнем.

— Я знаю, как этот дом называется, — важно заметил Вовка, нацелив палец в остроконечный шпиль. — Это... это, как её... Адмиралтейская игла!.. Я жил в Ленинграде, я знаю...

Мила хотела было сказать, чтобы Вовка не очень вообра-

жал, потому что и она была этим летом в Ленинграде, но промолчала. Всё-таки Вовка, какой ни на есть, но гость. А гостей, говорила мама, нужно уважать...

2

На первое занятие по музыке Мила пришла вместе с Раей Фёдоровой—пухленькой черноглазой девочкой из третьего «А». Вдвоём было веселее и не так страшно.

В спортивном зале, где по утрам ученики старших классов занимались гимнастикой, а вечером играли в волейбол, было тихо и торжественно. В той части зала, где стоял чёрный блестящий рояль, окна были наглухо задёрнуты тяжёлыми шторами, и звуки с улицы не доносились туда.

У рояля сидела женщина в коричневом платье. Широкое желтоватое пятно света падало на резной пюпитр для нот, на белые клавиши. Лицо женщины оставалось в тени, и Мила не могла рассмотреть его. Рая, пошептавшись с девочками, успела разузнать, что это и есть учительница музыки и что зовут её Надеждой Владимировной.

Надежда Владимировна объяснила ребятам, что такое музыкальная мелодия. Она сказала, что музыкальные звуки обозначаются нотами, так же, как звуки речи — буквами. Раскрыв толстую тетрадь в кожаном переплёте, учительница показала ребятам тёмные и светлые кружочки — ноты. Кружочки прыгали с линеечки на линеечку, и у Милы сразу же зарябило в глазах.

— Значит, ноты можно читать, как книгу? — неуверенно спросила Рая.

— Вот именно! — улыбнулась Надежда Владимировна. — Каждая нота имеет своё место, свою линеечку или лежит между двумя линеечками... А всего линеечек пять... Если хорошо изучить нотную азбуку, то можно играть по нотам всё, что захочешь...

Первые занятия по музыке всем очень понравились. Только Лёсик Светловский никак не хотел понять, что звуки бывают разными, что одни ноты тянутся долго, а другие — короче.

Тогда учительница рассыпала по клавишам цветные камешки и сказала, что каждый звук имеет свой оттенок так же, как каждый камешек — свой цвет. Но Лёсик скривил губы и упрямо заявил, что он всё равно ничего не понимает и в кружке заниматься не будет.

«Ну и не надо!» — подумала Мила, отметив про себя, что Лёсик вот-вот расплачется.

Надежда Владимировна показала, как играть гамму.

— До-о... ре-е... ми-и... фа-а... со-о-ль... ля-я... си-и... до-о... — запели клавиши на разные голоса. Начиналась гамма с ноты «до» и кончалась этой же нотой. Только звук у верхнего «до» был тоненький и нежный, а у нижнего — низкий, басовитый. Похоже было, что взбираешься вверх по лесенке из восьми ступенек, а потом по этим же ступенькам бежишь назад.

3

Целый месяц разучивала Мила гаммы и без конца играла одно и то же, одно и то же. Гаммы были мажорные, минорные, ещё какие-то. Надежда Владимировна говорила, что гаммы нужно играть каждый день. От упражнений пальцы станут гибкими, и тогда легко исполнить на пианино, на скрипке или на баяне любую пьесу или песенку.

Миле очень хотелось скорее научиться играть. Она изо всех сил нажимала на клавиши, но пальцы были как деревянные. Они плохо сгибались и еле выдавливали из клавиш слабенькие дрожащие звуки, совсем непохожие на те красивые сильные аккорды, которые получались у Надежды Владимировны.

Хуже всего было со счётом. Считать следовало так: «раз, два, три», или «раз», «два», «три», «четыре»... И в это время нужно было коснуться пальцами нескольких клавиш.

Миле не нравилось считать вслух. Она решила обойтись без счёта. Но пальцы стали играть, что им вздумается. И никакой мелодии не получилось.

Ах, как это было скучно играть одно и то же, одно и то же! Упражнения, которые учительница задавала на дом, были ужасно длинными и некрасивыми. Миле надоело их играть.

Всё чаще и чаще забывала она смахнуть пыль с пианино, и оно не казалось ей уже таким красивым, как прежде.

Однажды, когда девочка разучивала очередное упражнение, в передней раздался страшный шум, и в комнату ворвался Вовка.

— Чего же ты со строительства сбежала? — вопил Вовка, потрясая планшетом.— У нас дел сколько, а ты — сбежала!.. Мы и другую телефонистку найдём, если так...

Пришлось всё бросить и, сломя голову, мчаться во двор. Здесь начиналось сооружение невиданной гигантской плотины.

По обрывистым краям канавы медленно передвигались грузовики, доверху наполненные влажным песком. Вращались стрелы экскаваторов. Сверкали на солнце лопаты.

Нахмурив белесые брови, стоял среди ребят Вовка. Строители напряжённо следили за каждым движением вожака, готовые по первому его зову броситься на штурм бурливого капризного ручейка. Плотина должна была преградить путь донским водам и направить их в новое русло.

...За шумной игрой прошёл весь день. Только поздно вечером вспомнились невыученные гаммы, но быстро пришло и успокоение:

— Это ведь один-единственный разочек. Завтра же расскажу Надежде Владимировне обо всём...

Но на другой день, возвращаясь из школы, Мила задержалась в парке. Было очень приятно бродить по дорожкам, посыпанным жёлто-розовым хрустящим песком. Когда зажглись большие белые фонари, дорожки стали оранжевыми. Девочки сделали гирлянды из золотистых одуванчиков и украсили ими ворота у входа в парк. Потом прибежали ребята из соседнего двора, и все стали играть в прятки.

В этот вечер, конечно, было не до гамм. Едва-едва успела Мила решить задачку по арифметике, с русским так и не справилась, а утром чуть в школу не опоздала.

4

Папа взял стул, поставил его у пианино и сказал:

— Садись-ка, дочка, поиграй! Посмотрим, чему ты научилась за эту неделю.

Мила храбро положила руки на клавиши, но пальцы долго не хотели сгибаться. Левая рука всё время мешала правой и лезла куда-то в сторону. Сыграть упражнение после длительного перерыва было не так просто.

Мила слышала, как папа недовольно закашлялся. Укоризненно покачав головой, он огорчённо произнёс:

— Я думал, ты действительно любишь музыку... Ведь ты так хотела научиться играть...

Мила опустила голову и искоса, ища поддержки, взглянула на маму, хлопотавшую у обеденного стола. Но мама молчала. Весёлое мамино лицо было на этот раз суровым и неприступным.

— Она «Чижика» хорошо играет, — сказала мама, как бы не замечая Милиных умоляющих глаз.

Скрыть уже ничего было нельзя, и пришлось ещё ниже опустить пылающее лицо. Срывающимся тоненьким голоском пыталась Мила сказать что-нибудь в своё оправдание. Но слова получались жалкими, ничего не значащими.

— Так ведь они такие ску-у-чные, эти гаммы, — сказала Мила. — Я их целую неделю не играла и... забыла.

Папа рассердился не на шутку.

— Дело твоё... Хочешь — играй, хочешь — оставь всё это! Никто тебя не принуждает учиться музыке. Ты ведь сама говорила, что если очень захотеть достигнуть чего-нибудь, то можно обязательно добиться своего...

Мила отвела глаза в сторону, накрутила на палец бахрому скатерти и, дёрнув её изо всех сил, пролепетала:

— А если мне трудно? Лёсик говорит, что играть на пианино совсем не обязательно...

Чёрные папины брови сдвинулись сильнее, и лоб перерезала узенькая глубокая морщинка:

— Вот как? Даёшь слово и отступаешь назад?..

Мила вспомнила, как начинала учиться музыке сестра. Днём Зина ходила в музыкальную школу, а вечером раскладывала на столе длинную бумажную ленту. На бумаге были нарисованы чёрные и белые пластинки. Зина ударяла по ним пальцами, будто по настоящим клавишам. Звуков, конечно,

никаких не получалось, но девочка запомнила, как расположены клавиши и где находятся все эти «бемоли» и «диезы».

— По-твоему, легко было Зине? — продолжал отец. — Трудно. Очень трудно! Гораздо труднее, чем тебе. Но она не позволяла себе даже и слово-то такое произнести: «не могу»... «Трудно? Сделаю!» — вот как надо говорить!

Отец замолчал, достал папиросу, закурил и, не сказав больше ни слова, вышел из комнаты.

...После папиных слов так скверно на душе, что слёзы вот-вот брызнут из глаз и градом польются по щекам.

Мила подходит к окну. По площади идут колонны солдат. Солдаты мерно шагают в ногу. Раз, два, три... Раз, два, три... Мелькают загорелые обветренные лица. Впереди идут музыканты. Они старательно надувают щёки, прижимают к губам узенькие мундштуки духовых инструментов. Высокий седоусый человек взмахивает над головой маленькой палочкой. Солдаты легко и свободно, шаг в шаг, маршируют под музыку.

— Наверно, музыкантам трудно было бы играть, если бы не дирижёр,— думает Мила.— Марш не получился бы таким складным и красивым!.. А те упражнения, которые когда-то задала на дом Надежда Владимировна? Не будут ли и они более красивыми, если отсчитывать такты?

— И раз, и два, и три...

Весело потряхивая беленькими кудряшками, девочка садится за пианино. Она играет упражнение сначала одной левой рукой, затем — правой, потом опускает на клавиши обе руки... Пальцы касаются белых клавиш — и звуки получаются весёлыми, задевают чёрненькие клавиши — напев звучит печально...

5

Прошло два года. В одной из школ города шёл концерт.

Ярко освещённый зал был переполнен. На сцену то и дело выходили мальчики и девочки в алых пионерских галстуках. Они пели и танцевали, и все, кто был в зале, весело улыбались и хлопали в ладоши.

Мила сидела в пятом ряду. Тут же отчаянно вертелся на своём стуле Вовка Кузин. В коротенькие перерывы между вы-

ступлениями Вовка заговорщически шептался о чём-то с ребятами. Мила подозрительно косилась на шумную Вовкину компанию, но в разговор не вмешивалась: подумаешь, очень надо! Пусть секретничают сколько угодно. Ничуть не интересно: на сцене вот-вот должны появиться сестра Зина и Рая Фёдорова. Они исполнят в четыре руки марш из «Фауста».

...Свет в зале внезапно погас. Голубой бархатный занавес плавно пошёл вверх. На сцене появился мальчик в синем костюме и красном галстуке. Мальчик немного помедлил и вдруг громко и отчётливо сказал в зал:

— Сейчас Мила и Зина Соколовы и Рая Фёдорова исполнят в шесть рук вальс из оперы «Травиата».

Мила вздрогнула от неожиданности. Неужели в зале прозвучало её имя? Но она совсем не собиралась выступать в концерте... Это все знают... Выступать должны Зина и Рая.

Мила хотела крикнуть мальчику, что он всё на свете перепутал и на сцену она ни за что не пойдёт... Но мальчик уже ушёл, а на его месте стояли две девочки: одна — высокая с длинными косами, другая — пухленькая, черноглазая, и вежливо кланялись в зал. Потом девочки подошли к пианино. Третий стул оставался пустым...

— Ну, чего ты трусишь, чего трусишь? — надсадно гудел над Милиным ухом Вовка. — Ты смотри, сколько людей тебя ждут.

— Стра-а-шно, Вова, — беспомощно сказала Мила и чуть не заплакала. — Я ведь не потому, что я не хочу... А потому, что...

Вовка недовольно крутнул вихрастой стриженой головой, энергично засопел и, не глядя на расстроенное Милино лицо, потребовал:

— А ну, докажи, что силу воли имеешь!

Кое-как поднялась Мила со стула и, замирая от ужаса, направилась к сцене. Сердце её стучало очень громко и, наверно, поэтому все сидящие в первых рядах враз оглянулись на девочку с красным бантом в светлых волосах и долго провожали её любопытными взглядами.

Едва-едва добралась Мила до сцены. Зина и Рая спокойно

перелистывали ноты и даже не взглянули на трусиху.

— Начинаем? — сказала Зина. Она всегда командовала, когда девочки играли втроём.

Мила опустила руки на клавиши и нерешительно взяла первую ноту, вторую и третью... А потом будто и не было вовсе сцены и зала и Мила играла свой обычный урок у Надежды Владимировны.

— И раз, и два, и три... — считала Зина. А Миле казалось, что это Надежда Владимировна отбивает такт рукой. Девочка совсем успокоилась и перестала даже смотреть в ноты. Она хорошо знала на память, что нужно было играть.

Пальцы легко касались клавиш, и в зале нежно звенела протяжная мелодия. Внезапно звуки стали весёлыми и бурными. Это Зина и Рая присоединили свои аккорды к Милиной мелодии.

Аккорды были красивыми и звучными. Одна Мила ни за что не сумела бы взять такие. Но зато она вела всю основную мелодию. Не было бы мелодии, и аккорды не звучали бы так красиво.

Девочки встали и поклонились. В зале сначала было тихо. А потом как грянули аплодисменты! Мила, Зина и Рая поклонились ещё раз, и аплодисменты загремели сильнее...

АСЫЛ

Н. Глебов *Рисунки В. Васильева*

1

Тургайская степь. Куда ни кинь взгляд, всюду бескрайняя равнина, покрытая ковылём. От лёгкого ветерка по её безбрежному полю одна за другой бегут серебристые волны. Фигура одинокого всадника кажется плывущей среди необъятного моря трав. Жара. Попрятались в норы корсуки[1]; забравшись глубже в кустарники сырых полутёмных балок, чутко дремлют волки. Спят в своих норах степные зайцы—тушканчики. Давно умолкли жаворонки, не слышно дроф. Только монотонно трещат кузнечики и свистят суслики. Высоко в синеве июльского дня, распластав огромные крылья, кружится одинокий беркут. Порой его тень мелькает на больших, точно озёра, солонцах, и, заметив её, в страхе мечутся юркие полёвки.

---

[1] Корсук — степная лисица.

Полдень. По степи медленно двигается небольшой косяк лошадей кустанайского богатея Саввы Меркулова. Сам хозяин остался на ярмарке для покупки рогатого скота. Лошадей Савва нанял пасти казаха Бисимбая из шестого аула. Чтобы знать, где будут кони, Меркулов оставил при Бисимбае своего двенадцатилетнего батрачонка Димку Кочетка.

Димка был круглым сиротой. Отца и мать помнил плохо. Знал лишь одно, что умерли они от голода в японскую войну. С тех пор Димка бродил «по миру». Савва Меркулов подобрал его еле живого, и Димка стал батрачить. Бойкий, смышлёный, он самоучкой выучился грамоте и счёту. Савва часто брал его с собой на ярмарки, где Димка помогал ему вести запись и счёт при продаже и купле скота. Был Кочеток небольшого роста, с озорными глазами, но когда Савва драл его под сердитую руку, глаза Димки становились злыми, как у хищной птицы. Оттого и прозвали его Кочетком.

Любил Димка играть в бабки. Как только в апреле сойдёт снег и пообсохнет земля возле завалинок, Кочеток выходил на улицу с мешочком, где у него лежали бабки. И пойдёт игра. Кочеток всегда бил без промаха. Налиток у Димки был особенный, со свинцом. Правда, он отдал за него двадцать бабок Стёпке Чепурному, сыну кустанайского кузнеца, но зато теперь в мешке у Кочетка было не меньше шестидесяти бабок да три чугунных плитки полуовальной формы с изображением рыбок. Глаз у Димки был верный, и бабки при каждом ударе разлетались в стороны. И вот теперь, отправляясь в степь, Димка с грустью посмотрел на свои «сокровища» и, спрятав их подальше от глаз сердитого хозяина, выехал вместе с ним на окраину города, где ждал их Бисимбай.

Табун лошадей, голов тридцать, охранялся в это время женой пастуха Райсой и дочерью Асыл, которая была старше Димки на год.

— Вот парнишка тебе в помощь, — показывая на Кочетка, сказал пастуху Савва. — Через него весточку шли. Будешь хорошо пасти, кобылицу отдам, допустишь урон в табуне, ничего не получишь. Через месяц посылай парня в Кустанай,— закончил он сурово.

Усевшись в тарантас, Савва уехал. Бисимбай и Димка направились к табуну.

Дорогой пастух и Димка разговорились.

— Хорошо сделал хозяин, что оставил тебя у нас. Верхом научу ездить, маленький соил [1] сделаю,— пообещал Бисимбай.

— Я и так умею верхом ездить, — похвастался Димка.

— Что ж, хорошо! Степь большая, гуляй на коне, только, пожалуй, тебе за моей Асыл не угнаться. Шустрая она,— улыбнулся пастух.— Не смотри, что твоих лет, любому джигиту не уступит, — Бисимбай самодовольно погладил усы.

— Смотря какую лошадь дашь, — деловито заметил Кочеток. — Ежели старую да хромую, тогда мне не обогнать.

— Любого коня бери из табуна, мне не жалко. Да вот и дочка моя скачет, — завидев мчавшуюся на лошади девочку, сказал Бисимбай.

Поравнявшись с отцом, Асыл легко соскочила с коня и, откинув тугие косички, унизанные монетками, прижалась к отцу.

— Чей это мальчик? — спросила она отца по-казахски и уставила чёрные глаза на Димку.

— Это хозяйский батрачонок. Теперь он будет помогать нам пасти лошадей, — ответил дочери Бисимбай. — Тебе будет товарищ, — добавил он мягко.

— Как тебя зовут? — Асыл повернулась к Кочетку. Она хорошо говорила по-русски.

— Зовут зовутком, величают обутком, — пошутил Димка.

Асыл сдвинула брови:

— А ты не смейся, когда спрашивают, — девочка слегка толкнула Кочетка.

— А ты не задирай...

— Тура-тур! Стой ребята,— засмеялся Бисимбай.— Подраться ещё успеете, — и,подтянув их за плечи к себе, произнёс ласково: — Давайте-ка друг другу руки.

Димка исподлобья посмотрел на девочку.

— Я думала, что ты трусливый. — Асыл доверчиво протянула руку Кочетку.

---

[1] Соил — длинный шест с петлей, служащий для поимки лошадей.

— Трусливый? Айда-ка тронь.— Димка решительно тряхнул головой.

— Давай, кто дальше проскачет на одной ноге, — предложила девочка.

— Что, я маленький, что ли,— солидно ответил Димка, но, взглянув на Асыл, согласился: — Давай, попробуем.

Передав лошадь отцу, Асыл поджала под себя ногу и поскакала к табуну. Димка немного обождал и, точно хромой журавлёнок, быстро запрыгал следом за ней. Вскоре он догнал девочку. Не желая сдаваться, Асыл устало топталась на месте, и когда Димка с победным видом проскакал мимо, она, сделав ещё несколько прыжков, упала. Кочеток, продолжая скакать, оставил Асыл далеко позади. Вдруг он увидел мчавшуюся ему навстречу огромную, похожую на волка, собаку. Димка оглянулся. Девочка была далеко. Бисимбай шёл медленно, ведя в поводу коня. Они не замечали опасности, угрожавшей мальчику. Димке показалось, что пёс вот-вот налетит на него. Вывернув картуз и сдвинув его на лоб, Димка сбросил с ног сапоги и, напялив их на руки, пополз на четвереньках навстречу волкодаву.

Пёс остановился и, видимо, поражённый невиданным зрелищем, попятился.

— Кекжал, нельзя!— запыхавшаяся от бега Асыл схватила собаку за густую шерсть. Димка поднялся на ноги и сбросил сапоги с рук, смущённо улыбаясь.

— Какой ты догадливый.

— Вот, а ты думала, что я трус. Меня все кустанайские собаки боятся, — обуваясь, рассказывал Димка. Не выпуская Кекжала из рук, девочка подошла к Кочетку.

— Ты на меня не сердишься?

— Нет, а за что мне на тебя сердиться. — Карие глаза мальчугана простодушно посмотрели на девочку. — Только не люблю, когда задаются... А как собаку зовут?

— Кекжал. У него бабушка была волчица.

Димка в удивлении почесал затылок.

— Вот так здорово. Он, значит, полуволк?

— Да.

— Дай лапу, — попросил Кочеток.

Кекжал вопросительно посмотрел на свою хозяйку.

— Лапу! — произнесла повелительно девочка, и собака повиновалась.

— Ого, да у него пальцы-то, смотри-ка, Асыл, какие! У Кекжала лапа была не круглая, как у всех собак, а продолговатая: вперёд выдвигались два пальца с острыми когтями.

— У него волчья лапа,— так говорил мне отец.

— Да он и сам похож на волка, — разглядывая собаку, заметил Кочеток. — А зубы-то какие у него страшные... клыкастый.

Кекжал сидел спокойно, слегка пошевеливая хвостом.

— Сам весь серый, а на груди белое пятно, — Димка протянул руку к собаке и тотчас отдёрнул. Пёс, оскалив зубы, зарычал. Асыл погладила собаку, и та успокоилась.

— Белое пятно на груди от Гераш.

— А кто такая Гераш?

— Мать Кекжала. Она ещё в марте убежала в степь, и мы её больше не видели, — вздохнула Асыл. — Наверное, её волки съели.

— А может быть, она к кому-нибудь пристала? — высказал догадку Димка.

— Нет, — покачала головой девочка. — Гераш была дикая. Спала всё в степи и к юрте подходила редко. Когда родился Кекжал, она близко никого не подпускала. Такая нелюдимая, злая, а мне её всё же жалко...

— Ну, пошли, ребята, к юрте. Асыл, садись на коня, помоги матери подогнать табун к озеру. Поить пора, — сказал подошедший Бисимбай, и когда девочка вскочила в седло, он в сопровождении Димки и Кекжала направился к жилью.

2

Около двух месяцев Димка и Асыл кочевали вместе со старшими по обширной Тургайской степи. Дружба ребят росла в труде и незатейливых играх. Неразлучен был с ними и Кекжал.

В конце второго месяца Димка поехал за продуктами к хозяину в Кустанай.

— Возвращайся поскорее, — уже в который раз повторил Бисимбай мальчику, приторачивая к его седлу кожаные мешки. — Соли осталось мало, и мука на исходе.

— Привези карандашей и бумаги да азбуку захвати, — Асыл посмотрела на сидевшего в седле друга. — Учиться будем вместе. Ладно?

— Привезу,— пообещал Димка и, приподнявшись в стременах, внимательно осмотрел место. Стоянка Бисимбая была на правом берегу огромного озера Сандрау, почти сплошь заросшего камышом. Дорогу на Кустанай Димка знал. Простившись с друзьями, он тронулся в путь. Кекжал, как бы провожая мальчика, бежал за ним с километр, и когда Кочеток объехал курган, он быстро поднялся на его вершину и долго смотрел вслед маленькому всаднику.

...Дня через три после отъезда Димки Асыл, оставшись ночью одна в юрте, проснулась от страшного шума. Со стороны Сандрау, где паслись лошади, слышались крики, топот, ругань, яростный лай Кекжала, выстрелы.

Девочке показалось, что она слышит отчаянный вопль матери. Асыл выбежала из юрты и спряталась в прибрежных камышах. Вскоре мимо девочки промчался табун испуганных лошадей, за ним какие-то люди, размахивающие шокпарами[1], и всё стихло.

На рассвете Асыл вышла из своего укрытия и направилась к ночному пастбищу. Она увидела убитых отца и мать и воющего над ними Кекжала. Девочка с воплем опускалась то над трупом матери, то отца и плакала безутешными слезами. Когда солнце поднялось высоко, Асыл огляделась. «Что теперь делать? Куда идти? Димки нет», — подумала она.

Произошла одна из степных трагедий, баранта: насильственный угон лошадей и убийство пастухов, пытавшихся защищать хозяйское добро. Ночные разбойники были далеко.

Одна в степи. Огненное солнце сушило поникшие травы,

---

[1] Шокпар — дубинка с утолщением на конце.

воздух был наполнен нестерпимым зноем. В полдень Асыл вместе с Кекжалом ушла от страшного места на юг, захватив кусок твёрдого, как дерево, сыра и отцовский кремень, который она нашла в разрушенной юрте.

К вечеру она с трудом добралась до заброшенной заимки и, толкнув дверь, вместе с Кекжалом перешагнула порог мрачной избы. Стая летучих мышей метнулась к разбитому окну. Из-под нар шмыгнул какой-то зверёк, собака кинулась за ним.

Изба была просторной и, видимо, принадлежала русскому заимщику. В переднем углу на подставке виднелась закоптелая икона, труба широкой печи была разрушена, на полу валялись кирпичи. За печкой девочка нашла топор и, вытащив его, положила на нары. Продолжая осматривать избу, она заметила ржавое, с помятыми боками, ведро и небольшой чугунный котелок. В старой банке она обнаружила соль. На стене висел обрывок волосяного аркана и ссохшиеся от времени ремешки из сыромяти. Асыл забралась на нары и уснула. Кекжал улёгся возле порога, охраняя сон своей хозяйки.

Ночь. Среди густого ковыля крадётся гибкий корсук. Вот он припал к земле и замер. Недалеко послышалось нежное квоканье дрофы. Птица созывала своих птенцов, рассыпавшихся в густой траве. Прыжок, и тяжелая дрофа забилась в зубах степной лисицы. На кромке солонцов при свете луны бесшумно пляшут тушканчики, кружится сова в поисках мышей. На высокий курган взобрался волк и затянул своё зловещее «у-у-у-а-а-а». Кекжал беспокойно заворочался у порога, но, посмотрев на спящую Асыл, успокоился.

* * *

Пёс, вздыбив шерсть, стоял у порога и рычал на невидимого врага. В разбитое окно дул холодный предутренний ветерок. Было тихо. Кекжал повернул могучую голову к хозяйке, как бы ожидая, что она откроет дверь. Девочка подтянула к себе топор и притаилась в углу, прислушиваясь. Кекжал не успокаивался. Обнюхав дверь, он поднялся на задние лапы, пы-

таясь её открыть. Но дверь не поддавалась. Асыл показала собаке на окно. Кекжал вскочил на нары и метнулся в окно. Вскоре послышался его лай, удаляясь, он затих вдали. Девочка догадалась, что ночью возле заимки, видимо, бродил какой-то крупный зверь. За Кекжала Асыл не боялась: она знала его силу.

Первые лучи брызнули ввысь голубого неба, и, приветствуя солнце, с песней поднялись жаворонки. Асыл вышла из избы и остановилась на пороге. Сверкая красками, перед ней лежала степь.

Вспомнив про отца и мать, Асыл опустилась на порог избы и заплакала. Прибежал Кекжал, положил голову на её колени и тихо заскулил. Девочка обняла его за шею и дала волю слезам. Одна в безлюдной степи. Димка скоро должен вернуться из Кустаная, но найдёт ли он её? Идти к озеру, к бывшей стоянке отца, она боялась. Вернувшись в избу, Асыл достала сыр. Утолив голод, она побрела с Кекжалом в поисках воды. За разрушенными постройками Асыл наткнулась на колодец. Верхний венец сруба развалился, и возле него образовалась глубокая впадина от осевшей земли. Подходить к колодцу было опасно.

Но если хозяин пас здесь скот, то где-то должно быть пресное озеро. Прикрыв рукой глаза от яркого солнца, девочка стала оглядывать местность. Всюду лежала необъятная равнина, покрытая ковылём, типчаком и степной полынкой. Асыл вернулась в избу и, взяв обрывок аркана, вновь подошла к колодцу. Не выпуская верёвки из рук, она стала цепляться за углы сруба и осторожно спускаться вниз. И тут... случилось неожиданное: ветхий сруб не выдержал тяжести и, увлекая за собой Асыл, рухнул вниз.

Девочка очнулась на дне высохшего колодца. Болело левое плечо, ноги были завалены осыпавшейся землей, было слышно, как наверху метался встревоженный исчезновением хозяйки Кекжал.

На высоте трёх метров висело, точно перекладина, бревно от сруба. С трудом освободив ноги, Асыл поднялась, размотала верёвку и метнула её на спасительную перекладину. Верёв-

ка сползла и упала к ногам Асыл. Девочку осенила догадка. Привязав твёрдый ком земли к концу аркана, она метнула его на бревно. К радости Асыл верёвка, опоясав перекладину, медленно начала спускаться и, повиснув над её головой, закачалась. Уцепившись за концы, девочка прижалась из предосторожности к стене и потянула за аркан. Бревно сидело крепко. Упираясь ногами в противоположную стену, Асыл быстро достигла перекладины и, подтянувшись на руках, оказалась на бревне. Дальше выбираться из колодца было труднее. Верхний сруб лежал снизу, и отверстие походило на огромную воронку, со стенок которой продолжали скатываться отдельные комья земли. Асыл задумалась. Как выбраться? Её мысли были прерваны лаем Кекжала, который стоял наверху воронки.

«А что, если попробовать бросить конец верёвки Кекжалу?» — подумала девочка и метнула аркан собаке.— Взять! — Кекжал не успел схватить верёвку и в нетерпении затоптался на месте.

— Взять! — Верёвка вновь взметнулась. Собака, шёлкнув зубами, вцепилась за конец аркана и потянула девочку за собой. Асыл поспешно заработала локтями. Из-под ног осыпалась земля и, скатываясь комьями вниз, гулко падала на дно колодца. Девочка боялась лишь одного, чтобы Кекжал не выпустил верёвки из зубов. Собака тянула девочку рывками, отдаляясь всё дальше и дальше от воронки.

Из колодца показалась голова Асыл, затем туловище, и, почувствовав твёрдый грунт, девочка оперлась о край колодца. В этот миг Кекжал выпустил аркан из зубов.

Асыл была спасена.

3

Димка Кочеток возвращался из Кустаная в самом хорошем настроении. Ещё бы, в кожаных сумах, где лежали продукты, он вёз Асыл несколько тетрадей, которые ему удалось выменять на бабки у городских ребят. Там же лежал и букварь. Правда, за него пришлось отдать свою любимую плитку с изо-

бражением кита, но зато Асыл будет довольна подарком. Да, кроме того, Димка вёз ей ещё леденцов: ведь она никогда их не ела. В заветной коробочке у Кочетка хранились удочки. Теперь они будут вместе с Асыл рыбачить. Вот хорошо-то! Димка от радости подстегнул коня и поехал быстрее. Ночь он провёл у знакомого казаха и утром, чуть свет, выехал к стоянке Бисимбая.

Лошадь бежала охотно, и Кочеток вскоре объехал лежавшее на пути озеро и углубился в степь.

В полдень он достиг берегов Сандрау и приподнялся на стременах в надежде увидеть табун Бисимбая. Но табуна не было видно.

«Наверное, перекочевал дальше к озеру», — подумал Димка и тронул коня за повод. Проехав место водопоя, он остановился и тревожно стал вглядываться вдаль. Там, где была юрта, он увидел обломки тонких жердей, разбитый остов жилья. Кочеток заторопил коня. Так и есть. Вместо юрты лежали развалины, из-под которых торчал железный треног для варки пищи. Людей не было видно. Не слышно и лая Кекжала. «Кони, может быть, пасутся где-то дальше. Часто Бисимбай гонял их на солонцы», — подумал Кочеток и направился к берегу. Вдруг лошадь Димки издала тревожный храп и бросилась в сторону. Мальчик едва удержался в седле. Мимо прошмыгнул корсук, и с громким криком поднялось вороньё. Повеяло каким-то нестерпимым запахом. Взглянув вправо, Димка от неожиданности выронил повод из рук: он увидел два трупа. По обрывкам одежды он узнал пастуха Бисимбая и его жену Райсу. Асыл не видно. Первой мыслью Кочетка было гнать коня подальше от страшного места, но, отъехав с полкилометра, он остановил лошадь.

«Бисимбай и Райса убиты, но где же Асыл? Может быть, она где-нибудь недалеко в камышах?» Сделав руки рупором, Димка стал звать девочку: «Асыл! Асыл!» — В ответ слышалось только зловещее каркание воронья и сердитое тявканье потревоженного корсука.

— Асыл! — из глаз Димки покатились слёзы. — Асыл! Где ты?

Тихо качались пушистые метёлки камыша. Мальчик слез с седла и, не выпуская повод из рук, опустился у ног коня. Его мысли были заняты Асыл.

«Может быть, она ушла за Сандрау? Нет, там идут солонцы. Край тот безводный, Асыл не могла идти туда. Не ушла ли она в степь в поисках жилья? Но куда? В какую сторону? — Димка тоскливо посмотрел на лежавшую перед ним равнину. Надо ехать,— решил он,— может быть, наткнусь на след Асыл». Мальчик взобрался в седло и направил коня вправо от Сандрау. Чем дальше он ехал, тем беспокойнее становилось у него на душе. Следов девочки не видно. Ковыль, типчак и ни одного признака человека.

Димка беспокойно вертел головой по сторонам. Увидев небольшое озеро, стал поторапливать коня. Но девочки не видно и здесь. Проехал балку, заросшую кустарником. Недалеко он услышал стрекот сорок, и в воздухе потянуло зловонием. Димка догадался: где-то в балке волчье логово. Хотя летом на человека волки не нападали и у Димки было ружьё, он решил держаться подальше. Мальчик подстегнул лошадь.

На закате солнца Кочеток миновал высокий курган и стал подумывать о ночлеге.

Выбрав место недалеко от кургана, Димка расседлал лошадь. Сумерки, а за ними и ночь, спустились быстро. Положив возле себя ружье, Кочеток прилёг.

Спалось плохо. Димка думал об Асыл. За два месяца жизни в степи он почувствовал, что Бисимбай и Райса относились к нему, как сыну. Заботились о нём. В большой дружбе был он и с Асыл. «Только бы её найти, а потом можно уйти в Кустанай или Челябинск в сиротский дом. У Саввы Меркулова жить не буду, злой и жадный он...»

Голова Димки сползла с седла. Проснулся Кочеток от холода. Зябко кутаясь в рваный пиджак, он пытался вновь уснуть.

«Если сегодня не найду Асыл, поеду к Савве, отдам ему коня и буду пешком искать», — решил он, и когда первые солнечные лучи забороздили по небу, Димка поехал дальше на поиски Асыл.

Гоняясь ночью за степной лисой, Кекжал перед утром стал приближаться к кургану. Зверь начал петлить, поднимаясь на возвышенность. Гонка продолжалась долго, и только на восходе солнца Кекжалу удалось поймать увёртливую лису. Пёс поднялся с ней на вершину кургана и, выпустив из зубов свою добычу, улёгся рядом с ней.

Лёгкий утренний ветерок донёс еле уловимый запах человека, и собака, поднявшись на ноги, увидела далеко в степи маленького всадника. Это был Димка, который проехал лишь в трёх километрах от заброшенной заимки, где была Асыл.

Узнав о пропаже лошадей, Савва пришёл в бешенство, избил Димку и выгнал его на улицу.

— На глаза не показывайся, мошенник, — кричал он на стоявшего у забора Димку. Проспали с Бисимбайкой лошадей, не уберегли хозяйское добро! Можешь идти на все четыре стороны.

Димка пытался возражать:

— Причём тут Бисимбай. Если бы он не охранял коней, его бы не убили.

— Молчать... не твоего ума дело, — завопил Савва и затопал на Димку ногами. Димка вытер рукавом выступивший на лбу пот и волчонком посмотрел на Меркулова.

— Хапуга! — Димка плюнул и бросился бежать по улице.

Ночью Димка забрался на чердак хозяйского дома, где у него были спрятаны старый солдатский тесак, удочки и четыре плитки кирпичного чая. Правда, за чай сыну лавочника, Стёпке, пришлось отдать все бабки и свинцовый налиток да ещё впридачу перочинный ножичек, но зато Димка знал, что на чай в степи он достанет у казахов продукты. А спички у него были. Сложив своё имущество в мешок, Димка осторожно спустился с чердака во двор. Хозяйских собак он не боялся: те к нему привыкли. Хорошо бы взять с собой ружьё, но оно хранилось в доме. Вдруг Савва проснётся, тогда всё пропало. Димка пролез

через подворотню, вытянул следом за собой мешок и, закинув его за спину, зашагал по улице. Через час он вышел из города и направился к стоянке старика Рустема, охотника за тарбоганами [1].

4

Асыл знала, что Димка не оставит её в беде и будет искать.

«Может быть, он уже приехал в Сандрау и ищет меня»,— думала девочка и, поднявшись на крышу избы, стала вглядываться в степь. Но Кочетка не было. Зато Асыл увидела в стороне от заимки небольшое озеро, берега которого окаймляли густые камыши. «Там, наверное, пресная вода, — обрадовалась Асыл, — ведь камыш на горько-солёных озёрах не растёт».

Захватив ведро, она направилась к незнакомому озеру. За ней, помахивая хвостом, бежал Кекжал. Вскоре девочка нашла заросшую тропу и, не спуская с неё глаз, быстро зашагала вперёд. Вот и озеро. Вода в нём была теплая, сладковатая, но Асыл, несмотря на это, припала к ней прямо с берега и напилась. Набрав ведро воды, девочка умылась и переплела косички. Здесь, видимо, когда-то был водопой: небольшое пространство воды теперь было затянуто молодым камышом. Дальше шли густые заросли, из которых доносилось покрякивание диких уток. Небольшая стайка их выплыла на открытое место. Увидев Асыл с Кекжалом, утки быстро заработали лапками и скрылись в камыше.

Собака сделала попытку кинуться за ними, но Асыл её удержала. У девочки созревал план. Она вспомнила о том, как отец ловил уток силками из конского волоса. Сетку можно сделать из обрывка аркана...

Спрятавшись в тени полуразвалившегося навеса, Асыл расплела конец аркана, свитого из конского волоса, и стала гото-

---

[1] Тарбоган — местное название тушканчиков.

вить сетку. Правда, сетка вышла хуже, чем у матери, но всё же ставить её на уток было можно.

Первый день охоты прошёл неудачно. Напуганные собакой, птицы держались далеко от береговых камышей. Грустная, Асыл, постояв на берегу, вернулась к заимке.

«Утром надо привязать Кекжала, а то опять напугает уток», — решила она и, доев остатки сыра, улеглась спать. Ночь прошла спокойно. Асыл проснулась на рассвете. Кекжала в избе не было. Он, видимо, был в степи.

Взошло солнце, Асыл вышла из избы и увидела Кекжала. Держа в зубах лису, он важно подошёл к хозяйке и положил свою добычу у её ног. Асыл погладила собаку. Пёс зажмурился и вильнул хвостом.

«Ешь», — казалось, говорили его глаза. Оттащив корсука в сторону, Асыл привязала Кекжала и быстро зашагала к озеру. Но не прошла она и с полкилометра, как Кекжал нагнал её и с радостным лаем запрыгал возле. На его шеё болтался обрывок верёвки. Не выдержав разлуки с Асыл, пёс перегрыз верёвку и кинулся за ней.

Взяв его за обрывок, Асыл пошла дальше.

Вот и озеро. Было видно, как на воде недалеко от берега билась в силке крупная утка. Кекжал вырвался из рук девочки и метнулся к птице. Положив задушенную утку на землю, он улёгся возле неё, не спуская внимательных глаз с Асыл.

Девочка приласкала собаку и переставила свою маленькую сеть на другое место. В тот день у Асыл был вкусный обед. Правда, ей было трудно добывать огонь. Долго она била железом о кремень, а когда задымил трут, подложила сухой мох и принялась раздувать. Огонь вспыхнул. На дрова пошли остатки старых брёвен постройки. Поев, Асыл тщательно сгребла угли в одну кучу и, положив сверху дымящиеся головёшки, прикрыла их влажным мхом. Теперь огонь не погаснет, нужно только следить за ним.

Четвёртые сутки Асыл жила на заброшенной заимке. Она сильно похудела. Всё чаще уходила она с Кекжалом на курган, оглядывая с его вершины степь. Но Димки не было. Опечаленная, Асыл возвращалась на заимку.

Утром Асыл по обыкновению поднялась на курган и заметила в степи вооружённую группу всадников, которые двигались по направлению к заимке. Впереди ехал толстяк в богатом бемшете. Приглядевшись, девочка узнала в нём тургайского богача Таулетая, большого приятеля Саввы Меркулова. Встреча с ним ничего доброго не предвещала. Поспешно спустившись с кургана, Асыл бросилась бежать вместе с Кекжалом к озеру. «Спрячусь в камышах, — решила она. — А вдруг найдут? Ведь с ними собаки», — с тревогой думала Асыл.

Таулетай приближался. Уже отчётливо была видна его дородная фигура. Всадники ехали неторопливо, и это дало возможность Асыл достигнуть берегов знакомого озера раньше, чем они приехали на заимку. Асыл углубилась в камыш и остановилась на его кромке. На середине озера она увидела маленький островок и, недолго размышляя, кинулась в воду и поплыла. За ней метнулся Кекжал. Держась за его густую шерсть, девочка добралась до островка и спряталась в мелком кустарнике.

Обнаружив на заимке костёр, Таулетай дал распоряжение своим людям обыскать ближайшую к постройкам местность.

— Здесь кто-то живёт. Нужно найти во что бы то ни стало, —заявил он хмуро.

Таулетай был зол. За последнее время из его аула, где он был старшиной, спасаясь от царской мобилизации на тыловые работы, бежало несколько молодых казахов. Одного из них по имени Танад люди Таулетая поймали недалеко от озера Тениз и страшно избили. Теперь Таулетай разыскивал остальных беглецов.

Всадники рассыпались по степи. Один из них подъехал к озеру и, приподнявшись на стременах, стал осматривать камыши.

— Искать! — приказал он своей собаке. Почуяв след Асыл, пёс кинулся в заросли. У самой кромки камыша собака заметалась. След был потерян. Кекжал сделал попытку кинуться навстречу врагу, но Асыл держала его крепко. Девочка боялась, что Кекжал может залаять, и стала успокаивать собаку. Оставив в засаде двух человек, Таулетай с остальными всадни-

ками уехал. Асыл просидела в кустах до вечера. В степи было тихо. Не видно людей и на заимке. Только над озером попрежнему кружились потревоженные утки. Девочка осторожно спустилась в воду и, держась за Кекжала, поплыла. Выйдя на берег, она выжала мокрую одежду и, не торопясь, направилась к заимке.

Вдруг Кекжал остановился, повёл носом, вздыбил шерсть и, оскалив страшные клыки, зарычал, не спуская глаз с заимки. Асыл поняла, что там кто-то был, и, боясь встречи с Таулетаем, она повернула в сторону от жилья.

5

Прошло два дня, как Асыл ушла с заимки. Когда-то задорные, смеющиеся глаза её ввалились, резче выступили скулы. Девочке иногда удавалось найти сладковатые коренья осолодки, но ими она не могла утолить голод. Кекжал охотился за мышами и, однажды поймав толстого суслика, принёс его своей хозяйке. Слабо улыбнувшись, Асыл погладила собаку и опустилась на горячую землю. Собака улеглась рядом с ней. Обхватив шею Кекжала, Асыл заплакала.

«Где же Димка?» — девочка поднялась и побрела дальше. Августовское солнце нещадно палило землю, и ковыль начал засыхать. Поблекли травы. Степь казалась безжизненной, унылой, горячий ветер обжигал лицо и руки. Вечером Асыл прошла широкое поле солончаков и с трудом поднялась на незнакомый курган. Дальше идти она не могла.

...Солнце скрылось за далёким увалом. Девочка лежала неподвижно, устремив глаза на сумрачное небо. Возле неё находился Кекжал.

Старый Рустем, совершив свой обычный намаз[1], свернул коврик, на котором молился, и направился к сидевшему у костра Димке. Лицо мальчика было печально.

---

[1] Намаз — молитва.

Добравшись до стоянки Рустема, Димка поведал старику о своём горе. Выслушав Димку, Рустем подумал и сказал:

— Она, наверное, на Елохинской заимке живёт. Больше там жилья нет. Поедем завтра искать!

Наутро они поехали к заимке, но Асыл там не нашли. Ничего не могли о ней сказать и люди Таулетая, которые продолжали сидеть в засаде в ожидании беглецов. Следы девочки не могли обнаружить на второй и третий день. Димка с Рустемом объехали Сандрау, побывали в казачьих станицах, ближних аулах, но никто не знал, где Асыл.

Старый охотник принялся успокаивать Димку:

— Не горюй, раз с ней Кекжал, Асыл не пропадёт. Найдём обязательно, не горюй.

— А может, Таулетай увёз её к себе на стойбище?

— Нет, в руки богача она не попала. Ложись спать, а я ночью попромышляю тушканчиков. Утром опять двинемся на розыски.

Кочеток вздохнул и стал укладываться спать. Он верил старику: они найдут Асыл.

Рустем оседлал коня и, не спеша, поехал к видневшемуся невдалеке увалу. Бледный свет поднимавшейся луны заливал притихшую степь и фигуру всадника.

Откуда-то издалека донёсся лай собаки. Рустем насторожился, поднялся на увал, остановил коня и прислушался. Лай слышался как будто с кургана, темневшего в стороне.

Охотник подстегнул коня и, не обращая внимания на шмыгающих у ног лошади тушканчиков, направился к кургану. Привязав лошадь на аркан, он стал взбираться на возвышенность. Сомнений нет, там кто-то есть. Когда старик был уже на кургане, лай стих, и перед изумлённым охотником точно из-под земли вырос огромный белогрудый волк. Рустем от неожиданности чуть не выронил ружьё и, испуганно вскрикнув: «Ля Илля!», кубарем скатился с кургана: «Каскыр!» [1]. Добежав до лошади, он сунул ногу в стремя и остановился. «А может быть,

---

[1] Каскыр — волк.

мне показалось? Может, это не волк?» Как бы в подтверждение его мысли с вершины кургана вновь послышался лай.

«Нет, это собака! Пойду, однако, ещё раз посмотрю».

Старик, кряхтя, снова поднялся на курган. Из ковыля донёсся слабый голос: «Кекжал, нельзя!» — и навстречу старику встала, шагнула и упала девочка.

«Однако, это Асыл». — Рустем хотел подойти к девочке, но грозное рычание заставило его попятиться. «Пожалуй, не допустит до неё. Надо ехать скорей за Димкой. Собака его знает»,— и, крикнув Асыл: — Я сейчас приеду за тобой вместе с Димкой, — поспешно спустился с кургана. Вскочив на коня, он во весь опор помчался к Кочетку...

ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА

Н. Ошивалов *Рисунки В. Васильева*

Поезд шёл на юг. Перед окнами пробегали пёстрые сопки, зелёные ковры хлебов, стройные заводские трубы.

В купе сидели Усен Кубенов, майор Советской Армии, плотный подвижной человек, и его боевые друзья — Алексей Кузнецов, тоже майор, и Николай Каретко, подполковник.

Демобилизовавшись, они ехали на строительство Туркменского канала. Все трое были боевыми командирами в одном соединении. В годы Великой Отечественной войны они встретились под Сталинградом и с тех пор не расставались.

Все трое были связаны старой дружбой. Отец Алексея, Степан Кузнецов, в гражданскую войну сражался в этих местах

против белогвардейцев и других врагов Советской власти, поддерживаемых англичанами. Вместе с ним в одним рядах сражались тогда ещё совсем молодой Николай Каретко и мальчик-казах Усен Кубенов.

Алексею надоело лежать. Он встал и, подойдя к окну, открыл его. В купе ворвался сухой степной ветер и рокот трактора.

— Нет, смотрю и не узнаю... Пейзаж другой. Заводские трубы, тракторы, посёлки... изменилось всё. В восемнадцатом году этот край был иным... — сказал Каретко, подойдя к Алексею.

— Интересно бы послушать, как вы странствовали в этих краях,— заметил Алексей.

Кубенов отложил в сторону журнал, который читал, и в раздумье произнёс:

— Да-а, странствий было много, Алексей. Что ж, вспомнить старое никогда не мешает. Николай Григорьевич, расскажите вы.

Каретко медленно провёл рукой по чёрным, с густой проседью, волосам, посмотрел ласковыми карими глазами на друзей:

— Если хотите, попытаюсь.— И, помолчав, начал неторопливый рассказ.

* * *

По долине, выжженной солнцем, изрытой окопами, свидетельствующими о недавних боях, узкой лентой растянулся полк. Его головная часть уже достигла расщелины островерхих сопок.

Люди, измученные переходом, медленно двигались вперёд.

Но вот по рядам прошла весть: «Сейчас будет привал». Все оживились, энергичее зашагали.

Начальник пулемётной команды Ногин, человек богатырского сложения, ехал верхом на низкорослой степной лошадке. Лошадка высоко задирала голову, как бы пытаясь сравняться с седоком.

Пулемётчик Фёдор Бобылев, весельчак и насмешник, увидев Ногина, сострил:

— Ты, товарищ начальник, посадил бы лошадку на себя: у тебя, видать, ноги подлиннее и покрепче.

— Верно, Бобылев, как говорят, за твоим языком не по-

спеешь и босиком, — бросил Ногин и поехал быстрее. У места ночёвки он встретился с командиром полка.

— Алексей Иванович, — предупредил командир, — на отдых рассчитывать нельзя, за сопками рыскают беляки, держи пулемёты под парами.

— Есть, держать пулемёты под парами,— бодро ответил Ногин.

Предупреждение командира встревожило Ногина. В раздумье остановился он на косогоре, потом в бинокль стал внимательно осматривать сопки.

Поле, где остановились на отдых, было окружено сопками, хорошо защищавшими от ветра. Здесь когда-то был аул. Сейчас от него осталось лишь несколько ободранных юрт. Жители аула, казахи, восстав против белобандитского атамана Дутова, ушли в район Красной Армии. Озлобленные дутовцы повытоптали бахчи, сожгли юрты.

Около одной юрты, покрытой ботвой, стоял подросток, казах лет тринадцати-четырнадцати.

На восточных склонах южного Урала и в степях Тургая, где вёл борьбу с дутовцами Уральский полк Красной Армии, бойцы часто встречали казахов, поэтому на мальчика никто не обратил внимания. И только Ногин, подъехав к нему, приветствовал его по-казахски:

— Салям.

— Здрасти,— ответил мальчик по-русски.

— Как зовут?

— Усен.

На нём были лохмотья. Большая шапка-треух, казалось, приплюснула мальчика к земле.

Маленькие бойкие глазки Усена искрились и с любопытством рассматривали бойцов.

Усен остался в разрушенном ауле с дедушкой Сулейманом. Старик не мог уйти из-за болезни, а у мальчика больше родных никого не было. Мать Усена, Базыркуль, умерла, когда мальчику было семь лет. Он помнил её, тихую и ласковую.

В ту зиму бураны заносили железнодорожные пути. Движение поездов часто прекращалось. Для очистки путей от сне-

га выгоняли всё население аула. Базыркуль была больна, но волостной управитель и урядник заставили её работать.

Отца Усена, Тулегена, дома в это время не было. Он погнал лошадей волостного управителя на пастбище.

Вечером Базыркуль привели соседки. Всю ночь она металась в страшном жару, никого не узнавала, а через несколько дней умерла. Вскоре вернулся отец. Смерть жены подняла в сердце Тулегена яростную ненависть к волостному. Тулеген наотрез отказался от поездки в волость с донесением о перегоне лошадей.

Через два дня в аул приехал с урядником сам волостной управитель. Маленький, толстый, с узенькими щёлками вместо глаз и носом, потерявшимся в щеках, волостной напоминал Усену клеща, каких часто вытаскивал мальчик у лохматого пса, бегавшего около юрты. Волостной, недовольный поведением Тулегена, много кричал, размахивая камчой-кнутом и притоптывая короткой толстой ногой, похожей на обрубок.

Тулеген долго молчал, потом встал, решительно подошёл к волостному и во весь голос крикнул ему:

— Собака!

Волостной побагровел, затрясся, но прежде чем он успел раскрыть рот, Тулеген вскочил на лошадь и вихрем помчался в степь. Волостной завизжал:

— Держ-и-и, держи-и-и, бу-унт!

Тулеген исчез за ближайшей сопкой. Урядник развёл руками, как бы говоря: «Что сейчас сделаешь?» Волостной поднял крик на старика Сулеймана. Усену жаль стало отца и деда.

Горькая обида глубоко запала в его сердце.

* * *

Солнце перед закатом, вырвавшись из плотных облаков, ослепительно сияло. Люди, утомлённые тяжёлым переходом, устраивались на отдых.

Из юрты вышел дед Сулейман. К нему подошли бойцы. Старик радостно их приветствовал, принёс два огромных арбу-

за, разрезал на части и стал угощать гостей. Завязалась беседа.

— Дедусь, ты отпусти внука с нами, — говорил Бобылев, — хороший будет разведчик.

— Как я его отпущу, один он у меня остался.

— Как один?

Сулейман рассказал бойцам о том, что произошло в ауле. Весной в аул приехали белые с пиками и винтовками. Командир, дутовский есаул, потребовал аульного старосту. Старосты не оказалось. Тогда есаул приказал собрать всех мужчин и объявил, что им нужны десять молодых мужчин. Тем, кто не пойдёт служить к Дутову, будет плохо, так как на помощь белым идут английские войска. В Закаспийской области они разогнали советскую власть и скоро прибудут в Оренбург.

Сын Сулеймана, Тулеген, крикнул есаулу, что к Дутову дехкане служить не пойдут.

И никто не пошёл. Есаул рассвирепел и приказал своим конникам взять Тулегена. Народ заволновался, зашумел. Бандиты схватились за оружие, окружили Тулегена, связали, бросили на лошадь и увезли.

У Сулеймана потекли крупные слёзы. Смахнув их, он с трудом стал подниматься с земли. Двое бойцов помогли ему встать.

— Рахмат, — поблагодарил дед и, стоя, продолжал рассказывать:

— Через день люди из соседнего аула ездили в Ак-булак и видели в балке труп Тулегена, изрубленный, с выколотыми глазами и выжженной на лбу пятиконечной звездой.

Старик замолчал и низко опустил голову. Бобылев сочувственно сказал Сулейману:

— Не печалься, отец, мы за всё расквитаемся с беляками.

* * *

В предрассветной тишине передовые посты охранения услышали всё нарастающий шум. Разведка донесла, что со стороны Орска двигаются большие скопления белых. По тревоге

мгновенно поднялся весь полк. Пулемётному расчёту Бобылева было приказано занять сопку.

Подхватив пулемёт, бойцы быстро побежали в гору.

Номерной Николай Каретко, невысокий худенький юноша, ещё непоправившийся от желтухи, далеко отстал от своего расчёта. Ноги у него подкашивались, в глазах туманилось, плавали разноцветные круги.

На вершине сопки застрочил пулемёт. Каретко, услышав голос своего пулемёта, заспешил и, сразу же ослабев, повалился на землю. Звонкий голос привёл его в сознание.

— Давай помогу!

Перед ним стоял Усен. Передав ему часть пулемётных лент, Каретко поднялся и пошёл за мальчиком.

Справа над сопками всходило солнце. По всей юго-восточной стороне аула, где залегли цепи полка, шла горячая ружейная и пулемётная стрельба. Неподалеку от передовой линии ухала вражеская пушка. На сопке около пулемёта то появлялись белые облачка, то поднимались столбы глины и камней: это дутовцы старались шрапнелью подавить пулемёт. Ранили Бобылева, кончились патроны. Усен стремительно скатился вниз. Ездовой отказался выдать патроны без начальника. Мальчуган не растерялся и кинулся к Ногину. Путая русские и казахские слова, Усен рассказал о положении Бобылева. Ногин приказал немедленно выдать патроны Усену и кинулся на вершину сопки.

Усен и связной набрали пулемётных лент и побежали к горе. На полпути осколком снаряда тяжело ранило связного. Мальчику жаль было оставить раненого, и он стал звать деда. Со стороны юрты послышался голос: это Сулейман спешил на помощь.

Усен надел пулемётные ленты на себя и пополз вперёд. Воспользовавшись молчанием пулемёта, дутовцы пошли в атаку. Вот они спустились в овраг, отделявший их от нашей цепи. Послышались брань, выкрики:

— Сдавайтесь, голодранцы!

— Давай комиссаров!

На спуске в овраг появилась вторая цепь белых.

— Приготовь гранаты! — раздалась команда Ногина. — Почему молчит пулемёт?

— Патронов нет!

— Как нет? Где связной?

— Здесь! — ответил подоспевший Усен.

Ногин мгновенно зарядил пулемёт и, как бы нагоняя упущенное время, ожесточённо принялся крошить наседавших врагов.

Дутовцы отступили.

Время перевалило за полдень. Бой не прекращался. Белые стали окружать полк. Командир решил просить поддержку. Километрах в десяти от места боя, в поселке Леновицы, находился советский кавалерийский полк. Но связь с ним была прервана. Единственный выход через лощину на бахчи хорошо знали только местные жители. Командир полка велел позвать Усена.

— Ну как, дружище, воюешь?

— Воюю! — расплылся в улыбке мальчуган.

— Вот что, джигит, Леновицы знаешь?

— Моя всё знает: Линвис, Абулак, Айсон, много знает!

В подтверждение своих слов Усен широко развёл руками.

— Пойдёшь с бойцами, проведёшь их до Леновиц,—смотри, чтобы вас не поймали дутовцы.

Усен перебил командира:

— Белые — ваши враги и мои враги. Они убили моих отца и мать, они разорили наш аул!

* * *

Спустились сумерки: лощину, словно ватой, затянуло густым белым туманом. Вместе с туманом в неё вошли разведчики.

След в след, гуськом они двигались вперёд. Напряжённо прислушивались к каждому шороху, до боли в глазах всматривались в молочную пелену тумана. Чем дальше продвигались бойцы, тем явственнее доносился монотонный звук, похожий на

чавканье лошадиных копыт по топкой местности. Группа остановилась, залегла цепью.

— Выход на бахчу далеко? — чуть слышно спросил командир группы.

— Совсем близко,— ответил Усен.

Боец, посланный вперёд, вернулся и доложил, что звук происходит от падения с обрыва на камень капель воды. Поднявшись, разведчики двинулись вперёд, но лишь только поравнялись с местом стока воды, как вдруг сверху посыпалась земля, и к ногам бойцов скатился человек. Левофланговые бросились на скатившегося и заткнули ему рот. Всё же он успел крикнуть. В тумане защёлкали винтовочные затворы, а на обрыве застрочил пулемёт. Дальше двигаться было нельзя: выход заняли дутовцы. Командир разведки решил отвлечь внимание противника на себя, а Каретко и Усену велел пробираться в Леновицы.

Группа сейчас же отошла назад, открыв по вершине обрыва огонь. В ответ застрочил пулемёт, послышалась ружейная стрельба...

* * *

Туман стал реже, раскрылось тёмное предрассветное небо. На горизонте блеснула зарница. Усен и Николай ползли по степи. Впереди послышался приглушённый разговор и брянье удил. Всмотревшись в темноту, Каретко и Усен увидели арбу и около неё лошадей. На косогоре разговаривали люди. Это могли быть только дутовцы. Разведчики поползли и неожиданно наткнулись на мешок с арбузами и пустую бутылку, от которой пахло самогоном. Чуть поодаль от мешка спал дутовец. Николай и Усен решили захватить лошадей. Но как это сделать? Если подползти к лошадям, они испугаются и выдадут, если подняться и подойти, заметят.

Для раздумываний не было времени, и разведчики, поднявшись, решительно направились к арбе. Быстро отвязав лошадей, Усен и Каретко бросились в сёдла. Застоявшиеся кони галопом понеслись в степь. Дутовцы закричали, раздались выстрелы, Каретко охнул и сунулся вперёд. На скаку Усен схватил повод его лошади. Чуть слышно Каретко проговорил:

— Усен, не оставляй меня.

Придержав лошадей, Усен помог Николаю перебраться к себе. Крепко обхватив Каретко одной рукой, он отпустил его лошадь и пришпорил своего коня.

Далеко позади остались бахчи, на бледнеющем горизонте виднеется посёлок. Но лошадь начала сдавать. Крупными хлопьями с неё летит пена. С галопа она переходит на рысь, но Усен усиленно её погоняет. И вдруг:

— Стой! Стой! Пропуск! Кто едет?

Это была вражеская засада.

Усен припал к лошади, впился зубами в её шею. Взвизгнув, лошадь вихрем понеслась к посёлку.

Зачастили винтовочные выстрелы. Усена ударило в плечо. Превозмогая боль, он продолжал гнать. У въезда в Леновицы лошадь рухнула замертво.

Усен вскочил на ноги, положил Каретко на землю и только тут заметил, что окружён группой всадников. Это были свои.

Советский казачий полк пошёл на выручку уральцам.

Каретко и Усен лежали в санитарной повозке. Усен после перевязки почувствовал себя лучше. Он с тревогой смотрел на осунувшееся лицо Николая.

К повозке подъехал статный кавалерист в кожаной куртке. Усен сразу же узнал его. Это был Степан Кузнецов, старый знакомый Сулеймана, бывший кузнец, сейчас комиссар казачьего полка.

— Усен!

— Степан!

— Так это ты доставил донесение!

— Я, Степан.

Комиссар ласково погладил мальчика по голове.

— Больно?

— Немножко больно. Вот с другом плохо, — сказал Усен, показывая глазами на Каретко. — Прикажи крепко лечить.

— Всё сделаем, Усен. Друзей не оставляли в беде!

Командир вскочил на коня и поскакал к головной группе. Впереди дружно застрочили пулемёты, раздался треск ружейной стрельбы.

По степи прокатилось громкое «ура». Кавалерия, прорвав окружение, вместе с уральцами погнала врага.

Мальчик прижался к Каретко и быстро заговорил:

— Не надо умирать, Степан приехал. Степан сказал: белых разобьют. Найдём Степанова Алёшу. Русский и казах дружить будут.

Усен вспомнил, как дед Сулейман и Степан крепко жали друг другу руки. Он улыбнулся, обнял Николая и произнёс:

— Дру-ж-ба!

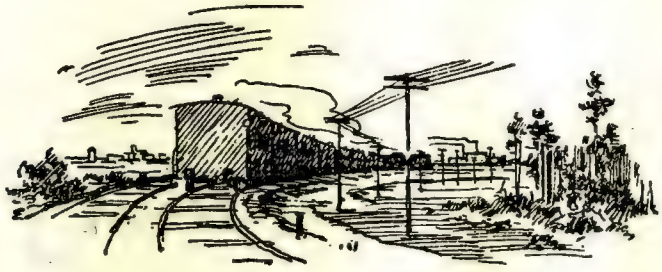
Николай открыл глаза и внятно ответил:

— Дружба навечно!

* * *

Паровоз перед крутым поворотом издал резкий гудок и замедлил ход. Рассказчик умолк.

— Да, — произнёс Алексей, — дружба, скреплённая кровью, — великая дружба.



Розовый турмалин

Ф. Тарханеев *Рисунки В. Васильева*

Когда горщик Иван Ермилович Краснов вошёл в гранильную мастерскую Авдея Катышкова, в ней, кроме хозяина, находились ещё трое: старик Макеев, гранильный мастер, и два подростка-ученика.

— Здорово дневали! — поприветствовал всех старый горщик, стягивая с головы изрядно поношенную шапку и останавливаясь посредине комнаты с низким потолком и закопчёнными стенами, — Лукич, я к тебе. Вот самоцветы принёс. — Иван Ермилович протянул Катышкову два штуфа.— Принимай добычу!

Авдей хитро прищурился. Зоркие маленькие глазки его под мохнатыми бровями сразу вспыхнули жадными огоньками, но внешне лицо осталось равнодушным. Он как бы нехотя взял у горщика самоцветы:

— М-да... Невелика у тебя ноне добыча. За хрусталишку я тебе пятиалтынный положу. Нет, пятак за него дам, а за топазик пятиалтынный получишь. Всего две гривны.

Старый Ермилыч молча наблюдал за торгашом, который ловко перекидывал с ладони на ладонь его добычу, и смущённо ерошил спутанные сивые волосы, похожие на копну лежалого сена.

— Так, видно! — со вздохом протянул горщик. — Не фартит, видно. Что наискал, то и доставил тебе.

— Искать, Ермилыч, не умеешь! — усмехнулся Катышков и хитро подмигнул Макееву. — Глянь-ка сюда. — Он достал из ящика камень величиной с горошину и на ладони поднёс его к свету. — Вот он, настоящий-то самоцветень!

Ермилыч не отрывал глаз от алорозовой горошины, которая переливалась на солнце, как сказочная радуга.

— Хорош камень! — не удержался горщик от похвалы. — Кто сыскал?

— Ишь ты! Мало ли люду несут к нам самоцветы,— засмеялся Катышков,— принёс незнайка, а где нашёл — угадайка! Много земель на Урале...

Подручные толкнули друг друга локтями и прыснули. Ловко дурачит хозяин старого горщика. А старик Макеев насупился и недовольно проворчал:

— Шутки он шутит, Иван Ермилыч. Не наш это камень. Из Индии дальней прибыл он сюда. Говорят, на Урале таких ещё не искали. «Турмалином розовым» этот камень прозывают.

— Эк тебя угораздило! — резко заметил Катышков. — Пошутить не дал. Я бы ему, чай, сам потом сказал. Не наш это камень — индийский. Таких каменьев на Урале нету. Не пахло ими.

— Из Индии, говоришь? — старый горщик задумался, а потом с обидой сказал. — Зря ты про Урал так говоришь. Нету. Всё есть у батюшки. Да, видно, спрятано далеконько. Но мы отыщем.

— Отыщи, отыщи, Ермилыч! — умилился Катышков. — Только успей до смерти дело сделать. Надевай сапоги и топай до Индии. Принесёшь такой камень — озолочу!

— Я, Авдей Лукич, не за цену болею, а за наш Урал-батюшку. Не равняй к нему какую-то Индию. Не чета она нам, мелковата.

Иван Ермилович Краснов был старожилом прииска «Незаметного». Тридцать лет проработал он на добыче золота. Быстро пролетели годы. Здоровье изменило горщику. Ушли силы. И Ермилыча, как ненужного, хозяева прогнали с работы. Остался Краснов одиноким, безработным стариком-бобылём коротать остаток своих дней. Одно утешение осталось у старика: любил он родной Урал, любил бродить по тайге, стрелять зверя, искать камни самоцветные. Немало их доставил старый горщик торгашу Катышкову в Екатеринбург.

...С того дня, как увидел Иван Ермилович розовый турмалин, камень стал мечтой старого горщика. Не мог он примириться, чтобы на Урале да не было таких самоцветов. Не верил он Катышкову, который искренне радовался, что есть у него камень «не нашим уральским стеколкам чета».

Всё лето и осень провёл Ермилыч в тайге. Облазил горы, ручьи, пади. Побывал в «Пьяном бору» на раскопках, где встретил голубые аквамарины и светлые, как горная вода, хрустали, но розового мерцающего камня отыскать не мог.

Целые дни с каёлкой, лопатой и молотком в руках настойчиво ходил старый горщик по тайге. Но всё было напрасно.

Прошла зима. Снова пустился Ермилыч на поиски розового турмалина.

И вот однажды, на речке Ветлянке... Речка эта глухая, таёжная. На сотни километров раскинулся от её берегов сосновый бор. Редколесьем стояли прямые, как свечи, сосны. Внизу, между стволами, осколки громадных гранитных скал, и выше человеческого роста заросли кипрея, мятлики леванды. Ни дорожек, ни троп. Только изредка мелькнёт узкая звериная стёжка — и всё.

В жаркий июньский полдень Иван Ермилович, с трудом пробравшись через бурелом, преграждавший путь, вышел на лесную прогалину, посередине которой с лёгким шумом бежала Ветлянка.

«Отдохну здесь, на берегу», — решил горщик.

Сложив на траву инструмент, он зачерпнул в кружку прозрачной воды, достал из сумки ржаной сухарь и сел на валёжину.

Вдали над лесом раздался глухой раскат грома. Старик тревожно посмотрел вверх: по небу стремительно летели тёмносерые облака. Надвигалась гроза.

— Ого! Никак ненастье! — ворчливо отметил Ермилыч. — Облака по небу, как сор метлой, гоняет.

Над головой раздался ещё более грозный рокот грома. Горщик снял шапку и взъерошил лохматые волосы, прикидывая, куда бы укрыться. Недалеко от речки стояла большая ветвистая сосна. Старик быстро собрал инструмент, прихватил суму и перешёл к дереву. «Сосна наклонная, стоит крепко, от молнии безопасна, а от дождя хорошо укроет»,— рассуждал старик. Выбрав у корневища удобное место, он сел и спокойно стал ждать, когда разразится ненастье.

Жизнь в лесу, казалось, замерла. Всё живое, чувствуя приближение грозы, попряталось, притаилось. Даже бойкие чёрные стрижи не рассекали воздух над тайгой. Всё чаще и чаще раздавались грозные раскаты грома. Тревожно загудел ветер в вершинах. На землю полетели сухие сучья, хвоя, шишки. И вот дико загудел вихрь. Горщику показалось, что дерево, под которым он укрылся, задрожало и стало медленно клониться к земле. Он быстро отпрянул в сторону. И вовремя: в корнях сосны что-то щёлкнуло, словно оборвалась струна, и дерево с шумом повалилось. Ветки захлестнули Ермилыча, крепко прижали его к земле. Горщик потерял сознание.

Когда Ермилыч очнулся, гроза уже прошла. Ярко светило солнце, голубело небо. С ветвей, прижавших старика к земле, падали холодные капли. Горщик попробовал подняться. Надсадно ныло ушибленное плечо, кружилась голова. На лбу кровоточила ссадина. Выбравшись из-под ветвей, Ермилыч добрался до речки, вымыл лицо. Стало легче. Он выпрямился и окинул взглядом поляну. Любопытство искателя камней проснулось в нём, когда он увидел вздыбившиеся корни и огромную яму под ними.

Иван Ермилович подошёл к яме, внимательно осмотрел склоны и перевёл взгляд на корневище. Лучи солнца упали на прогалину, и вдруг среди многочисленных отростков корня блеснул алорозовым цветом маленький кусочек горной породы.

* * *

... Авдей Катышков долго разглядывал принесённый Ермилычем самоцвет. Он смачивал его слюной, катал на ладони.

— Сейчас увидим, — наконец сказал он и прошёл к шлифовальному столику.

Целый час пришлось ждать горщику, пока торгаш испытывал камень. Но вот Катышков окончил шлифовку, сполоснул камень водой и быстро спрятал в ящик.

— Ты где взял его? — спросил он у горщика. Теперь в голосе Катышкова не было равнодушия.

— Турмалин-то? Раз принёс — забирай, где нашёл — угадай, — ответил Ермилыч торгашу его же собственной шуткой.

— Я покупаю у тебя камень, — заторопился Катышков. — Даю за него двадцать пять рублей. А коли место укажешь, где нашёл турмалин, добавлю к этим деньгам ещё двадцать пять. Только, чтобы молчать. Никому, понял?

Пятьдесят рублей! Это было богатство для бедного горщика, но старик не обрадовался ему. Сурово сдвинув брови, посмотрел он на Катышкова:

— Ох, и жаден ты, Авдей Лукич. За деньги готов родную землю хаять. Индия! Видишь, и у нас каменья такие есть. Да, пожалуй, цветом-то лучше индийских...

Взял он положенную за камень плату и ушёл.

* * *

Скоро слух о находке розового турмалина долетел до Уральского горного управления. Иван Ермилович увёл на Ветлянку группу разведчиков с обер-штейгером Латышевым, которому был дан строгий наказ разведать место находки турмалина и сообщить о результатах.

Латышев не заставил себя долго ждать. Недели через две в управление пришла докладная. В ней было написано:

«Начальнику Управления уральских горных заводов. Согласно распоряжения Вашего превосходительства, мною было осмотрено месторождение розовых перлов (турмалинов) около речки Ветлянки, найденное Иваном Красновым. Кроме розового турмалина, возле того места мною обнаружены камни аквамарины и топазы. Для выяснения ценности указанного месторождения, в коей я не сомневаюсь, надобно провести разведку шурфами. Образцы камней при сём прилагаю. Латышев».

Начальник Уральских горных заводов, немец фон Шикенданц, бегло просмотрев донесение, развернул образцы и осторожно, двумя пальцами, взял самоцвет.

Мосье Рижар, представитель иностранного акционерного общества, который в это время находился в кабинете фон Шикенданца, впился глазами в алорозовый камень.

— Тюрмалин... Наш концессий... Богатый месторождений,— шептал он побледневшими губами и всё время прижимал руку к груди. Французу казалось, что окружающие слышат биение его сердца.

— Необходимо провести разведку шурфами, — громко прочитал фон Шикенданц — Гм-м... Разведку. Значит, это дело нестоящий. Как ви думай, Ефим Павлович?

Стоявший перед начальником управитель горного отдела Шадров пожал плечами: донесения он не читал.

— Камень не золото,— добавил он.— И потом, ваше превосходительство, на разведку месторождений самоцветов, тем более бедных, у нас средств нет.

Мосье Рижар вытащил из кармана блокнот, вырвал листок и торопливо написал: «Ваше превосходительство! Акционерное общество могло бы принять в концессию указанное Вам месторождение самоцветов при полной монополии всего участка. Мы уплатим законную ренту». Он подписал записку, вырвал листок, а на другом листке набросал по-французски: «Карл Морицевич! Если Вы окажете содействие в приобретении концессии на самоцветы, акционерное общество уплатит Вам сто

тысяч франков». Обе записки мосье Рижар подал фон Шикенданцу.

Тот внимательно прочитал их. Записку, написанную по-французски, положил в карман, вторую подал Шадрову.

— Как ви думайт, Ефим Павлович?

Шадров взглянул на Рижара.

— Что же... Я бы не возражал, ваше превосходительство.

— Пишите в департамент,— приказал фон Шикенданц. — Просим сдать в концессию акционерному обществу месторождение самоцветов на речке... как она... Ветлянок...

— Слушаюсь! — поклонился Шадров и вышел из кабинета.

— Пишите чек! — проговорил фон Шикенданц, обращаясь к мосье Рижару. — Забавно, правда, — улыбнулся он самодовольно.— Немец получает деньги от француза за русские самоцветы. Ха-ха!

Довольный успехом, он поправил во рту погасшую сигару и закурил.

* * *

Так находка старого горщика Ивана Ермиловича Краснова попала иностранцам. Только после Октябрьской революции месторождение розовых турмалинов перешло в руки трудового народа.

На Денежкин камень

А. Арзамасцев ***Рисунки В. Воловича***

Вьюга разыгралась не на шутку. Под ударами ветра вздрагивали стёкла. «Ох, и погодка выдалась! Придут ли ребята сегодня? Уж очень метёт», — думал я, расхаживая по мягкой ковровой дорожке в комнате нашего кружка юных туристов.

Но мои опасения оказались напрасными. Без пятнадцати семь, как всегда первым, пришёл Серёжа, высокий, с русыми кудрями семиклассник. За ним шумно влетел черноглазый

Борис, потом подошёл всегда спокойный, молчаливый Миша. К семи часам собрались и остальные.

— Ну что ж, собрались все. Начнём наши занятия, — сказал я. — До сих пор мы с вами изучали маршруты ближних походов. Теперь нам предстоит наметить ряд дальних путешествий. Какие есть предложения?

На минуту воцарилась тишина.

— Эх, на горы бы пойти, — мечтательно протянул Виктор.

— Например, на Уктусские, — в тон ему, ехидно улыбаясь, добавил Борис.

— Напрасно смеёшься, Уктусские горы — неплохое место, — спокойно заметил Миша.

— Да он там не был!

— А где он был?

— Боря, а Боря, ты на Чёртовом городище был?

— А на Каменных палатках?

— Нигде он не был!

— Ха-ха-ха, «путешественник».

Задел ребят пренебрежительный тон Бориса.

— Нет, представьте себе, был. Был! Был и на Уктусских горах, и на Чёртовом городище, и на Каменных палатках. Хорошие места, но всё-таки...

— Чего «всё-таки»? Плохо, да?

— Нет не плохо, но мы не детский сад, чтоб ходить вокруг Свердловска. Нам пора на высокие горы подниматься,— торжественно закончил Борис.

— Браво, браво,— захлопала в ладоши Светлана,— Борис собрался на Эверест?

— Ой-ой, как высоко!

— Борь, а голова у тебя не закружится?

— Чего вы ко мне пристали? Я не говорю про Эверест. В Советском Союзе найдутся горы поинтересней Эвереста. Но на Урале таких мест нет.

— Не знаешь ты Урала,— опять спокойно заметил Миша.

В это время ко мне наклонился Серёжа и сказал:

— Я читал книгу Горчаковского «По заповедникам Среднего Урала». У него про Денежкин камень...

— Велик ли твой Денежкин камень,— метнулся в нашу сторону Борис.— Полторы тысячи метров, и всё. Там, наверное, облака-то всегда выше вершины.

— Тебе в заоблачные высоты охота? Да, Боречка? — насмешливо сверкнув глазами, спросила Светлана. Он хотел ей что-то ответить, но ребята в это время заспорили, зашумели и уже не слушали Бориса.

Одни доказывали, что Денежкин камень — очень интересное место, другие возражали, спор разгорелся. Вот уже кто-то начал рыться в шкафах нашей библиотеки, другие принялись перебирать дневники прошлых походов нашего общества «Глобус». Материалов о Денежкином камне у нас оказалось очень мало. В последующие дни ребята побывали в библиотеках, музеях, но и там данных об этой интереснейшей вершине северной части Среднего Урала нашлось немного.

Многое в этом районе еще не изучено, не исследовано, не известно. Всем захотелось самим побывать там, своими глазами посмотреть на всё. Даже Борис забыл о своих мечтах подняться в заоблачные высоты.

Началась деятельная подготовка к путешествию.

Кружковцы изучали природу Денежкина камня, его историю.

Денежкин камень лежит к востоку от главного Уральского хребта. Здесь когда-то лежал мощный горный кряж. Со временем он разрушился почти до основания. Только отдельные его участки, сложенные из прочных пород (габбо, дунитов, пироксенитов), поднимаются ещё на значительную высоту. Над широкими долинами, над морем тайги отдельными островками поднимаются Журавлёв камень, Белкинский увал, Вересовый увал, Пихтовый увал, а над ними, как каменная крепость, высится Денежкин камень.

Денежкин камень — это целый горный узел, состоящий из ряда вершин. Весь этот район богат разнообразными полезными ископаемыми. Каменные вершины гор, богатства их недр, могучая, почти нетронутая человеком тайга, высокогорные тундры и быстрые реки представляют большой научный интерес. Поэтому решением правительства в 1946 году здесь был создан государственный заповедник «Денежкин камень».

На следующих занятиях были прослушаны доклады об истории освоения этого края, о его природе, рудниках, городах.

Ребята написали письма в управление заповедника с просьбой разрешить им поход на Денежкин камень.

Директор заповедника Николай Игнатьевич Корчагин очень тепло встретил желание ребят совершить путешествие на эту интересную вершину, дал ряд вопросов для их краеведческих наблюдений на Денежкином камне.

Незаметно прошла зима, а потом закончились экзамены.

После экзаменов начались тренировочные походы, подготовка снаряжения, закупка продуктов.

Но вот всё сделано. Тёплым июльским вечером мы сели в поезд, идущий через Нижний Тагил и Серов до Североуральска.

На станции Красная Шапочка мы пересели на поезд, который шёл до Черёмухово, откуда нам предстоит начать наше пешеходное путешествие.

Уселись поудобнее. Прямо против окон видна высокая, остроконечная гора.

— Это не Денежкин? — спросил кто-то из ребят.

— Не-ет, милый,— ответил седобородый старичок.— Это — Кумба. Денежкин вон там, правее, а это — Кумба. Да-а.

Все повернули головы туда, куда показывал дед.

Там, на западе, над лесом и горами, как сказочный богатырь поднимался громадный горный массив, закрывавший собой почти четверть неба. Окружающие горы доходят этому гиганту только до пояса. На его склоне застыла тучка, освещённая лучами заходящего солнца.

Невольно вспомнились лермонтовские строки:

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана...

Не может она подняться к вершине, словно боится головокружительной высоты.

Все стояли тихо-тихо, любуясь прекрасной картиной.

— Да-а-а,— протянул кто-то,— вот и заоблачные высоты.

— Борис, исполнилась твоя мечта — мы поднимемся в заоблачные высоты.

Не утерпели ребята, чтоб не напомнить Борису его заносчивых слов.

...Далеко виден Денежкин камень. Недаром четыре столетия тому назад он служил маяком для караванов судов, шедших из Московии в Сибирь.

В те времена существовал единственный путь, связывавший Москву с Сибирью, и этот путь проходил чуть севернее Денежкина камня.

Купцы и служивые люди, землепроходцы и рудоискатели через Ярославль и Великий Устюг добирались по рекам до Соликамска и Чердыни, поднимались по Вишере и её притокам до Камня, как называли тогда Урал, перетаскивали волоком свои судёнышки в реку Тальтиго, по которой спускались до реки Ивдель, а по Ивделю и Лозьве доходили до древнего Лозвинского городка. Здесь обычно зимовали, а весной спускались по Тавде и Тоболу к Тобольску.

В XVI веке житель Соликамска Артемий Бабинов открыл новый, более удобный и короткий путь в Сибирь.

На этом пути, в 1598 году, был построен город Верхотурье. В связи с его постройкой царь Фёдор указал Лозвинскому городку «впредь не быти, а быти ему разорёну», купцам по Вишере и Лозьве в Сибирь не ходить.

И надолго запустел район Денежкина камня. Только редкие семьи манси кочевали в этих местах. По имени одной из таких семей, Денежкиных, названа вершина. Манси Денежкины жили здесь в зимних юртах и пасли оленей на склонах горы.

В XVIII веке прошёл слух, что в этих краях имеются богатые месторождения серебра. В одиночку и артелями двинулись сюда люди на поиски драгоценного металла. Серебра не нашли, но зато были открыты залежи меди и железной руды. На реках Лобве, Ляле, Туре начали возникать медеплавильные заводы, позже было открыто золото, приступили к добыче железа.

Так возник и развивался промышленный район.

Но широкое освоение этого края началось только после Октябрьской революции.

Небольшой рабочий посёлок Надеждинск превратился в крупный город с мощным металлургическим заводом, на месте старинного села Петропавловска вырос горняцкий город Североуральск, старые Турьинские рудники, родина изобретателя радио Попова, превратились в социалистический город Краснотурьинск, Богословские копи, родина отца русской геологии академика Карпинского, стали знаменитым городом угольщиков Карпинском.

Через вековую тайгу и топкие болота были проложены железные дороги и шоссе, задымились заводские трубы, поднялись копры над новыми шахтами.

Железнодорожная ветка, по которой сейчас мы едем, была построена в годы войны.

Наш поезд катит по нему, постукивая колёсами на стыках рельс и весело посвистывая.

Вот и Черёмухово. Переночевав в школе, на другой день утром лесной дорогой мы двинулись во Всеволодо-Благодатское. Там разместилось управление заповедника.

Всеволодо-Благодатское привольно раскинулось у подножия остроконечной горы Сопка. Улицы широкие, зелёные, к самым домам подступает тайга.

Село было основано в 1824 году. Сюда помещики Всеволжские перевели своих крепостных крестьян для работы на золотых приисках.

В управлении нас встретили очень приветливо, отвели квартиру, разрешили осмотреть музей заповедника.

На другой день мы пересмотрели своё снаряжение, оставили на базе запас продуктов на обратный путь, всё плотно уложили, упаковали, увязали.

Во время этой работы к нам подошёл пожилой бородатый мужчина.

— Что, ребятки, на Денежкин собираетесь?

— Ага, на Денежкин.

— Не пустит Камень вас.

— Почему?

— Шапку наденет.

Все с удивлением взглянули на него, а потом на Денежкин камень. Его вершина была совершенно чиста, на небе — ни облачка, ничто не предвещало изменения погоды. Пугает, наверное, нас бородач.

— А как вы узнали?

— Да, как... Видно... Ветерок тянет с той стороны. Дальние горы туманит.

Интересно, это надо запомнить.

Ребята начали разглядывать горы, определять направление ветра.

После обеда пошли осматривать музей. В шкафах и на полках множество чучел и шкурок птиц, зверей, которые водятся в заповеднике. Вот шкура рыси. Будто с огромной, метровой кошки снята она.

Валя протянула руку и робко погладила мягкую шерсть.

— Р-р-р-ры-ы! — внезапно ей на ухо рыкнул Борис.

Та взвизгнула, отдёрнула руку и... покраснела.

— Во, брат, как. Страшно? То-то. Это тебе не котёнок. Знаешь, рысь, как подкараулит зайца, цап — и нет косого. Любит она мяско. Другой раз и телятинкой балуется. А ты — гладить,— издевался над смутившейся девочкой Борис. Все от души смеялись.

Вот горностай — маленький, ловкий и кровожадный хищник, чья шкурка в старину шла на мантии королей и на царские шубы. И сейчас она высоко ценится за свою красоту и прочность.

Белки, бурундуки, кроты, выдры, глухари, тетерева, рябчики... Много всяких зверей и птиц в заповеднике.

После осмотра музея отправились ужинать и спать.

А утром все бросились смотреть на Денежкин камень. Здорово! Его вершина была закрыта серыми облаками.

— Надел-таки «шапку» Камень! — воскликнул Серёжа.

— Ай, да дядя с бородой, вот это «бюро погоды»!

Что ж, хоть и закрылся Денежкин, а идти всё равно надо. День пройдём до Шарпинского кордона заповедника — 22 километра, потом день до долины реки Быстрой, а там, может быть, и погода лучше будет.

Двинулись. Дорога идёт болотами, минует старые гари, покрытые мёртвым лесом, проходит чистыми густыми сосновыми борами.

За Ельцовкой, весёлой, с чистой и ледяной водой речушкой, тайга начала меняться. Ель, сосна, местами берёза и осина двумя стенами стоят по сторонам дороги. Много брусники. Там, высоко в небе, сияет солнце, а сюда, под своды деревьев, его лучи не проникают. Здесь стоит мягкий полумрак, тянет сыростью. Полчища комаров и мелкой мошки налетают на нас. Жужжат, звенят, пищат, кусают, грызут, пьют кровь. Ух, ты! Терпения нет! Надеваем накомарники. Комары сразу запели ласково у наших ушей, а достать не могут. Но мошки, ох, эти мошки! Их и накомарники не держат. Лезут во все щелки и с остервенением грызут кожу. Зуд страшный, а терпеть надо. И ребята, ругая на чём свет стоит маленьких мучителей, идут вперёд.

Миновали истоки речки Берёзовки, проходим ещё километров восемь и выходим на широкую поляну. Слева глухо шумит река — это Шарп. Прямо перед нами столб, а на нём большой щит с надписью «Государственный заповедник Денежкин камень».

Через заповедник проходит дорога общественного пользования, и по ней через каждые три-четыре километра устроены навесы со скамеечками — места для отдыха.

Проходим ещё два километра. Вот и Шарпинский кордон.

Высоко над рекой, на коренном берегу, уютно устроились две избушки, снизу по камням с шумом мчится Шарп.

Предъявив смотрителю свой пропуск, мы принялись устраиваться на ночь.

Часть ребят разместилась в избушке, для остальных поставили палатку.

К вечеру небо затянуло низкими серыми облаками. Начал накрапывать дождь, потом он усилился, его капли уныло барабанили по крыше, за стеной глухо шумела тайга. Плохо в такую ночь очутиться под открытым небом в лесу, а у нас тепло, уютно, весело помигивает свеча. Под шорохи дождливой ночи все крепко уснули.

Невесело встретило нас утро. Небо и горы затянулись плотной пеленой туч. Временами моросил мелкий унылый дождик.

Денежкин камень, ещё вчера дразнивший нас своей близостью, сегодня закутался в туман и облака, закрылся, исчез.

Настроение у всех скверное. Многим хочется, несмотря на дождь и туман, идти вперёд.

— А что, если всё-таки пойти? Ну, немного вымокнем, но зато будем ближе к вершине,— говорит Боря.

— Нет, Боря, нельзя.

— Почему?

— Во-первых, в тайге мокро — вымокнем от пяток до затылка; во-вторых, нам придётся подниматься на Сорокинский перевал, а в тумане по мокрым камням идти опасно.

— Ой, уж и опасно,— надув губы, сказала Рита,— да ничего с нами не случится. Пойдёмте,— просительно закончила она.

— Вот что, друзья мои, запомните: не тот достигает цели, кто стремится к ней, очертя голову, а тот, кто не рискует без нужды, умеет выждать и действует наверняка.

Ребята, понимая мою правоту, со вздохом отправились в избушку.

Под вечер дождь стих, и наши заядлые рыбаки Игорь и Стасик отправились на Шарп ставить перемёты. Вскоре они вернулись оживлённые, довольные.

— Во! — крикнул Игорь, подняв вверх палец.— Завтра едим уху. Двадцать крючков, на каждый по рыбине — двадцать рыбин. С мечтой о вкусной ухе все уснули. На утро рыбаки умчались к перемётам. Проходит десять, двадцать минут, полчаса, а рыбаков нет.

— Ну, знать-то, не могут утащить рыбу,— пошутил кто-то.

Но вот, наконец, появились и рыбаки. Их физиономии выражали крайнюю степень огорчения.

— Где рыба? — крикнула Рита.

Игорь взглянул на неё, и горький вздох вырвался из его груди.

— В Шарпе.

— Почему?

— Плавает,— опять со вздохом ответил он.

Оказывается, за ночь вода в Шарпе так убыла, что все крючки оказались над водой.

Подошёл смотритель заповедника.

— Что? Не поймали?

— Нет,— удручённо ответил ему Стасик.

— На перемёты ловили?

— Ага, на перемёты.

— Никогда не поймаете. У нас водится тут только хариус, а это рыба хитрая. Её мы ловим только петлями. Сделаешь из тонкой проволочки петлю. Найдёшь, где хариус стоит, заведёшь потихоньку на него петлю и дёрнешь. Вот как его ловить надо!

Во второй половине дня погода совсем установилась, небо очистилось, засияло солнце. Прямо перед нами поднималась тёмная гора.

— Денежкин?

— Нет,— отвечает смотритель,— Олений Рог. Денежкин за ним, отсюда его не видать.

Всю дорогу дразнил нас старик своей близостью, а как дошли поближе,— испугался, спрятался за своих меньших собратьев. Не-ет, врёшь, теперь-то мы доберёмся до тебя.

Перешли через Шарп. Ну дорожка! То болото с разбросанными по нему брёвнами и жердями, то бесчисленные камни. Порой их так много, что кажется, будто привезли их сюда для мощения дороги, высыпали да и забыли!

Пройдя около двух километров, сворачиваем влево и сразу попадаем в полумрак тайги. Нога мягко ступает по мху. Но местами под ним скрыты камни, часто дорогу преграждают поваленные деревья. Всё же идти не очень трудно, и мы движемся быстро. Вдруг слева послышался глухой шум.

— Ого, тайга зашумела! — воскликнул кто-то из ребят.

— Нет, не тайга,— говорит Миша.

— А что?

— Что? Подумай. Тайга так не шумит. Обрати внимание — шум слышится в одном месте и внизу. А тайга шумит повсюду и начинают сначала шуметь вершины деревьев.

Озадаченные, все затихли.

Идём. С каждым шагом всё ближе и сильнее шум. Вот он совсем рядом.

— Река-а-а! — закричал передовой.

И верно, ещё десять шагов, и мы вышли на берег горной речки. Всё русло её усеяно валунами. Во многих местах гряды камней преграждают путь воде. С грохотом мчится она, десятки маленьких водопадов низвергаются тут и там. Это — Сухой Шарп, приток Шарпа.

Борис шутит:

— Шарп-то сухой, а вода в нём мокрая и холодная.

Перебираемся через поток. Но тропа нас выводит снова на левый берег. Миновали землянку, построенную геологами ещё в 1914 году. Идём тропой вверх по Сухому Шарпу. По сторонам растут сосны, встречаются кедры, много черничника, разнообразные мхи, попадает костяника.

— Давайте побыстрее! — кричит нетерпеливый Борис.

— Нет, нельзя. Дорога трудная — нужно беречь силы,— отвечаю ему.

— Так ведь не успеем. Вон как поздно вышли.

— Если будем торопиться, то не успеем.

— Нет, я так не могу. Ну, что это за поход — плетёмся, как старушки из гостей.

— А ты беги вперёд,— смеётся Серёжа,— заберёшься на вершину и нам верёвку бросишь, подняться поможешь.

— Либо сядет на камушек и будет просить, чтобы его подняли.

Последнее замечание взорвало Бориса.

— Вы, что?! Я... я не первый день хожу по лесу!

Пришлось вмешаться и прекратить спор.

Идём дальше. Подходим к месту, где Сухой Шарп раздваивается на два истока. Один берёт начало на Кулаковском перевале, а главный исток Сухого Шарпа — на Сорокинском. Нам нужно идти по нему. Сворачиваем на русло реки, так как идти по берегу невозможно — тайгой не проберёшься. Прыгаем с камня на камень, переходим от одного берега к другому, а под нашими ногами, меж камней, неумолкая, шумит горный поток. Заметно поднимаемся вверх. Сзади нас Кулаковский увал. Вот уже мы поднялись почти на один уровень с ним. Растительность начинает меняться. Преобладают лиственницы и ель, сосны встречаются реже, местами виднеются пихты. Чем выше поднимаемся, тем боль-

ше и больше встречается лиственница, ели мало, сосна почти совсем исчезла. Незаметно выходим в зону криволесья, состоящего из невысоких искривлённых лиственниц, низкорослых извилистых берёзок.

Солнце палит. Вижу, что кто-то из ребят начинает отставать, и замыкающие его сердито подгоняют. Кто это? Э, да это Борис! Умаялся, бедняга.

— Александр Александрович,— безразличным тоном говорит он,— мне кажется, что ребята начинают уставать, не пора ли привал делать?

В ответ раздаётся дружный хохот.

— Чего вы смеётесь? Я не о себе беспокоюсь.

— На воре шапка горит! Кто говорит, что ты о себе беспокоишься?

Идём дальше. Вот уж и криволесье кончается.

После привала начинаем подъём на Сорокинские ворота. Склон крутой, делаем частые остановки. Под ногами горная тундра. Встречаются карликовые берёзки — полметра высотой,— а, говорят, им уже лет по пятьдесят. Идём по гребню, справа и слева ущелья, со стен которых сбегает множество ручейков. Сливаясь, они образуют истоки Сухого Шарпа.

«Отселе я вижу потоков рожденье»... — неожиданно продекламировал Игорь.

Одолели последний подъём и вышли на ровное плато. Оно всё усеяно каменными россыпями, между которыми ярко зеленеют пятна высокогорной тундры. Слева чёрной громадой поднимается Олений Рог, справа — тёмная стена вершины Рубуль, а внизу тайга, Кулаковский увал. Тёмные скалы, пятна яркой зелени, голубоватая вдали тайга, яркое солнце создают необыкновенную по своей мощи красоту!

Описание перевала впервые дал казанский профессор ботаник и этнограф Сорокин, поднявшийся сюда в 1872 году. Этот перевал представляет как бы ворота к Денежкину камню. Поэтому его назвали в честь профессора Сорокинскими воротами.

Здесь, на перевале, сделали остановку. Поели печенья, запили его водой из горного ключа и двинулись дальше.

Перед нами раскинулась красивая, круто уходящая вниз до-

лина реки Быстрой. Начинаем спуск к Денежкину камню, но самой вершины его, из-за множества скал, не видим.

Идти вниз, пожалуй, тяжелее, чем подниматься вверх.

Игорь шутит:

— После сладкого обеда не сладко спускаться вниз. Ноги у меня оказались такие быстрые, что сами бегут в долину Быстрой.

Вначале идём высокогорной тундрой, одолеваем множество каменных рек, тут и там бегут звонкие ручейки. Ниже они, сливаясь, образуют речку Быструю с холодной прозрачной водой. Спускаемся к криволесью. Разведка донесла, что место для лагеря выбрано. Начинаем устраиваться на ночь. Выравниваем площадку под палатки, выбрасываем камни, засыпаем неровности щебнем, стелем мох и ставим палатки. Получается мягкая, уютная постель.

Трудновато оказалось набрать на ночь топлива. Уж очень мешают камни. По ним ходить без груза-то трудно, а таскать охапки ветвей и стволы упавших деревьев совсем тошно. Но куча хвороста растёт и растёт.

Повара готовят ужин. Вкусный аромат дразнит пустые желудки ребят.

Наконец и лагерь готов, и ужин поспел. Все шумно уселись за еду. Только один Борис сидит молча: удручён неудачей на первом тяжёлом переходе: торопил, торопил, да сам первый и раскис.

Солнце ушло за Олений Рог. Сразу стало холодно. Вершины гор ещё сияют под лучами солнца, а у нас, в долине, уже сумерки, холодок пробирает до костей, пришлось надеть тёплые куртки.

— Ребята! — вдруг крикнул Стасик.— Обратите внимание,— нет комаров.

И верно, комары нас не тревожат. В горах их почти нет. Только какой-нибудь ошалелый позвонит над ухом и исчезнет.

Ребята объявили конкурс на то, кто больше изловит комаров. За четырёх — одна печенинка. Но до сна никто не смог нащёлкать комаров на целую печенинку.

Постепенно все забрались в палатки, а Игорь вдруг принялся сочинять стихи:

И вот уж солнце закатилось,
И к нам в долину тьма спустилась.
Залезли мы в палатки спать.
А завтра нам опять шагать.

На другой день штурмовая группа, состоящая из самых сильных и опытных ребят, отправилась искать наиболее доступный путь на вершину. Соблазнились отлогим восточным склоном. До гребня, казалось, совсем недалеко. Двинулись. Сплошная каменная осыпь. Иногда перебираемся на четвереньках. Вот уже прошло полчаса, час, а до гребня ещё далеко. Наконец, добрались до него, а там оказался ещё гребень, а за ним ещё. Вот тебе и пологий склон! Нигде ни единой полянки — всё камни, камни и камни. Стоят торчком, будто какой-то великан погладил их «против шерсти» и остались они на век такие взъёрошенные.

И всё-таки одолели. Вышли на ровную площадку, с которой видна вышка на вершине Денежкина.

Обратно спускались более крутым склоном, но путь здесь оказался легче. Вот здесь и пойдёт основная группа.

Утро десятого походного дня встретило нас яркой солнечной погодой. Сегодня ранний подъём ребятам не кажется трудным. Быстро выбегают на зарядку, завтракают — и в путь.

Сначала идём долиной, потом начинается некрутой склон, много полянок, по которым идти не очень трудно. Но вот склон становится круче и круче, дышать становится тяжелее. Замеряем крутизну склона — 30—40°. Ого! Это уже очень круто!

Кажется, прошли немного, а взглянули назад — и лагеря не можем найти. Только после усиленных поисков обнаружили его в виде беленького пятнышка: палатки кажутся меньше спичечной коробки.

Лезем дальше. Вышли на ровную площадку. Отдохнули, одолели ещё один склон. Опять площадка — мокрая, сырая тундра. Отсюда начинается штурм самой вершины. Идём по крупным камням, путь преграждают скалы, которые приходится обходить. Ещё одно усилие — и мы выходим на ровную площадку, окружённую со всех сторон тёмными скалами.

На одной из них стоит вышка — это самая высокая точка массива.

Так вот ты каков, Денежкин камень!

Каменный богатырь встретил нас приветливо. Только дул резкий, пронизывающий до костей холодный ветер.

— Ага, обыскивает,— шутит Игорь.

Все достают тёплые куртки. Внизу, в долине, градусов 25 тепла, а здесь, на вершине, без тёплой одежды очень холодно.

Оделись. Минут десять молча любовались открывшейся панорамой.

Под нами лежат и Олений Рог и высота Рубель, ещё вчера казавшиеся нам недосягаемыми. На северо-западе горизонт замыкают вершины Еловского Увала, на западе стеной тянется главный Уральский хребет, сверкая белыми пятнами снега. Отсюда хорошо видно, что Урал — это не беспорядочное накопление гор, а ясно выраженная горная цепь.

На восток к самому горизонту уходит всхолмленная Западно-Сибирская низменность. И куда ни взглянешь,— везде, там внизу, бесконечное море синей тайги. Она пытается взобраться по склонам гор к их вершинам, рвётся вверх, но нехватает у неё

сил взобраться так высоко, мельчает, разбивается на отдельные кучки и совсем исчезает, выше зеленеет высокогорная тундра, а дальше ещё — серые осыпи камней. Здесь царство скал, мхов и лишайников.

Ясно видны домики Всеволодо-Благодатского, а до него по прямой добрых два десятка километров! А ещё дальше, вправо, виднеется Черёмухово, и совсем у горизонта ярким пятном желтеет Североуральск. Горы, каменные скалы, безбрежная северная тайга, окна озёр и серебряные ленточки рек — как красив, как могуч ты, наш седой Урал.

Урал — это кузница великих строек коммунизма!

Урал — это край огромных богатств, край суровых и сильных людей, вдохновенно строящих коммунистическое общество! И ты только частица нашей великой Родины!

Молча стоят ребята, поражённые могучей красотой уральских просторов.

Но пора возвращаться. Отыскали банку, с записками наших предшественников, вложили в неё свою, собрали образцы горных пород, растительности вершины и стали спускаться.

До свидания, старик Денежкин Камень, до свидания и вы, седые скалы. Мы ещё вернёмся сюда!

КАМЕНЬ УРОЖАЯ

Б. Дижур *Рисунки В. Воловича*

Путь элемента

Если ты держал когда-нибудь в руках кусок обычного серого гранита, то ты знаешь горную породу, содержащую калий. Калий входит в состав кварца, а кварц в состав гранита. Отсюда начинается жизненный путь калия. Здесь он обычно находится по соседству с другим элементом, натрием.

Натрий знаком тебе. Он входит в состав поваренной соли. Калий и натрий похожи друг на друга, как два родных брата-близнеца. Нельзя рассказать о калии, не упоминая о натрии, однако, судьба их различна.

Калий — необходимейший для питания растений элемент. Натрий меньшую роль играет в жизни растения, но значительно бóльшую — в жизни человека. В природе их соли встречаются почти всегда вместе. У них общая колыбель — гранит.

Чтобы проследить дальнейший путь их жизни, отправимся к реке за город. Здесь мы увидим потускневшие гранитные глыбы. Под влиянием солнца, ветра и воды гранит разрушается. Из мелких камешков и галек образуются горы песка и глины. Калий и натрий попадают в глину. Но недолго теперь им осталось быть вместе. Вода растворяет их соединения, и тут их пути расходятся. Соли натрия уйдут вместе с водами в море. А с калием происходит вот что. Небольшая часть калиевых солей успевает вместе с натриевыми уйти в море. А бóльшая часть остаётся в почве и поглощается корешками растений. Однако не всегда всё обстоит так благополучно для растения.

Очень часто в почве бывает мало солей калия. И тогда растение чахнет, голодает, плохо растёт.

И тут на помощь должен придти человек. Есть такие места на земном шаре, где скопилось особенно много разных солей. Среди них имеются и соли калия. Надо их добыть и питать ими растение. Так и делают.

Одно из самых богатых месторождений солей калия находится в нашем Советском Союзе.

На дне Пермского моря

Напрасно ты стал бы искать это море на географических картах. Его давно не существует. Только остатки морских животных да толстые слои соли рассказывают о нём. Эти древние отложения особенно хорошо сохранились около города Молотова. Раньше он назывался Пермью. Вот почему и бывшее море названо Пермским.

Четыреста-пятьсот миллионов лет тому назад оно занимало весь восточный край Европейской части нашей страны. Его заливы уходили далеко на юг. Оно включало в себя нынешнее Каспийское море и тянулось до того места, где теперь расположен город Харьков. На севере доходило до Белого моря, а на востоке граничило с Уральским хребтом.

Учёные полагают, что Пермское море составляло часть океана, который когда-то опоясывал землю.

Пермское море было мелководным. По его берегам образовалось множество озёр, котлованов и морских заливов. Солнце и сухие ветры высушивали их. Вода испарялась, и на дне озёр, котлованов и заливов, как в больших чашах, скапливались самые разные соли. Но климат на земле менялся много раз. Суша снова заливалась морем. Озёра и морские заливы вновь наполнялись водой. А когда вода опять испарялась, дно покрывалось новым слоем соли.

Проходили десятки тысячелетий, и на дне бывшего моря накопились пласты соли толщиной в сотни метров. Наконец море совсем исчезло. И соли оказались похороненными под новыми наслоениями извести, песка, глины.

Здесь были соли натрия, соли калия и многих других химических элементов.

Есть на берегу реки Камы старинный город. Здесь Пермское море оставило особенно много солей. Испокон века город этот славился своими соляными промыслами. Он даже получил название — Соликамск. Подземные ручейки размывают здесь каменные пласты соли и текут в виде густых соляных рек. Люди научились выкачивать из земли по деревянным трубам этот густой соляной рассол и выпаривать его досуха.

Больше всего людей интересовала та соль, которая идёт в пищу: обыкновенная поваренная соль, содержащая натрий. Всё остальное считалось «отбросной солью», мешающей главной добыче.

Соль, очищенная от всяких примесей, получалась мелкая, белая, самого лучшего качества — «пермянка».

Трубы и чаны для выпаривания устанавливались в высоких деревянных постройках, похожих на сторожевые башни средневековых крепостей. Эти постройки назывались варницами.

Крепкие купеческие дома и угрюмые церкви украшали город. А вокруг раскинулись лачуги бедноты. Церквами, домами, варницами и всем краем владели купцы. Они сплавляли соль по Каме на Пермскую и Нижегородскую ярмарки.

Дёшево доставалась купцам соль! Оборудование варниц было допотопное. Оно сохранилось ещё со времени Ивана

Грозного. Рабочие руки были даровыми. И купцы богатели на сокровищах древнего Пермского моря.

Широко по России шла слава о сказочных прибылях солепромышленников: Строгановых, Вилесовых, Лазаревых, Голицыных и Любимовых. Они покупали себе графские и княжеские титулы. Они жили в роскоши и изобилии. А сотни людей вокруг них умирали от непосильного труда в душном воздухе солеварен.

Иногда, правда, и у хозяев случались неудачи. Соль в некоторых скважинах имела красный цвет и горчила. Такую скважину приходилось оставлять и рыть новую.

Однажды техник, работающий на солеварне, сообщил хозяину о том, что городской аптекарь по его просьбе произвёл анализ горькой соли. Оказывается, в ней есть калий.

— Ну и что? — не понял важный купец.

— Так ведь это ценное удобрение... надо бы разведать.

Владелец не стал слушать «болтовню» своего служащего.

— Очень-то надо мне тратиться на разведку! Зачем? Мало, что ли, поваренной соли? Деды мои и отцы на ней богатели, и на мой век хватит.

— Ведь калий — прекрасное удобрение, — пробовал убедить купца осмелевший техник.

Но купец наотрез отказался.

— Ну его, этот калий, он только соль портит! А кому надо, купит германского.

Это было в 1907 году. В то время Германия была единственной страной, добывавшей ценное удобрение, соли калия. Тысячи поездов развозили германский калий по всем государствам мира. Царская Россия тоже покупала у Германии калийное удобрение. Стоило оно очень дорого. В 1910 году Россия заплатила германским торговцам полтора миллиона рублей золотом за несколько десятков тонн калиевой соли. А через пятнадцать лет, на том месте, где техник предполагал «разведать калий», такую разведку провели советские геологи и нашли миллиарды тонн своего отечественного калия.

Об этом надо рассказать особо.

Красный кристаллик

Незадолго до Великой Октябрьской революции соликамские варницы посетил знаменитый русский учёный Николай Семёнович Курнаков. Он с интересом рассматривал чистые белые кристаллы «пермянки». Вдруг среди них мелькнуло что-то красное. Николай Семёнович наклонился и поднял кристаллик бурокрасного цвета.

— Уж не калиевая ли соль? — подумал он. Этот кристаллик напомнил ему германские карналлиты — минералы, содержащие соль калия.

Николай Семёнович Курнаков много лет посвятил поискам калия в родной стране. Царское правительство не отпускало средств на разведку. Оно предпочитало покупать калий в Германии.

В 1914 году, когда началась война с Германией и ввоз в Россию прекратился, стало ясно: без своего калия не обойтись. Но и тут правители России не очень торопились. Геологам приходилось самим изыскивать средства, чтобы разведать недра своей земли.

Николай Семёнович положил кристаллик в карман и увёз его с собой. Через некоторое время он сообщил: красный кристалл содержит калий. Надо срочно разведать соликамские недра!

Дважды в Соликамске заходила речь о калии. Впервые в 1907 году о нём сказал безвестный техник. Второй раз в 1916 году — академик Курнаков. Но разведкой соликамских недр занялись уже при Советской власти. Молодая республика направила экспедицию геологов в далекий Соликамск. Возглавил экспедицию известный советский геолог П. И. Преображенский.

Все, кто знал геолога Преображенского, помнят, какой это был живой, необычайно деятельный и неутомимый человек. Он много ездил по России, и вряд ли в какой стране можно было найти человека, который бы лучше его знал месторождение самых различных ископаемых. Любимым краем Преображенского был Урал. И когда Советское правительство поручило ему руководить разведкой в Соликамске, он был счастлив.

Предстояло пробурить соликамскую землю и установить, действительно ли она содержит калий.

И вот, в этом далёком таёжном краю, под вековыми соснами и мхами, советские геологи отыскали то, зачем их послала родина. По всему левому побережью широкой Камской долины были прорыты разведочные скважины. Здесь, под песком и глиной, лежало несколько цветных слоёв соли. Молочно-белые с розовыми и синими прожилками, красные, оранжевые, жёлтые. Это были минералы: сильвиниты и карналлиты. Они образовались из тех солей калия, которые когда-то вместе с солями натрия ушли в море.

Геологи держали в руках эти яркие камушки и радовались. Ответственное задание было выполнено. Камень урожая найден! Напрасно европейские учёные убеждали мир в том, что карналлиты образуются в каких-то совсем особых условиях, напрасно они утверждали, что всякие поиски солей калия бесплодны.

Всё это вздор! Богатые недра российской земли хранят в себе всё, что нужно для процветания нашей родины. А необходимый нашим полям камень урожая лежит в соликамской земле в огромных, неисчерпаемых запасах.

Пусть европейские учёные говорят, что им угодно. Исследования показывают: такого мощного месторождения калиевых солей ещё не находили нигде! Самая большая толщина европейских калийных солей — сорок метров. Соликамских — сто. Самый большой процент калия в европейских солях — двенадцать. В соликамских — тридцать пять.

Красные кристаллы соликамского карналлита, богатые калием, не случайно названы камнем урожая. Калий — один из тех элементов, без которых растение не может существовать. Без калия растение не накопит достаточного количества питательных веществ. Поэтому у растений, которым не давали нужного количества калиевых солей, зерно бывает щуплым, крахмала в них очень мало.

Если растение испытывает недостаток в калии, оно не в силах сопротивляться заразным болезням, плохо переносит засуху и морозы, испаряет больше воды, делается вялым, менее сочным.

Соединения калия необходимы и животному и человеку. Они помогают работе мозга, печени и особенно сердца.

Все эти важнейшие качества калия заставляют земледельцев и учёных заботиться о том, чтобы наши хлеба, овощи, фрукты

были богаты калиевыми соединениями. Почву, бедную калием, приходится удобрять.

Вот почему так радовались советские люди открытию калийных залежей в Соликамске.

Молодая республика получила богатейший подарок. Геологи сосчитали, что соликамского калия всему человечеству хватит больше чем на тысячу лет! Запасы всех месторождений калия на всём земном шаре в шесть раз меньше одного соликамского.

Теперь оставалось построить шахты и извлекать из недр земли её тайные сокровища.

Под землёй

Кто не читал чудесных сказов замечательного уральца Павла Петровича Бажова! Когда ты спустишься в соликамскую шахту, тебе покажется, что ты очутился в царстве Хозяйки горы.

Представь себе целый ряд огромных комнат. Стены подземных комнат сверкают, словно они украшены драгоценными камнями. Синие, оранжевые, яркокрасные, бурые кристаллы блестят и переливаются. Из них составляется прихотливый узор, то широкий во всю стену, то тянущийся узенькой пёстрой полоской. Всюду чистота и блеск. Из одной комнаты в другую ведут такие же светлые и чистые коридоры. А вдоль всех этих сказочных комнат и коридоров проложены рельсы. По ним мчатся электровозы. Они везут вагоны с ценными калийными солями.

На быстром электровозе можно прямо из соляной шахты проехать в цеха химических заводов. Здесь делаются краски и лекарства, сода и кислоты, вещества, необходимые для очистки воды, для беления тканей, для обработки кожи.

Но больше всего на этих заводах заняты изготовлением калийных удобрений. Камень урожая, добытый из соликамской земли, очищается от примесей и развозится по всему Советскому Союзу. Так теперь. Но путь к цветным калиевым солям был нелёгок. Пришлось немало потрудиться и поразмыслить, прежде чем начать рубить шахты.

Соли лежали в земле, окружённые особой гипсовой глиной, которая не пропускает воду. Только благодаря этой естественной защите драгоценные пласты могли так долго храниться в земле. Иначе их бы размыло подземными ручьями.

У первых проходчиков шахты возникло серьёзное опасение: не допустить воду к соляным пластам.

Пришлось особыми растворами в течение нескольких месяцев промораживать землю, а потом пробивать в ней глубокий колодец. Внутри колодца стояла настоящая зимняя стужа. Но проходчики радовались. Они перехитрили природу!

Всё глубже и глубже уходил колодец. Наконец, он достиг калийных пластов. Теперь необходимо было его укрепить. Для этого приготовили огромную чугунную трубу. Она состояла из отдельных колец, но их скрепили так плотно, что получилась непроницаемая стена. Доступ воды к солям был закрыт. Можно было спокойно вырубать коридоры в соляных пластах.

Соляную породу рвали динамитом. Врезались в неё коридорами. Шаг за шагом отвоёвывали у природы её подземные клады. А на поверхности строились заводы, электростанции, клубы, дома, библиотеки, детские сады...

Средневековые варницы и убогие лачуги были сметены с лица земли. На их месте возникали просторные, светлые здания. Там, где ещё недавно бродили лесные звери, вырос крупнейший в мире центр калийной промышленности.

ПЕРНАТЫЕ ДРУЗЬЯ

В. Батманов

Всё заметнее прибывает день. Выше ходит солнышко, сильнее греют его лучи землю. Не выдержала зима: потекли водой надоевшие снега.

Спешат юные натуралисты: со дня на день нагрянут гости с юга. Надо торопиться с изготовлением скворечников, мухоловочников, дуплянок.

Незаметно подходит первый весенний праздник — День птиц. Высыпают юннаты со своими изделиями на улицу. Выбирают места, развешивают домики, проверяют прочность прикрепления. Наконец всё готово. «Милости просим на новоселье, дорогие пи-

чужки!» С ощущением исполненного долга расходятся ребята по домам.

Исполненного? Друг птиц, твои заботы только начинаются. Вспомни весну 1952 года. Прилёт птиц начался поздно: 14 апреля появились первые немногочисленные скворцы. И только к концу апреля скворцы кишели всюду. Пошли беспрестанные ссоры из-за скворечников. В поисках места для гнезда скворцы вышвыривали воробьёв даже из их коренных жилищ: из-за дверных и оконных наличников. Одним словом, наблюдалось скворечье засилие.

Снег повалил с утра 8 мая. К вечеру всё побелело, кое-где лежали небольшие сугробы. 9 мая ездили на санях. Температура воздуха снизилась до 10° мороза.

Тяжело отозвалось на прилётных птицах «отзимье». Голодные, обессилевшие жаворонки, зяблики сидели на дорогах, спрятав головы под крылья. Их можно было собирать без сопротивления с их стороны. Лесные птицы дрозды появились на улицах, тщетно отыскивая корм. Каменки делались лёгкой добычей кошек и собак. В скворечниках находили замерзших скворцов.

Страшный урон нанёс птицам поздний снегопад. Утром 16 мая я проходил по соседней деревне. Ещё недавно (до «отзимья») улицы её оживляли сотни скворцов, хлопотавших около гнёзд и распевавших свои песни. Только 15 штук насчитал я в это утро: остальные погибли.

Дорогой читатель, чем помог ты птицам в эти тяжёлые дни?

Чтобы помочь птицам, нужно знать, отчего они погибли. Ответ будто бы ясен: птицы замерзли. Но разве минус 10° большой мороз? Как же зимой воробьи, чечётки, синицы летают и скачут при —30 —35° мороза и не замерзают? Да и скворцы. Ежегодно они прилетают в начале весны, когда небольшие морозы нередки, но скворцы не погибают.

Тепла кровь птиц: смертельная для человека температура тела +42° нормальна для большинства пернатых. Плотный покров из пуха и перьев защищает их тело от потери тепла. Но на полёт, скакание по веткам, земле тратится много сил. Чтобы восстановить силы, чтобы поддерживать высокую температуру тела, птица должна много есть.

Особенно много едят мелкие насекомоядные птицы. Королёк — самая крошечная в наших лесах птичка. Весит он всего 5,5—6 граммов, а за сутки может съесть до 4 граммов насекомых, то есть немного меньше веса своего тела. Прикиньте, сколько килограммов хлеба, овощей пришлось бы вам съедать за день, чтобы сравняться с корольком.

Чем холоднее, тем больше и чаще должны есть птицы. А после снегопада птицам, кормящимся на земле, отыскивать пищу трудно. Всё покрыл снег, отрезал их от запасов корма. Голод, а не холод, убивает птиц во время снежного весеннего «отзимья». Сытая птица не замёрзнет. Спасти птиц — значит накормить их.

Королёк.

Кое-где (при школах, отдельными лицами) в 1952 году оказывалась помощь птицам. Замерзающих пичуг собирали, кормили и выпускали на волю. Кое-где, но не везде. А ведь кружкам юннатов было вполне под силу быстро организовать это дело. расчистить кормёжные площадки, отыскать корм (много ли его и нужно!), устроить спасение замерзающих птиц.

Настроили птицы гнёздышек, отложили яйца. Кончились ли твои заботы, друг птиц? А сколько этих гнёзд будет разорено хищными птицами и зверями. И ребятишками. Ради озорства.

Охрана промысловых птиц: уток, глухарей, рябчиков — дело нужное. Больше сохранится выводков, лучше будет охота. А этой мелюзги, пичужек, такая масса всюду. Стоит ли поднимать шум из-за нескольких десятков разорённых гнёздышек.

Дорогой друг! Возьми весенние номера «Уральского рабочего». Разыщи постановление о сроках охоты. Там ты найдёшь запрещение стрелять мелких птиц, разорять их гнёзда. Советский закон защищает мелких птиц. Советский закон карает за разорение их гнезд. А разве проведение в жизнь закона — мелочь?

Почему закон защищает птиц?

Заглянем весной в огород. По грядам бегают скворцы, деловито осматриваясь кругом. Один подскочил и ухватил что-то с ботвы, а другой перевернул опавший лист и шарит клювом в зем-

ле. Много нужно собрать корма для 5—6 постоянно кричащих раскрытых ртов. Несколько сот раз за день подлетит скворец с полным клювом насекомых к скворечнику. Он собрал их с листьев огородных растений, отыскал около их корешков.

Напротив моего окна—поле. Только загудит трактор, грачи тут как тут. Привыкли к тракторам. Знают, что шум обещает поживу. Идёт трактор, переворачивает пласты земли, а грачи вслед за ним перелетают, чуть на плуг не садятся, торопятся собрать не успевших уползти червей. Сколько вредных насекомых они уничтожат, трудно учесть. Есть, например, очень вредный червь проволочник — личинка жука-щелкуна. Если в картофелине сквозные дыры — это его работа. Проволочники объедают корни у многих культурных растений; борьба с этим вредителем нелегка. Их-то массами уничтожают грачи. Стая грачей за сутки очищает от этого вредителя до шести гектаров.

Побываем зимой в лесу. Тихо в нём. Но жизнь не замерла. Чу, слышится тихий посвист синичек-чаек. Тщательно осматривают они каждую ветку, сучок, кору деревьев, ищут, нет ли где личинки, куколки, отложенных яичек. До двух тысяч веток осмотрит за сутки синица. Подсчитывали, что одна синица за год уничтожает до шести с половиной миллионов яичек насекомых.

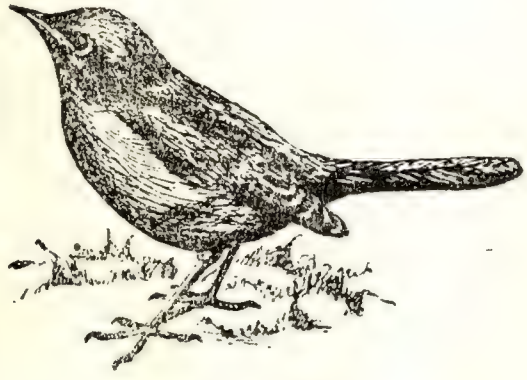
Вот каковы наши помощники. Таких примеров можно привести много.

Попробуйте-ка сами очистить листья огородных растений от личинок и гусениц, найти проволочника, отыскать кладку яичек на ветвях деревьев. Сколько времени вы затратите? Да любой скворец или синица обгонит вас. У птиц глаз очень зорок. Едва заметной точкой в небе кажется огромный орёл, но с этой высоты он видит шевелящегося на земле зайца. Мелкие птицы скорее вашего разыщут малюсенькие яйца и чуть заметных молодых личинок насекомых. Конечно, птицы не думают помогать нам. Они просто ищут корм для себя и своих детей. Тем не менее они оказывают нам большую и совершенно бесплатную услугу.

Человек может бороться с вредными насекомыми и сам. Но это стоит денег и на это нужно затратить труд. К тому же борьба обычно начинается тогда, когда вред становится явным. Птицы

уничтожают вредных насекомых большей частью в яичках или в виде молоденьких личинок, не успевших ещё нанести заметного вреда. Годы массовой гибели птиц — годы массового размножения насекомых. Сотни миллионов рублей ежегодно экономят птицы для нашего государства. Учёные подсчитали, что если взять весь доход от промысловых птиц нашей страны, то есть стоимость всего мяса, пера, пуха, яиц, то он будет значительно меньше стоимости урожая полей, лесов, огородов и садов, спасённого птицами от вредителей.

Щегол.



Соловей.

Вот почему закон охраняет полезных птиц. А вредных птиц очень мало. Запомни же, каждое спасённое тобой от разорения гнездо — вклад в повышение урожайности нашего сельского и лесного хозяйства.

Мы заботимся о птицах не только из-за их полезности. Птицы — одно из лучших украшений природы.

Видели ли вы щегла? Какое красивое сочетание белого и чёрного, красного и жёлтого в его оперении. Как живые цветы, оживляют зимний пейзаж стайки щеглят. Красивых птиц немало. Даже у сороки переливающиеся зелёным металлическим отливом чёрные перья очень хороши. Но славятся птицы не только красотой.

Слышали ли вы соловья? «Когда наступает ночь, когда луна начинает свою волшебную игру с листьями и цветами, когда ни

одно движение воздуха не нарушает тишины ночи, и соловей поёт, тогда всякое человеческое сердце вполне покоряется власти, которую имеет поэзия над самыми грубыми душами»,— так пишет Брем[1] о пении соловья. С трудом верится, когда видишь и слышишь соловья вблизи (около гнезда), что эти чудные, могучие звуки вылетают из груди сравнительно небольшой, скромно окрашенной птички.

Соловьи пока у нас редки. Но, и кроме них, среди птиц немало хороших певцов. Разве плохо звенит жаворонок в голубом весеннем небе, разве не богаты мелодичными звуками песни славок, пеночек. Одна беда, чтобы слушать их, надо идти в лес, в поле, а в городе птиц мало и чаще всего — одни воробьи. А жаль. Многие из лесных птиц были бы гораздо полезнее для городских садов, чем воробьи, и, конечно, приятнее их.

О широких преобразованиях природы в нашей стране вы, несомненно, слышали. Мичуринские сады яблонь и вишен далеко продвинулись на север. Климат обширных пространств, равных по величине многим европейским государствам, изменяется в нужную для человека сторону. Реки текут вспять. Обильная вода приходит в пустыни, сожжённые солнцем. В этой работе можете принять участие и вы, друзья птиц. Цель наша не только любоваться природой и стараться сохранить её, но и переделать в лучшую сторону.

Изменить птичье население городов, сделать его более разнообразным и обильным, заселить сады, улицы теми видами птиц, которых мы желаем постоянно видеть и слышать,— задача вполне разрешимая. Конечно, нельзя сказать, что она легка. Но разве легко развести яблоневый сад на севере? Сколько труда и знаний нужно вложить в это дело, чтобы добиться своего. Так и за обогащение птичьего населения города, если приниматься, то нужно браться всерьёз и упорно добиваться цели.

Наш рассказ начался со Дня птиц. Изготовление домиков для птиц — дело хорошее, но ограничиваться им нельзя. Только немногие виды птиц удовольствуются такой помощью.

---

[1] Брем — немецкий зоолог XIX века, написал книгу «Жизнь животных».

К тому же, очень часто домики заселяются не теми птицами, каких вам хотелось бы развести.

Что же нужно делать? Коротко трудно об этом рассказать, многое зависит от того, каких птиц вы хотите развести. У каждого вида птиц свои требования и к месту для гнезда, и к корму, и к общей окружающей обстановке. Но несколько советов всё же дать можно.

Прежде всего следует позаботиться о том, чтобы на вашем участке (сад, бульвар, сквер) были удобные места для гнёзд, защищенные от кошек и собак. Частично эту работу вы проводите в День птиц. Частично потому, что в развешанных домиках поселятся лишь немногие виды птиц. Для других нужно создать подходящие условия: посадить густые кустарники, преимущественно колючие и с обильной листвой; оставлять нетронутыми поляны с густой травянистой растительностью.

Скворец.

Некоторые птицы собирают корм для птенцов, отлетая от гнезда на значительное расстояние, измеряемое, например у стрижей, десятками километров. Скворцы отыскивают пищу на полях и огородах, расположенных в сотнях метров от гнезда

Но большинство мелких птиц ищет корм недалеко от гнезда. Частые и долгие отлучки у них ведут к гибели выводка. Эти птицы (соловьи, пеночки, славки и другие) будут гнездиться только в том случае, если корм для себя и своих детей они найдут в достаточном количестве на вашем участке. Кроме того, одни птицы привыкли кормиться на земле; обилие пищи на деревьях не привлечёт их на участок. Другие, наоборот, почти всё время проводят на вершинах деревьев и на землю спускаются неохотно. Чем обильнее и разнообразнее запасы корма на участке, тем больше пар птиц поселится у вас. Всё это нужно учесть и сообразить заранее для того, чтобы знать: чем можно помочь птицам, как и когда обеспечить их достаточным количеством корма.

Для удержания птиц на определённой территории хорошие результаты даёт систематическая подкормка. Для синиц её нуж-

но начинать зимой. Если есть подходящие места для гнёзд (дуплянки, синичники), синицы охотно останутся на участке и на время гнездования.

Но, обеспечив птиц гнёздами и кормом, вы всё же часто будете разочарованы: намеченные виды птиц не будут гнездиться или поселятся не скоро.

На зиму многие птицы улетают далеко, за тысячи километров. Весной они возвращаются обратно туда, где они вылупились из яйца и росли птенцами. Инстинкт «возвращения на родину» очень силён у большинства мелких птиц. А пределы «родины» ограничены: небольшой луг, поле, участок леса, часто даже дерево или куст. Прилетев на родину, птицы поселяются в её пределах.

И только «неудачники», которым нехватило места, отправляются искать удобных мест на стороне. Но этих «странников» можно прождать долгое время. Чтобы скоро и устойчиво заселить намеченную территорию каким-нибудь видом птиц, нужно создать для него на этой территории «родину». Первые птицы должны быть выкормлены на ней или около неё.

Казалось бы, что воспитанием первых птиц могли бы заняться юннаты дома или в школьных кружках. Но есть одно серьёзное препятствие. Дикая птица всё время настороже: опасности грозят ей со всех сторон. Ручная птица отвыкает бояться и лёгко делается добычей хищников, да и, привыкая получать ежедневно готовый корм, на воле не сразу отыскивает пищу в достаточном количестве и часто погибает от голода.

Есть один выход из положения. В городе больше всего воробьев. Они часто захватывают домики, развешанные для других птиц. Где много воробьев, трудно разводить других, более слабых, птиц. Можно зорить гнёзда воробьев, чтобы уменьшить их численность. Но можно поступить и иначе. Интересные опыты были поставлены советскими учёными. В воробьиные гнезда подкладывались яйца других птиц взамен воробьиных. И воробьи оказались хорошими воспитателями. Они высиживали и выкармливали приёмышей. Так без разорения гнёзд воробьи сами готовили себе смену и смену диких птиц, приспособленных к жизни на воле.

На этом закончу рассказ. Если у вас, друзья птиц, возникнет желание заняться заселением своего города птицами, отнеситесь к делу серьёзно, посоветуйтесь со взрослыми: учителем, руководителем кружка. Иначе можно легко погубить птичьи выводки, а птиц не развести.

Прочитайте книги о жизни птиц. В них найдёте ценные указания. Во многом вам помогут собственные наблюдения, опыт и смекалка.

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1868
28
МАРТ

28 марта 1953 года исполнилось 85 лет со дня рождения Максима Горького, одного из величайших русских писателей, основоположника советской литературы.

Максим Горький (настоящее имя — Алексей Максимович Пешков) родился в 1868 году в гор. Нижнем Новгороде (ныне гор. Горький). Оставшись сиротой после смерти родителей, он воспитывался у деда, разорившегося владельца красильной мастерской.

В школе Алёша учился на «отлично», но, окончив первый класс, был вынужден уйти из училища. Надо было помогать деду и бабушке, самому зарабатывать себе на пропитание. Будущий писатель собирал на свалках старьё, исполнял обязанности няньки и прислуги в мастерской чертёжника, работал «мальчиком» в обувном магазине, младшим посудником на пароходе. Всюду он видел, как богачи угнетают и обманывают трудовой народ, заставляют его работать за ничтожную плату, а сами бездельничают и «скуки ради» издеваются над людьми. Впоследствии в одной из своих статей Горький писал: «... я с детства видел бессмысленную жестокость и непонятную мне вражду людей, был поражён тяжестью труда одних и животным благополучием других...» Обо всём этом писатель рассказал в своих замечательных повестях «Детство», «В людях» и «Мои университеты».

Единственной радостью Алёши в эти годы было чтение. С большим трудом доставая книги, он читал, главным образом, ночами. Книги возбудили в мальчике страстную жажду знаний, стремление учиться во что бы то ни стало. Горький переезжает из Нижнего Новгорода в Казань, намереваясь подготовиться и поступить в университет. Однако осуществить это желание не удалось. Будущий писатель оказался один в чужом городе без всяких средств к существованию. А для того, чтобы учиться, приобретать необходимые книги, надо было много денег. Вместо учёбы в университете Горькому приходится зарабатывать себе на жизнь пилкой дров, перетаскиванием грузов на пристани, работой в булочной. Однако этот невероятно тяжёлый труд мог обеспечить только полуголодное существование. Мечты об учёбе пришлось оставить. В эти годы молодой Горький впервые знакомится с революционерами—людьми, которые стремились свергнуть гнёт помещиков и капиталистов, установить свободную и счастливую жизнь для всего народа.

Позднее Горький в течение нескольких лет странствует по России. Он побывал на Украине, на Кубани, в Закавказье и везде видел одно и то же. Рабочие и крестьяне из последних сил трудились для того, чтобы их угнетатели — царь, капита-

листы и помещики —могли вести праздную, разгульную жизнь.

В 1892 году был напечатан первый рассказ Горького «Макар Чудра». Писатель страстно желал народу лучшей жизни, но как этого добиться, ещё не знал. В своих первых рассказах он рисовал смелых, благородных людей, сказочных героев, которые готовы без колебаний отдать жизнь для того, чтобы помочь народу найти путь к освобождению.

Только позднее, познакомившись с революционерами, последователями В. И. Ленина, Горький понял, что освободить трудящихся от угнетения можно только путём революции, которая должна смести власть царя и помещиков и установить власть народа.

«Пусть сильнее грянет буря!»,— писал Горький в своей «Песне о Буревестнике», предсказывая наступающую революцию.

В романе «Мать», в пьесах «Мещане» и «Враги» Горький первым из русских писателей изобразил большевиков — учеников В. И. Ленина и И. В. Сталина. Эти люди не просто мечтают о лучшем будущем для народа, но героически борются за это будущее с капиталистами и царской полицией. Владимир Ильич Ленин особенно высоко ценил роман «Мать».

Горький принимает деятельное участие в революции 1905 года. После расстрела рабочих царскими войсками 9 января 1905 года он написал воззвание, в котором призывал «всех граждан России к немедленной, упорной и дружной борьбе с самодержавием».

Царское правительство арестовало писателя, но вскоре по требованию народа было вынуждено освободить его.

В 1906 году Горький по заданию партии ездил в Соединенные Штаты Америки, которые тогда считались самой богатой и передовой страной. В Нью Йорке, главном городе страны, он видит рядом с роскошными дворцами богачей ужасающие трущобы, в которых живут рабочие, часто не имеющие денег, чтобы накормить своих детей. И голодные дети вместо того, чтобы играть и веселиться «...жадно ищут... загнившие овощи и пожирают их вместе с плесенью тут же, в едкой пыли и духоте.

Когда они находят корку загнившего хлеба, она возбуждает среди них дикую вражду; охваченные желанием проглотить её, они дерутся, как маленькие собачонки».

Возвратиться в Россию Горький не мог, так как ему снова угрожал арест. Пришлось поселиться в Италии, на острове Капри. Но и живя вдалеке от Родины, писатель не порывает связи с ней. В эти годы он написал много замечательных произведений и, в частности, книгу «Сказки об Италии». Одна из этих сказок — «Пепе» хорошо известна советским ребятам.

В 1917 году в нашей стране победила Великая Октябрьская социалистическая революция. Рабочие и крестьяне под руководством коммунистической партии навсегда изгнали из нашей страны капиталистов и помещиков. Горький в эти годы был одним из близких помощников великих вождей нашего народа — В. И. Ленина и И. В. Сталина. В стране ещё шла гражданская война, а Горький развернул кипучую деятельность по изданию книг, по воспитанию молодых писателей.

Когда Алексею Максимовичу пришлось выехать за границу для лечения, он и там продолжал упорно работать над новыми произведениями. Тяжело переживая оторванность от родной страны, он находил утешение в письмах, которых получал тысячи. Горькому писали все — учёные, педагоги, начинающие писатели, пионеры и школьники.

На каждое письмо Алексей Максимович отвечал лично. Сам пережив тяжёлое безрадостное детство, он очень любил детей и хотел, чтобы они выросли полезными гражданами нашей великой Родины. «Учиться много, серьёзно, честно», — писал Горький детям заполярного города Игарки. Со многими ребятами у Алексея Максимовича была постоянная переписка. Когда пионеры Игарки решили коллективно создать книгу о своём родном городе, они обратились за советом к Горькому, и он помог ребятам составить план книги. Иркутские пионеры прислали Алексею Максимовичу свою книгу «База курносых». Он ответил ребятам тёплым, дружеским письмом.

Горький всегда заботился о том, чтобы дети имели много интересных и полезных книг на самые разнообразные темы: о

происхождении земли, о борьбе человека с природой, о технике будущего и т. д. Многие детские писатели начинали свою литературную деятельность под руководством Горького. Все ребята хорошо знают и любят стихи С. Я. Маршака, но мало кому известно, что Маршак стал писателем благодаря постоянной дружеской поддержке со стороны А. М. Горького.

Многие выступления Горького посвящены делу защиты мира, направлены против капиталистов, ещё при жизни Горького готовивших вторую мировую войну. За два месяца до смерти великий писатель заклеймил фашизм, как «организацию отбора наиболее гнусных мерзавцев и подлецов для порабощения всех остальных людей».

И. В. Сталин писал Горькому в связи с сорокалетием его литературной деятельности:

«От души приветствую Вас и крепко жму руку. Желаю долгих лет жизни и работы на радость всем трудящимся, на страх врагам».

Неустанная деятельность Горького на благо трудящихся вызывала звериную злобу и страх у врагов советского народа. Предатели, агенты иностранных разведок, стремясь ослабить советское государство, совершили гнуснейшее преступление, убили гениального русского писателя, великого друга всех трудящихся.

Нет такого уголка на земном шаре, где не было бы известно имя Горького. Его произведения, переведённые на все языки мира, учат трудящихся бороться против капиталистов, за лучшее будущее человечества.

Нам, советским людям, книги Горького рассказывают правду о капиталистическом строе, учат нас ещё больше ненавидеть капиталистов, ещё больше ценить нашу прекрасную, счастливую жизнь.

Советский школьник! Пионер! Советская власть дала тебе возможность учиться. Ты можешь стать, кем захочешь,— инженером, исследователем Арктики, лётчиком, врачом, учителем.

О твоём счастливом детстве заботится Коммунистическая партия.

Но всегда ли ты используешь всё, что тебе дано? Нет ли в твоём классе, в твоём пионерском отряде ребят, которые плохо готовят уроки, иногда не прочь списать задание у товарища?

Если ты ещё не читал книг Горького «Детство» и «В людях», прочти их. Ты узнаешь, как тяжело жилось твоим сверстникам до революции, как трудно было им учиться в школе, достать книг, которых ты теперь сколько угодно можешь найти в детских библиотеках. Прочтя эти книги, ты поймёшь, что и ты и твои товарищи обязаны учиться только на «хорошо» и «отлично» для того, чтобы получить как можно больше знаний, стать специалистами своего дела, строителями коммунистического общества.

ВЕЛИКИЙ ДРАМАТУРГ

1823
12
АПРЕЛЬ

14 февраля 1847 года в квартире профессора Московского университета С. П. Шевырёва собрался кружок любителей литературы. Здесь были почти все члены редакции издававшегося в то время журнала «Москвитянин». Молодой человек, чиновник Коммерческого суда читал свою первую пьесу «Картина семейного счастья». Окончив чтение, он с волнением ожидал отзывов, боясь поднять глаза на своих слушателей. Хозяин дома подошёл к молодому человеку и, пожав ему руку, сказал: «Поздравляю вас драматическим писателем».

С этого дня молодой Островский поверил в то, что может стать настоящим писателем.

Александр Николаевич Островский родился 12 апреля 1823 года в Москве, в Замоскворечье. Отец его был чиновником, а в 1841 году вышел в отставку и стал «ходатаем по делам».

Александру Николаевичу было восемь лет, когда умерла его мать. До 12 лет мальчик обучался дома и усердно пользовался большой библиотекой отца. Затем он был отдан в Московскую первую гимназию. В 1840 году Островский поступил

на юридическое отделение Московского университета. Такова была воля отца. Юноша же больше всего на свете любил театр и посещал его гораздо чаще и с большим удовольствием, чем университет.

Московский театр, пьесы Грибоедова и Гоголя, гениальная игра артистов Мочалова и Щепкина, статьи великого русского критика Белинского о театре и пьесах — вот что побудило юношу Островского начать писать для театра.

Ободрённый успехом и отзывами, полученными о первой пьесе, прочитанной в доме профессора Шевырёва, он начал работать над большой комедией в 4-х действиях — «Банкрот».

К этому времени начинающий драматург уже оставил университет, не закончив его, и поступил по рекомендации отца «канцелярским служителем» в Московский Совестный суд. Суд этот занимался тем, что разбирал различные споры, возникавшие из-за имущества в московских семьях, чаще всего купеческих. Вот где представилась Островскому прекрасная возможность изучить быт и нравы различных слоёв московского населения! Вот почему он смог нарисовать такую яркую и правдивую картину купеческого самодурства и хищничества. Недаром цензор писал в рапорте о пьесе «Банкрот» управляющему политической полицией генералу Дубельту: «Все действующие лица: купец, его дочь, стряпчий, прикащик и сваха — отъявленные мерзавцы... вся пьеса — обида для русского купечества». Генерал в тот же день наложил на этом рапорте резолюцию: «Запрещается».

Но пьеса, ещё не появившись в печати, стала крупным литературно-общественным событием. Рукопись читали по всей Москве, а когда вышел номер журнала «Московитянин» с комедией — она теперь называлась «Свои люди — сочтёмся»,— то страницы журнала зачитывались до дыр. В читальнях часами дожидались очереди, чтобы хотя бы бегло пролистать пьесу.

Пьесу обсуждали как новое, замечательное произведение русской литературы. Её автора ставили рядом с Фонвизиным, Грибоедовым и Гоголем. Всем своим дальнейшим творчеством Александр Николаевич Островский показал, что заслужил такую высокую оценку.

Вслед за первыми пьесами появляются «Бедная невеста», «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок». Успех комедий Островского у зрителя и читателя был огромным.

Кого бы ни выводил на сцену драматург — купечество ли, чиновников ли, дворян ли,— основная мысль всех его произведений была одна: автор возмущался существующим порядком вещей и «предавал на позор то самое общество, которое живёт в этом порядке». В комедии «Доходное место» Островский разоблачил чиновничью кривду царских «судебных мест» и «департаментов». Л. Н. Толстой писал об этой пьесе: «теперь сказано последнее и настоящее слово против современного быта».

Лучшая пора деятельности Островского проходила в союзе с такими великими русскими писателями, как Некрасов, Чернышевский, Добролюбов, Салтыков. Добролюбов так определил общественно-политическое значение комедий Островского: великий драматург через головы цензоров с такой правдой и силой обличения показал злое «тёмное царство» царской России, что его изображение не может не порождать «стремлений, требующих лучшего устройства», то есть революционных стремлений.

В 1859 году была опубликована драма «Гроза», по поводу которой Добролюбов написал знаменитую статью «Луч света в тёмном царстве». На фоне величавой картины вольной красавицы Волги писатель рисует ничтожную жизнь обывателей города, жестокие нравы, самодурство и гнёт Диких и Кабаних, от которых стонут не только домашние, но и весь город.

«Лучом света в тёмном царстве» назвал Добролюбов Катерину, героиню драмы Островского. Катерина — это русский, сильный характер, для которого лучше смерть, чем жизнь под гнётом ненавистных ей условий.

Драма «Гроза» была единодушно признана лучшим произведением Островского.

После этой пьесы Островским был создан ряд замечательных произведений, раскрывших его талант с новых сторон: «Шутники», «На бойком месте», «Бесприданница», «Женитьба Бальзаминова», «На всякого мудреца довольно простоты»,

«Бешеные деньги», «Лес», «Волки и овцы», «Таланты и поклонники» и много других.

Показывая в своих пьесах разложение дворянства и кичливое «возрождение» буржуазии, Островский с особой любовью останавливается на тех выходцах из народной трудовой среды, на тех новых людях, которые решительно поднимаются против самодурства и самоуправства богатых.

И драматург горячо верил в то, что новая, молодая жизнь, идущая на смену старой, сломит тёмную силу Диких и Кабаних.

Трудно переоценить ту роль, которую сыграл Островский в деле развития русского театра. Сорок восемь его пьес составили «целый народный театр». Островский в своих комедиях и драмах был летописцем целого полувека русской жизни, давая верную картину борьбы классов, смены жизненных укладов, появление новой, трудовой разночинной интеллигенции.

Добролюбов назвал пьесы Островского «пьесами жизни». И это было действительно так. На сцене театра, где долгое время шли только переводные пьесы европейских драматургов, «впервые появилась героиня в ситцевом платье и гладкой причёске: до тех пор кисея, шёлк и французская причёска были обязательными принадлежностями главных ролей», послышался живой язык русского народа.

Почти сорок лет драматург был тесно связан с Московским Малым театром — старейшим из русских театров.

Все пьесы игрались прежде всего актёрами этого театра и писались для них. Артисты Малого театра поняли, что произведения Островского — это творения народного драматурга, который тесно связан с лучшими устремлениями своего народа, дорожит его славным историческим прошлым и глубоко верит в его светлое будущее. Малый театр заслуженно получил историческое прозвание «Дом Островского».

Произведения Островского ещё при жизни нашли дорогу к народному читателю и зрителю.

Великая Октябрьская социалистическая революция широко раздвинула стены театров и впустила туда ту публику, о которой мечтал и для которой писал Островский. В театре по-

явился народный зритель, который принял и понял Островского лучше, глубже и правильнее, чем его современники. В СССР нет такого театра, который не ставил бы пьес Островского. Они шли во всех фронтовых театрах в годы Великой Отечественной войны.

«Состав труппы фронтового филиала является участником славной битвы за Севастополь, ибо штурмовики и истребители, получившие большой духовный отдых от истинно русских пьес Островского, ...дрались с большим мужеством и упрямством»,— так писали защитники Севастополя.

В своё время Островский писал:

«История оставила название великих и гениальных только за теми писателями, которые умели писать для всего народа, и только те произведения пережили века, которые были истинно народными у себя дома; такие произведения со временем делаются понятными и ценными и для других народов, а наконец и для всего света».

Сегодня мы можем сказать, что в этих словах Островский изобразил свою собственную судьбу — судьбу русского национального и мирового драматурга.

ОТВАЖНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

1888
14
АПРЕЛЬ

20 сентября 1871 года корвет[1] «Витязь» бросил якорь в заливе Астролябия, у северо-восточного берега Новой Гвинеи. От «Витязя» отчалила шлюпка. В ней находились три человека.

«Капитан парохода перегнулся через борт и, щурясь от солнца, смотрел на них.

— Николай Николаевич, — крикнул он, — захватили бы ещё людей! Кто их там знает, папуасов этих. Видите, сколько их на берегу. Ещё случится что-нибудь.

---

[1] Корвет — трёхмачтовый военный корабль.

Человек в белой шляпе, один из трёх, поднял лицо. Из-под чёрных усов блеснули белые зубы. Он улыбался.

— Не бойтесь, капитан. Ничего со мной не случится».

Тревога капитана не была напрасной. На берег залива Астролябия ещё не ступала нога европейца. А Миклухо-Маклай решил остаться среди «кровожадных» папуасов один с двумя слугами...

Через год после того, как Маклай был высажен в Новой Гвинее, в Европу дошли слухи о том, что он погиб. На поиски его выслали клипер [1] «Изумруд».

Когда «Изумруд» вошёл в бухту Астролябии, все с волнением направили свои взоры на берег с одной мыслью: «Жив или мёртв?». Среди ветвей громадных деревьев увидели русский флаг...

От берега отделилась лодка. «Изумруд» с напряжением следил за ней.

И когда лодка приблизилась к клиперу, русское «ура» огласило воды залива. Среди мирно гребущих папуасов стоял Николай Николаевич.

Папуасы не только не убили Маклая, они просили его остаться с ними.

Кто же был этот необыкновенный человек? Что привело его на Новую Гвинею?

Николай Николаевич Миклухо-Маклай родился 17 июля 1846 года в селе Рождественском, Новгородской губернии, в семье инженера-путейца.

Отец умер, когда мальчику было одиннадцать лет, и семья осталась на попечении матери.

Миклухо-Маклай сначала учился в гимназии, потом в Петербургском университете, но был из него исключён за близость к народовольцам. Маклаю запретили поступать в русские высшие учебные заведения. Чтобы окончить образование, он был вынужден ехать за границу. За границей Маклай изучает зоологию, а в 1868 году совершает путешествие на Канарские острова для зоологических исследований.

---

[1] Клипер — быстроходное трёхмачтовое парусное судно.

В 1869 году с этой же целью посещает берега Красного моря.

В это время он увлекается науками о человеке: антропологией и этнографией. В 60 и 70-х годах XIX века среди учёных шёл спор о том, одинаковы или нет белые и чёрные расы. Одни учёные говорили, что белые и чёрные произошли от одного человеческого вида и равны, другие — что белые — это «высшая» раса, а чёрные — «низшая», что они произошли от разных видов.

Николай Николаевич решил доказать, что чёрные и белые — совершенно одинаковые люди. И он поехал на Новую Гвинею, где жили племена чернокожих, не тронутые цивилизацией.

Папуасы были людьми каменного века. Они не знали металла. Ножи, топоры, наконечники копий и разные орудия делали из камня, кости и дерева. Не знали письменности.

Маклай подружился с папуасами. Он завоевал общую любовь и уважение туземцев. Они называли его «Маклай-друг», говорили, что «слово Маклая — одно». Не стрелы и копья встречали Маклая в папуасских деревнях, а радостные улыбки.

В дневнике Маклай описал свою первую встречу с папуасами.

Первого октября он отправился безоружным в ближайшую папуасскую деревню. «Увидев меня, некоторые туземцы подняли копья, а другие приняли очень воинственную позу... вдруг пролетели одна за другой две стрелы...»

Маклаю надо было показать папуасам свои дружеские намерения. «Не долго думая, я высмотрел место в тени, притащил туда новую цыновку и с громадным удовольствием растянулся на ней. Я проспал два часа с лишним. Открыв глаза, я увидел несколько туземцев. Они были без оружия и смотрели на меня уже не так угрюмо».

Николай Николаевич был не только исследователем, он стал просветителем племени: давал папуасам семена полезных растений, учил пользоваться орудиями из металла, лечил их.

Своим поведением он показывал пример справедливости и уважения к человеческому достоинству.

Маклай смог изучить быт и нравы папуасов, строение их тела и доказал всему миру, что папуасы точно такие же люди, как и белые.

Учёные говорили, что волосы у папуасов растут «пучками». «Нет, растут совершенно так, как у европейцев»,—говорил Маклай. Учёные утверждали, что кожа у папуасов грубая, жёсткая. «Нет, кожа гладкая и ничем не отличается от кожи европейцев»,— писал Миклухо-Маклай. Папуасов считали «кровожадными» и «коварными», не способными мыслить.

Маклай на протяжении всего своего дневника отмечает, что папуасы — обыкновенные люди, они добрые, умные, ловкие, смелые, честные и бескорыстные.

Своими исследованиями Миклухо-Маклай внёс ценнейший вклад в мировую науку и разбил реакционные вымыслы о «низших» и «высших» расах.

Маклай не раз возвращался в Новую Гвинею, на Берег Маклая, к своим друзьям. Он даже хотел навсегда поселиться среди них, но смерть (14 апреля 1888 года) помешала ему выполнить это.

Маклай любил не только науку, но и людей.

Посещая острова Тихого океана, он не мог не видеть того, как европейские колонизаторы грабят и истребляют тёмные расы, тревожился за участь своих друзей-туземцев с Берега Маклая. Когда стало известно, что Австралийский союз собирается захватить восточный берег Новой Гвинеи, Маклай написал протест «высокому комиссару её британского величества».

С 1879 года он неоднократно обращается к высоким чиновникам колониальных держав с письмами-протестами, прося прекратить торговлю чёрными невольниками, дать возможность бедным жителям островов спокойно жить на своей земле.

«Истребление тёмных рас,— писал он,— есть не что иное, как применение грубой силы, и каждый честный человек должен осудить её или, если может, восстать против злоупотребления ею».

Маклай требовал создания международной ассоциации для защиты прав всех туземцев Тихого океана.

Наивно было обращаться к чиновникам колониальных стран, он сознавал это, но всё-таки обращался. Он сделал всё, что мог, для своих чернокожих друзей.

Люди нашей страны с гордостью произносят имя великого путешественника Миклухо-Маклая, доказавшего, что наука может и должна служить справедливости и любви к человечеству.

В. И. ДАЛЬ

22 СЕНТЯБРЬ

Январь 1837 года. У постели умирающего Пушкина собрались его друзья.

К одному из них обратился Пушкин и сказал: «Мне приятно видеть вас не только как врача, но и как родного мне человека по общему нашему литературному ремеслу». Это был Владимир Иванович Даль.

За что же так высоко оценивал Пушкин Даля? Да и не только Пушкин, а Жуковский, Крылов, Гоголь, Белинский и другие. Помним заслуги Даля и мы, советские люди.

В. И. Даль первый в России собрал слова, встречающиеся в речи русских людей, издал их книгой под названием «Толковый словарь живого великорусского языка», в 4 томах.

Этот словарь выдержал 5 изданий, в том числе одно советское — в 1935 году.

Он содержит до 200 тысяч слов, из которых около 80 тысяч впервые помещенных в печати.

Это не только первый полный словарь русского языка, но сборник пословиц, поговорок и описаний трудовых процессов. Такого словаря нет ни в одной другой стране.

Словарь В. И. Даль составлял в течение 40 лет. Первое слово он записал в 18 лет, а издал словарь в конце своей жизни.

Родился Даль в гор. Луганске (ныне Ворошиловград) 12 ноября 1801 года. Образование получил в морском кадетском корпусе в Петербурге и на медицинском факультете Дерптского университета. Даль был морским офицером, врачом, писателем, лингвистом, географом.

С 1819 года он служил в Черноморском флоте. И с этого времени начал вести записи о языке и быте народа.

С простыми людьми, солдатами и матросами Даль был близок в период службы в Кронштадте, во время войны с Турцией, службы в Оренбургском крае.

В сентябре 1833 года в Оренбург приехал Пушкин, задумавший написать «Историю Пугачёвского бунта».

Даль помогал Пушкину собирать исторические документы о восстании Пугачёва. Вместе они беседовали с крестьянами, помнившими восстание.

В языке простого народа Даля привлекала образность. Позднее он писал: «Кто же станет поминать, в хорошем обществе, борону, соху, ступу, лапти, а тем паче рубаху и подоплеку? А если заменить все выражения эти речениями нашего быта, то как-то не выходит пословиц...»

Поэтому в словаре Даля много просторечных слов, диалектизмов. Но он всегда объясняет, в каких случаях то или иное слово употребляется.

Слова Даль располагает по «гнёздам», то есть группам родственных слов, которых бывает иногда до пятидесяти. Слово даётся всегда в предложении. Примерами часто являются народные пословицы или загадки.

Вот как составлено гнездо слова «гора».

Даль объясняет, что гора — это общее название всякой земной возвышенности. Слово женского рода. Затем он называет связанные с горой особенности рельефа (долина, склон) и приводит синонимы (утёс, сопка, скала). Затем указывает 6 случаев употребления слова «гора» в речи, давая к каждому случаю около 10 примеров. Некоторые из них: «Не сули с гору, а подай впору», «Гора с горой не сходится, а человек с человеком сходится», «Идёт Егор с высоких гор, ковром покрыт, скобой прибит» (снежная вода).

Каждое производное слово поясняется и даётся в сочетании с часто употребляемым словом. Например, **горный** — хрусталь, лес. Однокоренные — гористый, горец, горнорабочий, горнозаводчик.

Но иногда Даль неверно ставит в одно гнездо слова разных корней. Следующие создатели словарей учли эти ошибки.

Заслуги Даля, первого автора словаря, неоценимы.

Толковый словарь был издан в 1859 году.

По выходе словаря Даль был избран почётным членом Академии наук и удостоен Ломоносовской премии. Другие учреждения и учёные общества почтили его дипломами, званием почётного члена и золотыми медалями.

Умер Даль 22 сентября 1872 года, до последнего дня не прекращая своей литературной работы.

Ёжка

Б. Рябинин *Рисунки Е. Гилёвой*

В нашем доме настоящий зверинец.

Есть у нас весёлая шустрая собачка Мушка, белая, а на спине и боках большие тёмносерые пятна. Шерсть у Мушки жёсткая и курчавая, коротенький хвостик всегда задорно задран кверху, мордочка бородатая и смешная.

Мушку все очень любят у нас. Она смела, никого не боится и не впустит в дом чужого — не смотри, что невелика.

Мушку потому и назвали Мушкой, что она суетлива и резва, день-деньской толчётся, как в ступе, а если чуть что не по ней, сейчас же будто взорвётся хлопушка:

— Гав! Гав!

Есть у нас большой рыжий кот Мурзик. Ну, у этого совсем другой характер. Это очень заслуженный, всеми уважаемый кот. Он живёт в нашем доме более шестнадцати лет.

Когда-то Мурзик был хороший охотник, истреблял мышей и крыс, а теперь одряхлел и мышей не ловит, больше спит.

Ещё есть у нас белый и пушистый, как комок ваты, котёнок Пушок. Когда мы взяли Пушка, он был ещё слепым. С тех пор он сильно вырос и уже научился ловить мышей.

А недавно нам принесли ежа.

Сосед-охотник ходил в лес и поймал там ежа. Принёс и подарил нам.

Вот лежит ёжик в прихожей на полу. Как взять его в руки? Ведь он колючий, весь покрыт длинными острыми иголками.

Ёжик — небольшой зверёк. В лесу живут и волки, и медведи, они могут съесть его. Иголки защищают ежа.

Вышла мама из кухни. Тоже смотрит на ежа. Он свернулся, как шарик, выставил иглы во все стороны, лежит и не шевелится. Иглы желтовато-бурые, а кончики — темнее.

Мушка учуяла ежа, визжит, скребётся за дверью, просится из комнаты в прихожую. Мама впустила её.

Мушка кинулась к ежу. Хотела понюхать его, ткнулась носом, да как взвизгнет! Отскочила, встала и стоит. Шею вытянула, то на ежа посмотрит, то на нас с мамой, словно спросить хочет: что за зверь? Откуда взялся? Как кусается!

— Ага,— сказала мама.— В другой раз будешь осторожнее!

Пришёл Пушок. Походил-походил вокруг ёжика, выгнув спинку и подняв хвост трубой. Тронул ежа лапкой и сразу отдернул, точно обжёгся. Потом затряс ею и принялся лизать.

— Так,— засмеялась мама.— Ещё один. Кто следующий?

Ах ты, ёж-недотрога! Никто-то не может задеть его безнаказанно. Всех колет, никого не пощадит!

Появился Мурзик. Увидел ежа — распушился, глаза засверкали.

Мурзик оказался умнее Пушка и Мушки. Он не стал трогать ежа, а сел в сторонке, как бывало делал, когда подкарауливал мышей, и принялся терпеливо ждать.

«Ведь когда-нибудь же надоест ему лежать неподвижно. Он сам и раскроется. Вот тогда мы и посмотрим, чья возьмёт!» — вероятно, думал Мурзик.

Мы с мамой ушли, чтобы не мешать нашим животным познакомиться с ежом.

Когда я через полчаса снова заглянул в прихожую, то собака и кошки все ещё торчали на прежних местах, а еж... исчез!

Оказалось, он уполз и спрятался под шкафом.

* * *

Так ёж поселился в нашем доме.

Первые дни его было не видно, не слышно. Он не показывался из-под шкафа, ничем не напоминал о себе.

Ежедневно мама ставила под шкаф блюдечко с молоком и клала кусочек мяса. До вечера еда стояла нетронутой. А ночью исчезала.

Но потом Ёжка стал смелее.

Как-то раз я засиделся поздно вечером за столом, читая книгу. Вдруг слышу, кто-то под столом копошится. Заглянул под стол, а там — ёж.

Ёжка заметил, что я смотрю на него, сразу свернулся, замер, только чуть мордочку показывает. Потом видит, что я его не трогаю, осмелел и осторожно двинулся дальше.

Я не стал ему мешать. Пускай бегает. Наверное, наскучался, бедняга, сидя под шкафом.

Смотрю, из-за дверей показался чёрный, как пуговка, нос Мушки. Затем высунулась и вся бородатая мордочка собаки. Мушка уже давно следила за ежом. Куда он, туда и она.

«Что это за зверь появился в нашем доме?» — интересовалась Мушка.— «И пахнет как-то не так, как все. Явился незванный, да ещё разгуливает ночью по квартире. Как бы что-нибудь не напроказничал. Надо последить!»

— Уйди, Мушка,— приказал я собаке.— Ступай на место. Нечего тебе охотиться за ежом!

Мушка скрылась, но через минуту её любопытная мордочка снова выглянула из-за двери.

Ах, с каким бы наслаждением схватила Мушка ежа! Но, пожалуй, опять наколешься. Нет, лучше не пытаться. Мушка не забыла, как уколола свой нос.

Мушка жила в конуре, поставленной в углу на кухне. Это был фанерный ящик. Одну стенку у него вынули, на дно положили подстилку. И получилась конура. Мушка очень любила своё жилище и на ночь всегда уходила спать туда.

Как-то под вечер Мушка направилась в конуру. Подошла, сунула в ящик нос и, тревожно фыркнув, проворно отпрыгнула назад. Фу, как несёт чужим запахом! Неужели ёж осмелился забраться сюда?!

Мушка от неожиданности даже присела. Но так продолжалось недолго.

Мушка принялась лаять, рычать, делать вид, что вот сейчас заберётся в конуру и загрызёт ежа.

— Гав! Гав! Выходи! — требовала Мушка.— Вот я тебе! — стращала она ежа.— Гав!

Но ёж и не думал выходить. Ему было там совсем неплохо. Подстилка мягкая, не дует. Как в настоящей норе, в лесу.

— Гав! Гав! — возмущалась Мушка.— Ты зачем туда забрался? Я тебя спрашиваю!!! Кто тебе разрешил? Это же мой дом, а не твой! Выходи оттуда и пусти меня!

На подмогу Мушке явился Пушок. Неслышно ступая бархатными лапками, он прошёлся перед конурой раз, другой.

Пришёл на кухню даже старый Мурзик. Он тоже поднял воинственно хвост, в глазах пропало сонное выражение. Даже походка стала другой, как прежде, когда Мурзик был молодым.

Надо было как-то выживать ежа из конуры.

Пушок вспрыгнул на конуру; Мушка села прямо против входа в ящик; Мурзик расположился на табуретке сбоку. Ёж оказался, как в осаждённой крепости.

«Ах, он захватил Мушкину конуру? Хорошо же, мы не выпустим его оттуда! Если он храбрый, то пусть выходит сразиться в честном бою, а если боится, трус, пусть помирает с голоду. Не жалко!»

Но они так ничего и не добились. Ёж пересидел их.

Первому надоело без дела томиться на табуретке Мурзику.

Он не любил тратить время попусту. Лучше — спать. За ним ушёл Пушок.

На нашу весёлую резвую Мушку было жалко смотреть. Бедная Мушка! Ёж-разбойник отнял у неё дом.

Пришлось сделать для Мушки другое гнездо, в моей комнате.

Несколько дней Мушка тосковала по старому гнезду, а потом привыкла к новому и снова сделалась весела и резва. А ёж продолжал жить в её конуре.

* * *

После этого ёж и вовсе расхрабрился. Он разгуливал по дому, когда хотел и где хотел. Он перестал бояться меня, мамы и позволял брать себя на руки. Только теперь я как следует рассмотрел его.

Хвост у ёжика коротенький, лапки с острыми коготками, глаза, как бисеринки. Он и так невелик, а если убрать иголки, то будет и совсем маленький. Однако, когда сожмётся в комок, не разожмёшь ни за что.

Он любит поесть, аппетит у него всегда хороший. Куриную голову ёж съедал с костями. Очень полюбил колбасу. Мама протянет ему кружок колбасы, а он — хвать зубами и повиснет на ней.

Пищу ёжик ест медленно, фыркает, чавкает, как свинушка.

Он озорник и забияка. Знает, что кошки и собака сильнее его, но это не смущает ежа. Кот ест — ёж подбежит, уколет его иглами, отбежит и фыркает. Кот уйдёт, а Ёжка примется доедать его пищу.

Он лезет в чашку и к Мушке, когда та ест. Мушка торопится, чуть не давится. Едва зазевается — ёж уже в чашке. Влезет в чашку всеми четырьмя лапами. Даже полежит в ней.

Наестся всласть, после начнёт чесаться, зевать во весь свой большой рот. Почёсывает брюшко, примется царапать за ухом.

Когда мама готовит обед на кухне, Ёжка сидит перед плитой и, вытянув мордочку, нюхает запахи.

Он научился открывать дверь в ту и в другую сторону. Поскребётся, поскребётся и — откроет.

Привык к кличке — Ёжка. Мама крикнет:

— Ёжка!

Он, где бы ни был, тотчас бежит на зов. Заодно бегут и коты.

Ёжик любит поиграть. Только Мурзик начнёт мыться, облизывая лапку, ёж прибежит и хвать его зубами за хвост. Мурзик закричит не своим голосом, отпрыгнет, как мяч, взлетит на шкаф, а потом сердито смотрит оттуда на озорника.

Ёжка постоянно задирает и Пушка. Пушок разыграется, разнежится, перекатываясь через спинку на полу; ёжик вдруг наскочит на него, ущипнет за нежное брюшко и — бегом прочь. А Пушок вскочит и оторопело смотрит ему вслед.

Вот ведь задира! Его, так не тронь, а — сам?!

Однажды, придя на кухню, мы увидели, что ёж азартно гонится за тараканом. Поймал и с аппетитом съел.

В квартире не стало ни одного таракана. Как только появится хоть один, Ёжка сейчас же поймает его и съест.

Ёж — полезный зверёк. На воле он уничтожает жуков, больших синих мух, кузнечиков и других вредных насекомых. Он охотится и на крыс, мышей, ядовитых змей. Поэтому ежей нужно беречь.

* * *

И вдруг — пропал наш ёжик, исчез, только его и видели!

Я и мама уходили из дома, в квартире оставались одни животные. Пришли — кошки и собака тут, а ёжика нет. Искали по всем комнатам, сбились с ног,— потерялся Ёжка!

Стали кричать:

— Ёжка! Ёжка!

На сундуке лежала подушка. Смотрим, подушка шевелится. Оказывается, ёж — под ней! Вот и ищи его!

Прошло несколько дней — опять не видно ежа. Мы сразу направились к сундуку. Подняли подушку — нет ежа...

А он — в подушке! Прогрыз дыру, забрался внутрь и спит. Вылез оттуда — весь в пуху.

Стал я как-то ложиться спать. Сунул ногу под одеяло, да как вскрикну:

— Ой!

Укололся о что-то больно. Откинул одеяло, а там — ёжик! Свернулся и спит. Сладко спит. Должно быть, озяб, залез под одеяло погреться, да и уснул.

В другой раз он забился в валенок. Пришлось вытрясать его оттуда. Иначе не достанешь.

Что такое сделалось с ежом? Всё прячется куда-то, перестал бегать по дому, играть.

Мама шила себе платье, обронила лоскутки. Ёж подхватил их и унёс куда-то. На что они ему?

— Зиму чует,— сказала мама.— Зимой ёжик должен спать. Вот он и беспокоится, ищет норку.

Действительно, на дворе уже была глубокая осень. Прошли тёплые летние деньки. Деревья оголились, певчие птицы улетели в жаркие страны, часто моросил холодный дождь. А однажды, выглянув утром в окно, я увидел, что всё вокруг побелело — выпал снег.

В этот день ёж не появился совсем. Оказалось, что он сделал себе под печкой тёплое гнёздышко, натаскал туда разных лоскутков, мусора и спит там.

Я не стал тревожить его. Не беспокоили зверька и наши домашние животные: Мушка, Мурзик и Пушок. Тоже понимали, видимо, что зимой ёжик должен спать.

До свиданья, ёжик, до весны!

ЁЛКА НА ВОКЗАЛЕ

Е. Долинова *Рисунки В. Васильева*

Я третий день в вагоне,
Мне ехать далеко,
До нашей тёти Тони
Добраться нелегко.
Рисую я в тетрадке
Солдата на коне...
— Готовься к пересадке,—
Сказала мама мне.
— Сегодня уж едва ли
Наш поезд подойдёт.
Придётся на вокзале
Сидеть под Новый год.
Я вместе с мамой живо
Все вещи подобрал.
Какой вокзал красивый
В окно я увидал!

И вот вагоны стали.
В моё окно как раз
С портрета смотрит Сталин,
Как будто встретил нас!
Мы вышли из вагона,
Направились в вокзал.
Дежурный по перрону
Вдогонку нам сказал:
— Пройдёте двери эти —
Сверните вон туда,
Там комната, где дети
Ждут с мамой поезда.

* * *

Приятно после душа
В постели мне сейчас,
Здесь няня тётя Груша
Заботится о нас.
Сама нас всех помыла,
В кровати уложила,
И пальцем погрозила,
Сказала: — Мёртвый час!
Да нам не спится только:
Мы видели тайком
В соседнем зале ёлку
С звездой под потолком!

* * *

В той комнате, где мамы
Ждут с нами поезда,
Наверно, не бывало,
Так шумно никогда.
Играем и поём мы,
И водим хоровод.
Мы здесь совсем как дома
Встречаем Новый год.

Огней на нашей ёлке
Никак не перечесть!
А серпантина столько —
Запутаешься весь!
Какие нам игрушки
Дарили с ёлки той!
Я получил Петрушку,
Фонарик золотой.
Володя из Рязани —
С моторчиком вагон,
А Тане из Казани
Достался серый слон.
А няня тётя Груша
Стоит и говорит:
— Ой, сколько же игрушек
Вам Дед-мороз дарит!
Но мы отлично знаем,
В счастливый Новый год
Нам Родина родная
Свои подарки шлёт.

Е. Долинова *Рисунки В. Васильева*

Светит солнце... Каплет с крыш...
У ворот стоит малыш,
В шубе, шапке, в рукавицах,
А в руках своих малыш
Держит пару новых лыж.
Старичок идёт прохожий:
— Что ж ты плачешь в день погожий?
Расскажи, о чём грустишь?
Всхлипнул горестно малыш:
— Я вчера от тёти Лизы
Получил в подарок лыжи,
Ведь зима в календаре,
Что же сыро на дворе?

Старичок сказал ему:
— Сыро, видно, потому,
Что стоишь ты тут и плачешь,
Снег и мокнет, не иначе.
Ну иди ко мне поближе,
Вытри слёзы, улыбнись.
Ты у нас еще по лыжам
Завоюешь первый приз.
На Урале так бывает:
Вдруг зимою снег растает
И совсем наоборот —
Вдруг весною снег пойдёт.
Вот на этой же неделе
Пометут ещё метели.
Раз февраль в календаре —
Будет холод на дворе.
Светит солнце... Каплет с крыш...
Улыбается малыш.

БАСНИ КРЫЛОВА

Следя за линиями на этом рисунке, вы сможете вспомнить девятнадцать басен И. А. Крылова. Что это за басни?

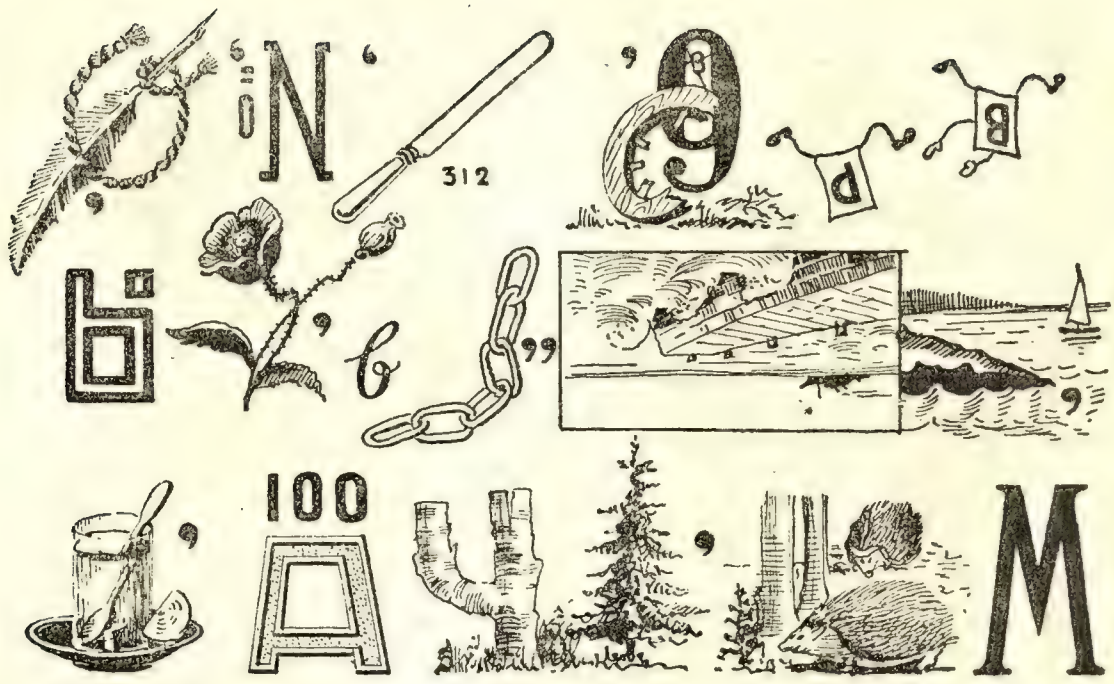
КРИПТОГРАММА

Пользуясь приведёнными здесь иллюстрациями к произведениям А. С. Пушкина, назовите слова криптограммы:

1. Произведение.
2. Герой драмы.
3. Одна из глав произведения.
4. Стихотворение.
5. Героиня романа.
6. Одна из повестей Белкина.
7. Персонаж поэмы.
8. Верный страж царя Додона.
9. Герой повести.

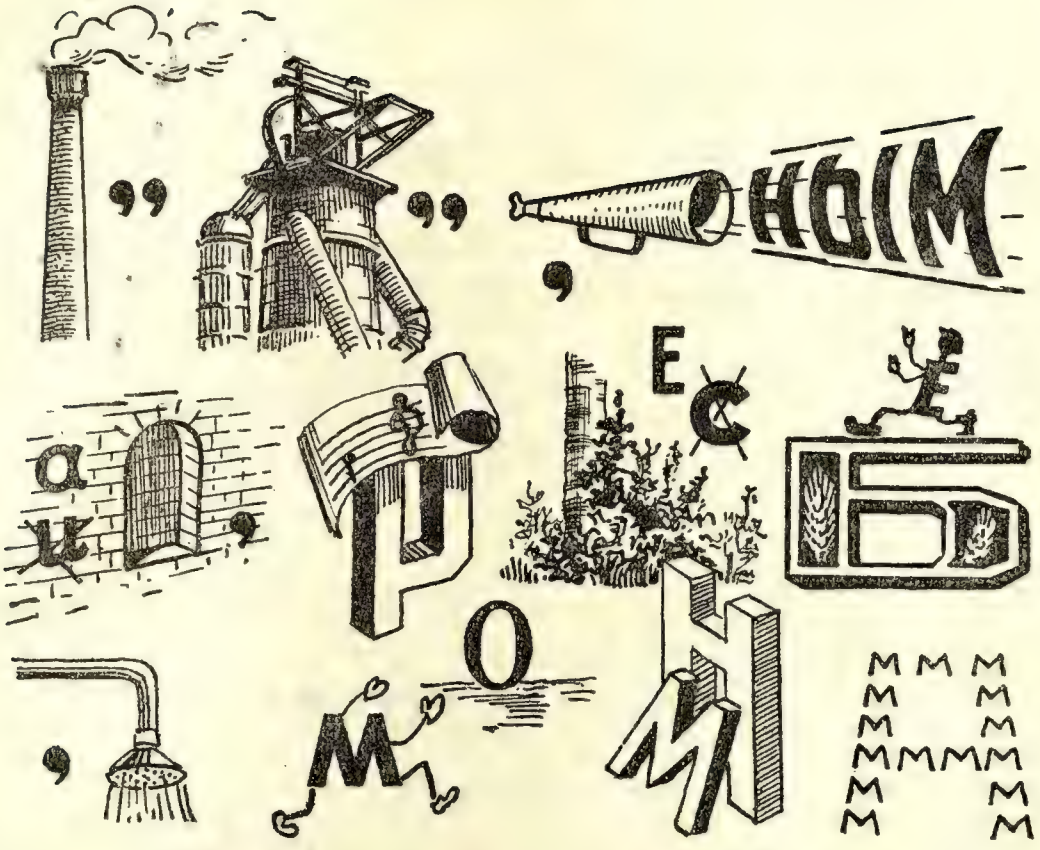
Правильно определив слова и соответствующие цифрам буквы, прочитайте под иллюстрациями строки из стихотворения великого поэта.

РЕБУС № 1



РЕБУС № 2

РЕБУС № 3



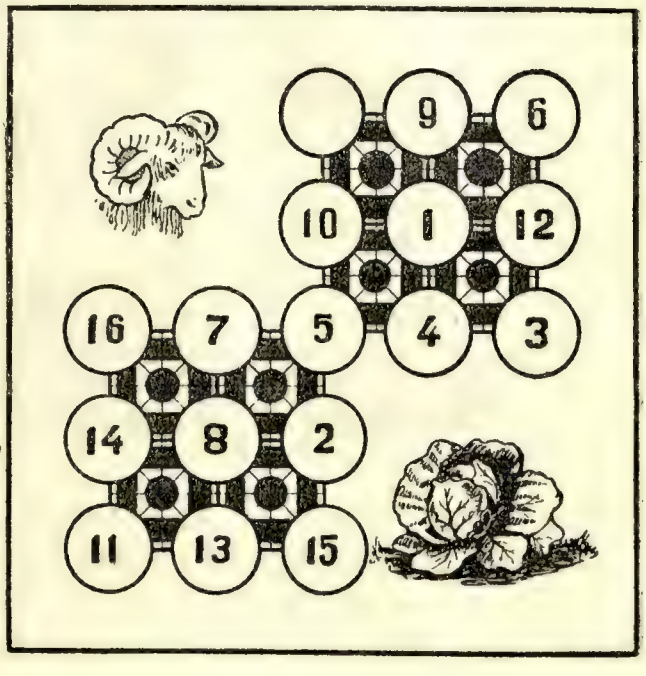
БАРАН И КАПУСТА

Для игры нужны 16 фишек с номерами от 1 до 16 с изображением баранов и капусты. Чётные цифры обозначают капусту, нечётные — баранов.

Положите фишки на соответствующие номера доски: бараны оказались среди капусты.

Задача состоит в том, чтобы отделить баранов от капусты. Эту задачу надо разрешить следующим образом, соблюдая такие правила:

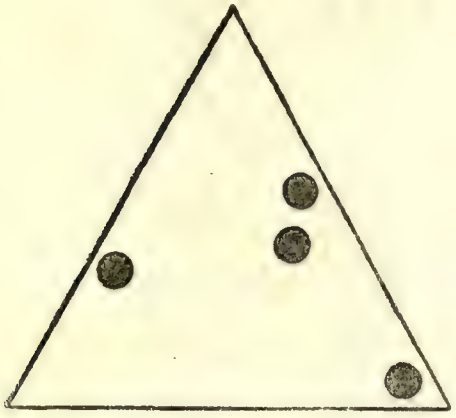
1. Фишки могут передвигаться либо на свободный кружок, либо прыгать через один кружочек на свободный. Снимать фишки с доски нельзя.



2. Ходы и прыжки могут совершаться только в направлении линий, соединяющих кружки (по диагоналям нельзя ни ходить, ни прыгать).

3. Когда задача решена, средний кружок, на котором в начале игры стоит фишка 5, остаётся свободным, а нижняя и верхняя группы состоят из одних баранов и одной капусты.

РАЗДЕЛИТЕ НА РАВНЫЕ ЧАСТИ

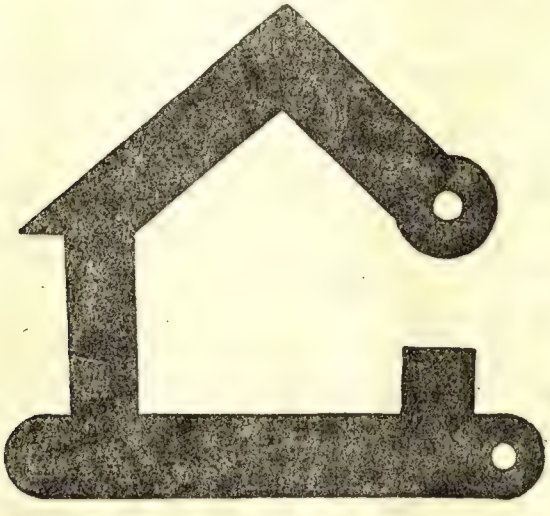


Перед вами равнобедренный треугольник с четырьмя кружочками. Разделите его на равные части и так, чтобы в каждой было по одному кружочку.

СОБАКА И КОНУРА

(Головоломка-самоделка)

Рисунок переведите на картон и вырежьте. Возьмите суровую нитку (кусочек шпагата) и пропустите её через отверстия на конуре и завяжите



концы нитки узлом так, чтобы получилась петля. Другая нить — это цепь. Один конец этой цепи привяжите к отверстию на ошейнике собаки. Захватите цепью петлю, пропустите её через отверстие на ошейнике и к этому концу цепи привяжите картонный кружок или пуговицу.

Предложите товарищам, не знающим секрета, выпустить собаку из конуры, не развязывая узлов и не развязывая нитей.

Освободить собаку очень просто: нужно петлю всунуть в ошейник и вытянуть цепь.

ЗАДАЧА-ШУТКА

Из Свердловска вышел пассажирский поезд, идущий со скоростью 40 километров в час. В то же время из Молотова навстречу ему отправился скорый поезд, который шёл со скоростью 60 километров в час.

Который поезд будет дальше от Свердловска в момент встречи?

НЕ ТОРОПИСЬ С ОТВЕТОМ!

В выходной день я был на охоте и убил лису. Когда я вернулся домой, сынишка спросил меня:

— Папа, это кто?

— Лиса,— ответил я.

— А для чего лисе такой большой хвост?

А как вы думаете, ребята, для чего лисе такой большой хвост?

КАКИЕ РЕКИ?

Мы знаем реку, на которой стоит большой город. Если прочитать название этой реки через одну букву, то получится название другой реки, в которую она впадает. Какие это реки?

УГАДАЙТЕ КЛИЧКУ СОБАКИ

Если отбрасывать по одной букве с конца от имени собаки, то получатся слова, означающие мебель, часть войска, часть комнаты, реку в Италии, согласную букву.

ТРИ ВОПРОСА ОБ ОКНЕ

1. Почему двойные рамы предохраняют помещение от холода зимой?
2. Зачем при замазывании окон на зиму между рамами кладут куски древесного угля или блюдце с солью?
3. Будет ли дуть зимой от плотно закрытого или хорошо заклеенного окна?

ТЕЛЕГРАММА

В 12 часов 30 минут дня из Свердловска отправили телеграмму в Москву, куда она прибыла в 11 часов утра того же дня. Как это могло случиться?

НА РЕКЕ И НА МОРЕ

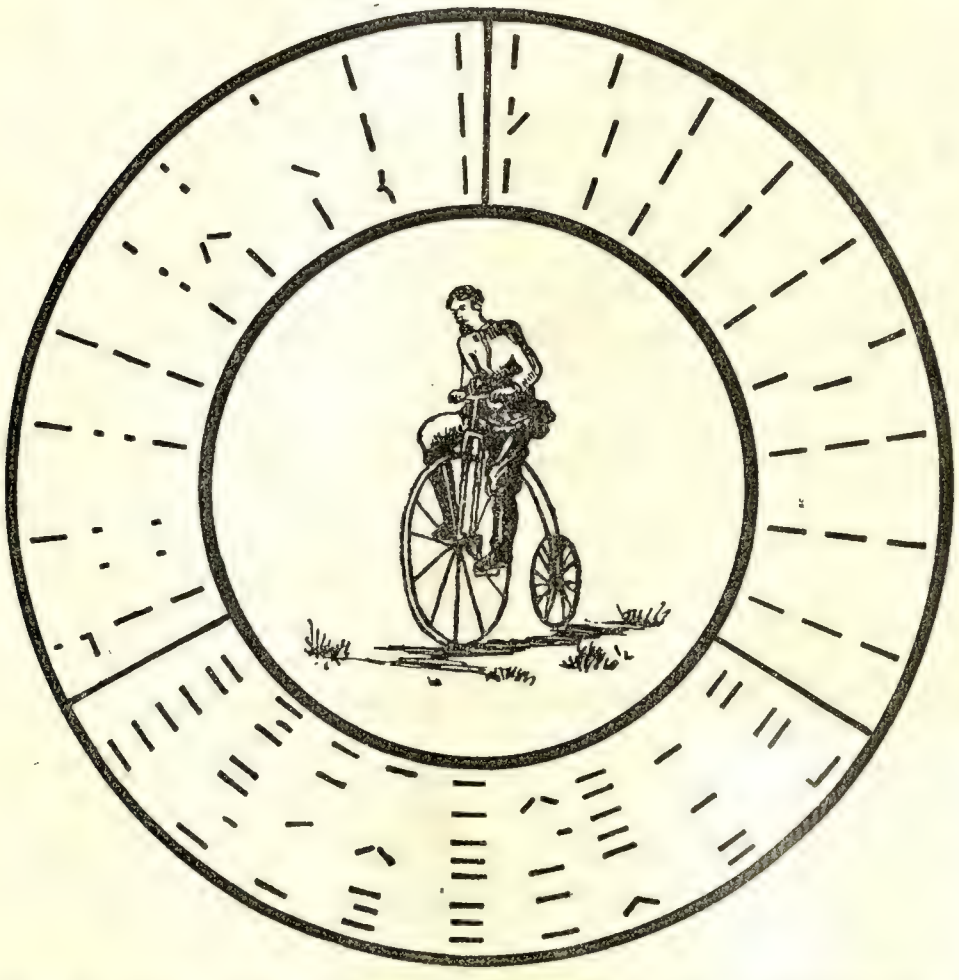
Корабль из реки вышел в море. Как по-вашему, где он больше погружён в воду, на море или на реке?

КАКОЙ ЭТО ГОРОД?

Название города состоит из четырёх букв. Если каждую букву заменить числом, показывающим, какое место она занимает в русском алфавите, то эти числа будут иметь следующие свойства: сумма всех четырёх чисел будет равняться $^1/_9$ от 306. Первое число больше второго на единицу; четвёртое число делится на первое.

Если к частному добавить второе число, получится третье число.

НАША СТРАНА — РОДИНА ПЕРВОГО В МИРЕ ВЕЛОСИПЕДА



В центре рисунка изображён первый в мире велосипед, созданный уральским крепостным из Верхотурского уезда в 1801 году. Найдите способ прочитать зашифрованный на рисунке текст, где указано название первого в мире велосипеда и фамилия его изобретателя.

ОТЫЩИТЕ НА КАРТЕ МИРА

Если вы хорошо знаете географию, то легко найдёте на карте пункты, названия которых соответствуют этим рисункам.

Составил С. Затейный

СОДЕРЖАНИЕ

От Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР 3

М. Прилежаева, Дети прощаются с вождём . . 7

Лев Ошанин, И будет вечно жить товарищ Сталин, *стихотворение* 9

Се Ман Ир, Слово корейца, *стихотворение* . . . 11

Лев Ошанин, Последняя ночь, *стихотворение* . . 13

Анатолий Софронов, Полководец коммунизма, *стихотворение* 14

Михаил Исаковский, Исполним сталинский завет, *стихотворение* 16

Рассказы и стихи

К. Махров, Георгины, *рассказ* 18

И. Пешкова, Будем знакомы, *рассказ* 24

Е. Фейерабенд, Наш класс. Осень, *стихи* . . . 31

Е. Медякова, Дворец счастья 35

Е. Великанов, Вожатый звена, *стихи* 48

Н. Тимофеева, Подарок, *рассказ* 51

Н. Глебов, Асыл, *главы из повести* 61

Н. Ошивалов, Великая дружба, *рассказ* 79

Ф. Тарханеев, Розовый турмалин, *рассказ* . . . 90

По родному краю

А. Арзамасцев, На Денежкин камень, *очерк* . . 97

Б. Дижур, Камень урожая, *очерк* 113

В. Батманов, Пернатые друзья, *очерк* 121

Памятные даты

Великий русский писатель. Великий драматург. Отважный исследователь. В. И. Даль 130

Для малышей

Б. Рябинин, Ёжка, *рассказ* 146
Е. Долинова, Ёлка. Лыжи, *стихи* 153

В часы досуга

С. Затейный, Криптограммы, ребусы, загадки . . 158

Редактор *Л. Чумакова*
Обложка художника *В. Васильева*
Технический редактор *Л. Носова* Корректор *Р. Селянкина*

Подписано к печати 3/III 1953 г. Уч.-изд. л. 7,85. Бумага 70×92/16=
=5,25 бумажного +2 вкл. —12,58 печатного листа.
НС02000. Тираж 25000. Заказ № 46. Цена 4 руб.

5-я типография треста Росполиграфпром,
Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

4 руб.

СВЕРДЛОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1953